Алексей Вязовский

ТРИУМФ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

2018

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Продолжение Восхода и Зенита Красной Звезды. Книга закончена.

- Алексей Вязовский
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
- notes
  - 1

Алексей Вязовский
Режим бога — 6
Триумф Красной Звезды

Глава 1

17 марта 1979 года, 16.30
Москва, Кунцево, улица Маршала Тимошенко

Правду говорят: «пришел марток — надевай семеро порток». Погода совсем не весенняя. Дует холодный пронзительный ветер, в лицо летит колючий снег. Я в своем модном нью-йорском тренче просто околеваю от холода. На улице минус восемь. По ощущениям — все минус двадцать. И это весна! Что я делаю на улице в такую погоду? Ищу работающий таксофон. Обошел уже пару кварталов в Кунцево и ничего. От слова совсем. Я все больше мерзну и посматриваю на часы. Обещал гулять докторам в парке ЦКБ не больше получаса. А меня уже нет сорок минут. Скоро забеспокоятся, начнут искать высокопоставленного пациента. Как же! Сам Романов приезжал навестить. А сколько министров перебывало? Загибайте пальцы. Щелоков — министр МВД был? Был. Товарищ Чурбанов, новоявленный министр МЧС побывал? Аж два раза. А маршал Устинов? Наконец, советский «премьер-министр» Косыгин? Нет… искать меня будут с собаками, вертолетами и со всей столичной милицией! Где же этот чертов таксофон?!

Я оглядываюсь и наконец, замечаю невдалеке серую будку. Хоть на улице и пусто, я лишь большим усилием воли сдерживаю себя от того, чтобы не рвануть к углу здания. Нельзя мне сейчас вызывать подозрения. Модный певец Селезнев — хоть десять раз ты обмотайся шарфом — это не та фигура, которая остается без внимания.

Спокойным шагом дохожу до таксофона, закрываю дверь. Дую на пальцы, пытаясь отогреться. Достаю из кармана бумажку. Перечитываю еще раз текст. Вспоминаю уроки армянского из айфона. В языке этого народа отсутствует звук «Ы», все остальные буквы и звуки идентичны русскому. Это значит, что если армянин владеет русским на очень высоком уровне, он всё равно будет произносить Ы нечётко и очень мягко. Мы — Мии, Вы — Вии…

Так, поехали. Сую 2 копейки в телефонный аппарат, набираю номер.

Мне отвечает усталый женский голос — Справочная Внуково

Я прикладываю к трубке шарф, чтобы звучало глухо и произношу, растягивая гласные

— Тии меня хорошо слиишишь?

— Да, говорите

— Реиис 1691. На борту бомба. Взорвется в воздухе. Тии меня слиишишь? — я старательно копирую армянский акцент

— Повторите — женский голос явно напрягся, в трубке послышался щелчок. Неужели записывают?

— Реиис 1691. Москва-Одэ-эсса. Бомба. Свободу независимой Армэнии!

Последнюю фразу я тихо выкрикиваю, сразу вешая трубку. Руки дрожат, лицо пылает. Мелькает мысль — «Вот и согрелся». И тут же вторая — «Записывали или нет?» А если записывали, смогут ли опознать мой голос? Оглядываюсь. Снег залепил стекло будки — ничего не видно. Видел ли меня кто-нибудь? Стираю отпечатки пальцев с трубки и ручки, осторожно выхожу наружу — все также пусто. Вытираю рукавом пот со лба, быстром шагом иду на остановку. Надо дождаться автобуса и проехать хотя бы одну остановку — вдруг пустят розыскную собаку от таксофона. Еще четверть часа и приходит «Икарус-гармошка». Он набит битком. Внутри полно лыжников, молодежи с санками… Ну правильно. Сегодня суббота, народ едет кататься в Крылатское, на Москва-реку. Натягиваю повыше шарф.

По дороге размышляю, как же я умудрился стать телефонным террористом? Скорее всего из-за слишком внимательного взгляда цэкабэшного психиатра. Доктор Комаров уже дважды заходил в палату, обследовал меня. А перед первым визитом о чем-то долго говорил с Романовым в коридоре. Это мне сестрички нашептали. Вряд ли Генеральный ему что-нибудь рассказал про мои «вещие сны», по крайней мере доктор не касался этой темы — но они оба явно настроились получить побольше информации о моей психике.

А это значит, что я не могу сообщить о катастрофе ТУ-104 во Внуково Генсеку напрямую. Мол приснилось и все. После долгих, изматывающих разговоров с Комаровым… нет уж, лучше так. 58 погибших, куча инвалидов… Сейчас они во Внуково бегом бросятся искать бомбу. А заодно армянских террористов. После недавних взрывов в московском метро — все на взводе. КГБ бдит. Бедный Демирчян… Конец ему. Чую теперь комиссия займется не только Спитаком.

Что касается рейса, то его теперь обязательно еще раз отложат. Поменяется экипаж, прекратится снег, улучшится погода. Там, конечно, была не только ошибка пилотирования и обледенение, но и сработавший датчик пожара двигателя, но настоящего возгорания то не было!

Нет, я все сделал правильно. За исключением того, что поздновато спохватился. После инцидента в Останкино и бесконечного паломничества ко мне в палату мамы с дедом, Лехи, «звездочек», Клаймича, Моники с отцом, министров, всех студийных музыкантов, родственников Веры и даже Альдоны (вот

лучше бы Веверс не приходил — до сих пор мороз по коже), я добрался до айфона только 10-го марта. Мама вместе со всеми вещами привезла его внутри ленинградского калькулятора, где он хранился последний месяц. В сам же телефон я влез с помощью пилочки медсестры только спустя пять дней, в туалете, тайком. Зашел на сайт «этот день в истории», лениво пролистал ленту с ближайшими датами и… чуть не упал с унитаза. Крушение ТУ-104 во Внуково. Погибшие дети, десятки инвалидов!

Ветер бросил мне в лицо новый заряд снега. Глядя на отъезжающий «Икарус», поежился. Перед тем как войти на проходную, мелко разорвал и выбросил на дорогу обрывки бумажки с текстом. Клочки бумаги тут же унес новый порыв ветра. Вздохнул свежий, морозный воздух. Снежинки падали мне на лицо, таяли и снова падали. Я постоял зажмурившись пару минут, после чего с бодрой улыбкой вошел внутрь.

* * *

Вообще в пребывании в хорошей больнице есть много плюсов. Лежишь себе спокойно, спишь, сколько хочешь, усиленно питаешься, и никто тебе не названивает, никто не врывается, чтобы срочно решить насущные проблемы. Опять-таки времени свободного на размышления — масса! Если бы еще врачи своими обследованиями не мучили, совсем хорошо было бы. Но нет! Им же в жизнь не жизнь — дай провести кучу анализов и исследований, потом в глаза мне по очереди посветить, молоточками по моим бедным коленкам постучать и еще задать при этом кучу идиотских вопросов. Нет, чтобы оставить раненого человека в покое и дать ему хорошенько отдохнуть, так нет же… лечить, лечить им меня нужно! Но честно признаться — не такая уж это большая цена за предоставленную мне передышку. Территория у ЦКБ закрытая, лес кругом, воздух свежий, тишина удивительная…словно ты где-то далеко за городом. Палата опять-таки отдельная, и судя по наличию в ней мягкой мебели, большого телевизора и телефона, VIP. Так что лежу…отдыхаю. Первые дни, после того, как мне зашили голову и прошла тошнота — мой молодой организм просто добирал сон, недополученный в предыдущие три недели. Врачи поначалу напряглись, думали, что это последствие сотрясения, но узнав от мамы о ежедневных нагрузках, только сочувственно покачали головами и успокоились. Тем более, что порезы и ушибы заживали на мне, как на собаке.

Благодаря визитам гостей, отделение вскоре оказалось заставлено присланными цветами, превратившись, то ли в оранжерею, то ли в филиал цветочного рынка. Хорошо, что мама уговорила персонал по вечерам забирать все букеты домой, так что к 8 марта с цветами у медсестричек и врачей все было в полном порядке. По телефону мне звонить никто не запрещал, так что связь с внешним миром я поддерживал регулярно и все свежие новости узнавал вовремя.

На следующее утро после Останкино, я поговорил с Картерами, которые улетали в Ленинград. Заверил грустную Монику, что мы с ней еще обязательно побываем и в моей школе, и в Доме Пионеров на Ленинских горах. Какие наши годы…! В ответ девочка обняла меня и даже расплакалась. Но главное, что я для себя узнал — благодарные Картеры ни слова не сказали американским журналистам об инциденте на концерте. У советских же «акул пера», а заодно и у всего технического персонала и зрителей из массовки, примчавшийся со следователями Щелоков распорядился взять подписки о неразглашении. Слухи, конечно, пойдут, тем более по крушению софитной фермы начато следствие и наверняка будут подозреваемые, но в массы это просочится не сразу. А там Картеры улетят, выйдет фильм, пропаганда отработает тему визита и переключится на что-нибудь другое. Вон выборы в Англии на носу. А перед ними еще и авария на ядерной станции Три-Майл-Айленд.

— Тебя выписывают — в палату входит мрачный Леха, в руках у него сумки для одежды — Собираемся.

— В субботу?? — удивляюсь я, подскакивая с постели — Откуда узнал?

— Врача твоего лечащего встретил в коридоре — хмурый «мамонт» начинает собирать мои вещи — Звонили из Кремля, спрашивали можешь ли ты завтра проводить Картеров. Доктор ответил, что хоть сегодня… Ну тебя Романов и затребовал к себе. Хорошо, что сумки в багажнике были.

— Леш, а ты чего такой грустный? — интересуюсь я, помогая складывать одежду — Случилось что?

— Случилось — Леха подходит к окну, упирается лбом в стекло

— Давай, колись

— У Зои выкидыш

— Когда?!?

— Утром.

— Черт! — я подхожу к парню, кладу руку на плечо — Как она?

— Увезли на скорой в гинекологию Боткинской.

— Так что ты тут делаешь? Езжай к ней скорее. Я сам доберусь. Вызову одного из твоих ребят.

— Да был я там — Леха бьет кулаком по подоконнику — Не пускают. Говорят, завтра приезжай.

Мнда… Вот же гадство. Утешать его, что дети еще будут? А у них свадьба на носу… И как тут помочь другу в такой ситуации? Он же для меня что угодно сделает. В Останкино первый прибежал вытаскивать нас из под рухнувшей фермы. Нес за кулисы, снимал с меня пиджак и рубашку, залитые кровью, выбирал осколки стекла из волос, перевязывал, вез в Склиф, а потом в ЦКБ…

— Ты держись, не раскисай — я забрасываю последние шмотки в сумку, оглядываю палату взглядом. Вроде ничего не забыл — Как Зою выпустят из больницы — отправим ее сразу в санаторий. Светлана Владимировна для Клаймича «Загорские дали» рекомендовала. Вот туда и отправим. Там ее подлечат, дообследуют…

— Вить, а что со свадьбой делать? — хмурый Леха поворачивается ко мне — ЗАГС уже через неделю. Родственники собираются…

— Слушай, это только вам решать. Но если надумаете перенести свадьбу — я еще раз позвоню в Грибоедовский и договорюсь на новую дату. Мне понравилось решать вопросы по «вертушке»

Леха натужно улыбается. Хлопает меня по плечу, подхватывает сумки.

— Ладно, пошли искать врача, пора уже.

Стоило мне переступить порог родной студии, как я тут же был затискан и зацелован всеми нашими дамами. Мужская часть коллектива тоже рвалась бурно продемонстрировать мне свою радость, но «мамонт» сегодня был в роли наседки и быстро пресек попытки стиснуть меня в крепких мужских объятьях

— Остановитесь, черти! Забыли, что он только из больницы?!

Подействовало. Хотя радости на лицах меньше не стало. Тронутый теплым приемом, назначаю общее собрание через час и отправляюсь наверх. Пока поднимаемся, Григорий Давыдович загадочно улыбается. Наверное, какой-то сюрприз приготовил! Стоило только зайти в кабинет, как я понимаю, что сюрприза даже два. Во-первых, к нам в студию провели телефон спецсвязи. Аппарат с гербом СССР не оставляет никаких других толкований. Поднимаю трубку, гудок идет. У меня буквально вырывается вздох облегчения. Стали бы мне ставить «вертушку», если собрались отправить в психушку…

Во-вторых, на столе стоит большая коробка, вся в англоязычных наклейках. Исполняю лезгинку, размахивая руками возле груди и выкрикивая «Асса». КГБ достал для меня спутниковый телефон! Клаймич хохочет, в кабинет заглядывают ошарашенные сотрудники. Я тем временем бросаюсь к посылке и распаковываю ее. Внутри черный пластиковый чемодан средних размеров, в котором сложена антенна, сам телефонный аппарат и еще ряд оборудования, чье назначение мне пока не очень ясно. Зато к «Inmarsat 1» прилагается книжка-инструкция, и я набрасываюсь на нее словно коршун. Ага, рабочие частоты, эксплуатация, международные коды…

— Виктор! — директор тянет меня за руку к выходу — Это еще не все сюрпризы

У нас, оказывается, теперь есть штатный парикмахер! Клаймич переманил ту самую Свету, что делала укладку «звездочкам» и даже успел оборудовать ей специальное место в одной из комнат. Кресло, зеркало с подсветкой, сушуар на высокой «ноге», мойка для волос… Из каких интересно фондов? Самой Светланы в студии нет — Григорий Давыдович отправил нового сотрудника на курсы обучения к нашим известным стилистам при Малом театре — Татьяне и Ольге Черняевым. Так что мы одним выстрелом убили сразу двух зайцев. У нас появился и парикмахер и гример, причем в одном лице…

Пока разглядываю оборудование, краем уха слышу как «звездочки» сплетничают про Пугачеву. На сеансах ее фильма творится, черт знает что. Если взрослые зрители ведут себя более или менее нормально, то молодежь откровенно глумится и над слабой картиной, и над плохой игрой «актрисы». Стоит на экране развернуться событиям из личной жизни певицы Стрельцовой, как в зале это тут же начинают со смехом комментировать. Да, и песни былого восторга уже не вызывают — их так часто крутили по радио и телевидению, что они успели надоесть. Критики, которых песни интересовали в последнюю очередь, а в первую — драматургия, не оставили от фильма камня на камне, прессу захлестнула волна критических статей. К тому же вдруг поползли упорные слухи, что музыку к знаменитому сонету N90 Пугачева без спроса позаимствовала у молодого барда Сергея Никитина. Правда, сам бард от своего авторства поспешил откреститься, и скандала не случилось, но нехороший осадок у публики остался, прямо как в анекдоте про серебряные ложечки… В общем, вместо триумфа этот фильм и «актрису» ждал если и не провал, то очень большой конфуз. Наши фанаты сполна отомстили за безобразную драку, учиненную «пугачевскими».

А еще, всю последнюю неделю на афишах к фильму

«Женщина, которая поет», какие-то неизвестные хулиганы жирным фломастером рисуют актрисе фингал под глазом и огромную брошь, слово «пОет» исправляют на «пЬет», а Пугачеву на Брошкину. Детский сад, конечно, но имеем, то что имеем. Кое-где испорченные афиши заменили, но на следующую ночь все снова повторилось. Милиция на жалобы кинотеатров реагирует вяло, караулить щиты с плакатами отказывается, директорам предложено справляться с напастью своими силами. Те, поняв, что бороться с неведомыми хулиганами бесполезно, махнули рукой. И судя по гордому виду Лаэрта и его «банды» на входе в студию, в авторстве этой провокации можно даже не сомневаться. А поскольку боевая часть «пугачевских» до сих пор отбывает наказание в виде 15 суток исправительных работ, остановить мой фанклуб сейчас просто некому.

…Собрание проходит в репетиционном зале, и протекает в обычном рабочем режиме. Я сразу сообщаю коллективу, что нам предстоит поездка в Англию, а значит, работы предстоит много. Прямо сегодня же, без раскачки приступаем к репетициям. И где бурные аплодисменты? Мнда… Расслабился народ за время моего пребывания в ЦКБ. Клаймич тоже, если приглядеться, выглядит как-то бледно. Зря он все-таки не поехал в санаторий.

— А сколько вообще песен нужно для полноценного концерта? — Альдона сразу берет быка за рога

— 10–12, как на стандартном диске — вместо меня отвечает директор

— Но ведь четыре из них у нас уже есть? — с надеждой в голосе спрашивает Вера. Разглядывая свою красавицу, я на мгновение теряю нить беседы, но тут же спохватываюсь. В зале — ее мама, не до игры в «гляделки» сейчас.

— Не совсем… Если мы хотим по-настоящему завоевать Запад, то на этих гастролях наши песни должны звучать исключительно на английском. Поэтому у нас для гастролей в Англии пока есть только три танцевальных хита плюс «We are the World». По-хорошему, нам нужно подготовить еще песен шесть-восемь. — Заметив скепсис на лицах группы, продолжаю — Да, работа предстоит напряженная, но нам ведь не привыкать!

— А как же наши итальянские песни? — растерянно поднимает руку Коля Завадский

— Конечно, можно спеть в Англии и итальянские хиты, но… так сказать, в качестве десерта. Основной репертуар должен быть все же англоязычным. Английская публика довольно консервативна и предпочитает понимать, о чем со сцены поют артисты.

Коллектив явно напрягся, услышав про количество новых

песен, и я спешу всех успокоить

— Не переживайте, большинство новых песен мною уже написаны, пока я лежал в ЦКБ. Какие они? Ну, можно сказать, что в стиле нашего «Почтальона». И даже еще хм…слаще.

Все смеются, обмениваются шутками. Приходится дать им некоторые пояснения о новых тенденциях в западной поп музыке, провести небольшой ликбез…

— Понимаете, мы стоим на пороге новой моды не только на одежду, но и на музыкальные стили. «Диско» в прежнем виде уже устарел, он поднадоел людям, они от него устали. Публика хочет несколько другой музыки, и западные группы сейчас много экспериментируют с разными стилями, пытаясь создать что-то новое. Появилось даже новое понятие в поп музыке — New Wave, Новая Волна. Но учитывая, что в США и Европе тысячи и тысячи дискотек и ночных клубов, где народ танцует ночи напролет, наибольший коммерческий интерес все-таки представляет современная танцевальная музыка. Поэтому мы с вами должны быть в авангарде, впереди планеты всей, предлагая западному слушателю то, что он хочет!

Теперь на меня все смотрят внимательно, сосредоточенно. Вот-вот начнут конспектировать.

— И какие они, эти новые стандарты? — Роберт задает вопрос, который, кажется, беспокоит всех

— Танцевальная музыка становится более ритмичной, более электронной что ли. Синтезаторы теперь все чаще преобладают в ней над традиционными инструментами. Тексты песен становятся все более легкомысленными, вон как у итальянцев. И кстати, романтичные, мелодичные песни на итальянском языке тоже будут пользоваться успехом у европейской публики. Именно поэтому мы с вами будем продолжать работать и в стиле «итал-диско».

— А как называется тот стиль, в котором написаны новые песни? — Клаймич не выдерживает и садится за фортепьяно. Наш директор соскучился по творческой работе и «бьет копытом».

— Да называйте его, как хотите — хоть «евро-диско», хоть «евро-данс». Сейчас все модные музыкальные стили так тесно перемешаны, что между ними и границу-то сложно провести.

— Так давайте его назовем «руссо-диско» — задумчиво произносит Татьяна Геннадиевна — Или «совьет-данс»

— А что и правда — зашумели сотрудники студи — Наша советский фирменный стиль

— Хорошо, пусть будет «руссо-диско» — соглашаюсь я — А теперь давайте приступать. Вера и Альдона садятся записывать тексты новых песен. Лада подежуришь на телефоне, чтобы нас не

отвлекали? Спасибо. Коля и Григорий Давыдович, с вас как всегда ноты! Ну, а я попробую сейчас спеть вам все то, что успел придумать, пока валялся в больнице…

Начинаю демонстрацию нашего нового репертуара с хита всех времен и народов. Прошу любить и жаловать: «You're My Heart, You're My Soul» от Модерн Токинг. За ним следом пойдет «Valerie» и «Japanese Girls» от Джой.

Прикрываю глаза и запеваю сладким голосом, стараясь по мере сил копировать манеру и голос Томаса Андерса. Ребята смотрят на меня сначала со скепсисом, ну, да… такого «сахарного» они меня еще не слышали… Но на словах «You're My Heart»… выражение их лиц постепенно меняется и скепсис исчезает. Как жаль, что я не могу сразу включить минусовку на айфоне, или хотя бы подыграть себе на клавишах. Все-таки, конкретно эту песню нужно слушать сразу с музыкальным сопровождением.

— И правда, сладковато… — произносит Клаймич, словно ставя мне диагноз. Но то, что ему песня понравилась, видно невооруженным глазом. Я лишь неопределенно пожимаю плечами…

Согласен, что приторно. Но зачем нам заново изобретать велосипед, мы лучше используем то, что принесло по-настоящему бешеный успех в прошлой реальности. С Сикрет Сервис, Модерн Токинг, Бэд Бойз Блю и Джой началась бесконечная череда мужских персонажей со смазливыми лицами и сладкими голосами, поющими о неземной любви. И кто я такой, чтобы спорить с «тонким» вкусом искушенной европейской публики? Может, сам я и рад бы спеть что-нибудь более современное и забойное (ага, ударим эйсидишным «Thunderstruck» по любителям диско), но где гарантия, что слушатели 79-го оценят хиты 90-х и 2000-х? Всему свое время, и публика все же должна быть готова к резким переменам и смелым музыкальным экспериментам. Слишком большой разрыв во времени может привести мою группу к фиаско. А поэтому слушаем дальше…

Как ни странно, «Valerie» и «Japanese Girls» проходят вообще на ура, они для моей группы более просты и понятны. Песни и, правда, такие заводные, что я сам невольно начинаю приплясывать. Клаймич одобрительно улыбается и притоптывает ногой в такт моему пению. Ну, и прекрасно…! У меня на эти две песни большие творческие планы, я даже придумал для них сценические номера и антураж. И «Remember the Time» Майкла Джексона произвела на них большое впечатление. Угу… это они еще не знают, что я усиленно репетировал в парке ЦКБ его лунную походку, то-то удивятся…

Конечно, в ЦК должны одобрить представленные тексты, потому что как бы правильно ко мне там теперь не относились, идеологическую цензуру в нашей стране пока никто еще не отменял. И наглеть мне пока рановато, пусть сначала посчитают дивиденды с наших выступлений, и финансовые и политические. Но одну песню я все же попробую исполнить без их разрешения, надеюсь, за что за ее слова «Oh, I really want you Sunday girl» мне потом не сильно по башке настучат. Какую песню? Да, «I Wanna Hear Your Heartbeat» от Бэд Бойз Блю. Ту самую, из которой Газманов так беззастенчиво позаимствовал проигрыш для своего «Эскандрона». Наконец, последний по счету, но не по значению — Wind Of Change Скорпионс. Эту песню я напевал еще Коле Завадскому с Лехой в самом начале и теперь пришло время ее записать.

— Виктор, ты же понимаешь, что все эти песни — отличный материал для нашего нового американского диска?!

Я скромно киваю. А то…! Все восемь англоязычных песен можно смело объединять в один альбом, и ни один музыкальный критик в жизни не додумается, что это написали разные люди, настолько все эти мелодии будут в одном стиле после нашей обработки. Я бы у этих четырех групп и еще чего-нибудь хорошее прихватизировал, да вот только остальные тексты у их хитов такие фривольные, что ни одна репертуарная комиссия их ни за что не пропустит. И вот что мне бедному делать, если времена такие наступают…раскрепощенные?

Спев еще раз песни для наших музыкантов и оставив их подбирать ноты, а девушек переписывать слова, я уединяюсь в пошивочной вместе со Львовой.

— Татьяна Леонидовна, вечерних платьев девушкам уже хватит. Если вы заметили по Сан-Ремо, на Западе молодые артисты предпочитают теперь выступать в более демократичной одежде. Так что наряду с роскошными платьями нашим девушкам нужны и другие сценические наряды. И сейчас мы с вами посекретничаем на эту тему.

Львова понятливо кивает, включает электрочайник. Пока мы пьем чай, я разглядываю помещение, замечая, что здесь прибавилась парочка манекенов и кое-какое швейное оборудование. Наша швейная мастерская потихоньку наращивает мощности… Наконец, чашки опустели и я перехожу к делу.

— Вы, наверное, заметили по тем журналам, которые мы привезли из Нью-Йорка, что мода сейчас словно замерла перед очередным прыжком? — Львова согласно кивает — Так всегда бывает перед тем, как она делает крутой поворот. И наша с вами задача угадать куда она свернет, чтобы как говорят на Западе

«быть в тренде».

Львова иронично приподнимает бровь и хмыкает, но моих слов не оспаривает. Ободренный ее молчаливым согласием, я продолжаю.

— Так вот. Поворот этот будет очень крутым, это я вам точно говорю. И главной чертой нового стиля будет шик и чрезмерность. Чрезмерность во всем: в длине, в крое, в отделке и даже в макияже. Мы с вами можем слепо следовать за модой, а можем попробовать опередить ее на полшага, а то и на шаг. Вы что выбираете?

— Я предпочитаю сначала услышать конкретные предложения…

Какая похвальная осторожность…! Ну, держитесь за стул, товарищ кутюрье.

— Вы должны сшить для наших девушек женские смокинги.

Львова изумленно на меня смотрит и на минуту теряет дар речи. Потом недоверчиво переспрашивает:

— Как у Ив Сен-Лорана…?!

— Да. Но в более современном варианте — с широкими подплечиками и узкими атласными лацканами. Брюки узкие с завышенной талией и лампасами. Девушки будут носить их с очень высокими каблуками. В комплект к смокингу нужна не только белая сорочка с бабочкой, но и маленький атласный топ, чтобы создать видимость, что этот смокинг надет прямо на голое тело. Было бы неплохо густо расшить топ блестящими пайетками.

Львова молчит, но в ее глазах уже отражается напряженная работа мысли, а рука тянется за карандашом и бумагой, чтобы набросать эскиз. Идея захватила ее с головой, и я в очередной раз радуюсь, что она согласилась работать с нами. Испортив несколько листов и согласовав идеальный вариант женского смокинга, мы переходим к следующему вопросу.

— Вы хорошо представляете себе форму стюардесс?

Думаете, Львова снова поражена? Да, ничего подобного. Похоже, после женского смокинга ее уже ничем не удивить. Она лишь задумывается на пару минут.

— В общих чертах представляю. Пока мы сидели в Риме в аэропорту, я видела стюардесс самых разных авиакомпаний. А форма какой компании нас интересует?

— У нас будет эклектичный вариант, от каждого мы возьмем самое лучшее, и в то же время ни повторим не один из них. В общих чертах это должно выглядеть так: пилотка, приталенный жакет с нашивками, узкая юбка-карандаш длиной чуть выше колена, белоснежные короткие перчатки и яркий шелковый шейный платок. Плюс туфли на высокой шпильке.

— А цвет?

— Яркий, так как он должен быть виден на сцене издалека. Но не красный, не синий и не белый. Это слишком обычные цвета для стюардесс. Подберите несколько тканей на свой вкус, а потом мы определимся.

— Что-то еще?

— Форму командира экипажа для меня. Мой китель должен быть темно-синего цвета с золотыми нашивками, белая фуражка с золотой кокардой и отделкой золотым позументом. Можете взять за образец советскую форму, но украсим мы ее чуть по-другому, сделав более парадной…

В дверь мастерской стучат.

— Войдите — Львова как истинный гэбист на допросе переворачивает эскизы изображением вниз.

— Вить, тут за тобой приехали — в дверь заглядывает мрачный Леха — От Романова.

* * *

В приемной Генерального пусто. Если не считать секретаря и Председателя Гостелерадио Лапина, сидящего в кресле для посетителей. «Ужас советского телевидения» — увидев меня, поднимается навстречу и протягивает руку. На его лице отражается искренняя озабоченность. Поверить не могу своим глазам…! И это гроза останкинских редакторов??

— Виктор, как вы себя чувствуете? — Лапин тревожно рассматривает мою голову, видимо пытаясь отыскать на ней следы ранения — Я заезжал к вам в больницу сразу после этого несчастного случая, но вы спали. Врачи не разрешили вас беспокоить. А потом эта командировка… Вот только сегодня утром вернулся.

— А уже установлено, что это был несчастный случай? — я приветливо киваю секретарю и усаживаюсь рядом с Лапиным.

— Следствие еще идет, пока под подозрением двое монтажников, которые плохо закрепили софитную ферму. Это такой позор для Останкино… Американцы, концерт…

Мне неприятна тема разговора, я больше не хочу вспоминать об этом ужасе, поэтому быстро меняю тему.

— Но ведь запись получилась неплохая — я смотрю в окно. Там недалеко виднеется красиво подсвеченная Спасская башня. Перевожу взгляд на часы. Девять вечера. Я обещал маме быть дома не позднее десяти — уже ясно, что не успеваю. Врачи рекомендовали мне соблюдать режим работы и отдыха, но «покой

нам только снится».

— Да, концерт получился отличным, на следующий день все досняли. Нас просто завалили письмами и телеграммами с просьбой его повторить. Но конечно главное украшение этого концерта ваши песни. Теперь они постоянно звучат в эфире.

Лапин держится с достоинством, но понятно, что ситуация с моим ранением напрягает его. И, похоже, он теперь считает себя моим должником. Конечно, хорошо иметь такого влиятельного человека в должниках. Но это с одной стороны. А с другой стороны, Лапин — протеже Брежнева. И Романов теперь расставляет везде своих людей. Так что, сколько еще Лапину оставаться влиятельным человеком и занимать свой высокий пост? И кто придет ему на смену…?

— Григорий Васильевич ждет вас — секретарь кладет трубку телефона и открывает передо мной дверь кабинета. Я вхожу внутрь. Тут все по-прежнему, за исключением того, что Романов сидит за длинным столом для совещаний и что-то раздраженно чиркает на документах.

— Как самочувствие? — Генсек откладывает бумаги и внимательно смотрит на меня

— Спасибо, получше — я присаживаюсь рядом, по привычке всматриваюсь в документы

— Ну ты и жук, Витька — смеется Романов — Опять подсматриваешь

— Чисто автоматически, Григорий Васильевич — улыбаюсь я в ответ — Может, что подтолкнет мои…э… способности

— На, смотри. Только это не то, чтобы секретно, но распространяться не стоит.

Романов подвигает мне стопку документов. Я хватаю первый лист и понимаю, что вижу заявку Болгарии на вступление в СССР! Вот это номер. Механически проглядываю сопровождающие бумаги. От Совмина, от Верховного Совета…

— В первый раз Живков обратился еще к Никите в 1963 году во время визита в Москву — Романов встает, хрустит суставами — Однако тот отшутился в свойственной ему манере: «Ага, хитрые какие, хотите, чтобы мы за наш счет платили грекам ваши репарации? У нас долларов нет! Если у вас есть — платите сами!».

— Речь о репарациях по итогам Второй мировой войны, в которой Болгария воевала на стороне Гитлера?

— Точно. Вторую попытку Тодор предпринял в 73-м году. Репарации уже были выплачены, препятствий вроде нет. Но Леня тоже отказал. Даже пошутил: «Курица — не птица, Болгария — не заграница».

— И как же поступите вы?? Вот тут Примаков пишет — я выудил из пачки записку нового министра иностранных дел — Что в 1975 году по итогам Конференции Совета Безопасности и Сотрудничества в Европе СССР, НРБ и другие страны социалистического лагеря были вынуждены подписать документ о закреплении существующих границ.

— Пока не знаю — пожимает плечами Романов — С одной стороны, бедная страна, надо будет дотировать. Есть международные соглашения, да и общей сухопутной границы нет. С другой стороны, 16-я республика СССР — это правильно. Деньги сейчас есть. Сократили поддержку компартий в Африке, нефть растет в цене…

— Так может не только Болгарию принять — загораюсь я — Монголию, еще кого-нибудь… Во всем мире увидят, что СССР — это такой геополитический проект, который ого-ого как растет! Всем покажем «Кузькину мать».

— Угу, Китаю в первую очередь — Генеральный хмыкает, забирает у меня документы и кидает их на рабочий стол — Чуть до ядерной войны с ними не дошло, пока не заставили войска из Вьетнама вывести. Примем Монголию — опять все заново начнется.

Мнда… Что-то совсем у меня с мозгами сегодня… Подростковое тело сказывается. Трудно сосредоточится, гормоны так и скачут. Надо срочно реабилитироваться в глазах Романова. Может быть предложить разделить республики на культурные автономии и «пересобрать» во всяких Южных, Северо-Западных и прочих Кавказских округах? Ведь деление по национальному признаку — еще одна огромная мина, помимо экономики, которая заложена под СССР. В Грузии и Узбекистане судя по телевизионным репортажам всю местную клановую верхушку уже снесли (под соусом борьбы с местничеством) — самое время провести эксперимент. Ту же Грузию разделить на абхазскую, месхетинскую и другие автономии и раздать в разные округа. Нет, пожалуй, еще рано такое предлагать. Романов еще не слишком крепко сидит в кресле Генсека.

— Ты вот что «кузькина мать». Собирайся ка на гастроли в Англию. Числа так третьего апреля — Романов смотрит на перекидной календарь и что-то на нем отмечает — Поможешь нашим товарищам лейбористам. Руки там пожмешь на сцене, еще что-нибудь… Дела у них идут не очень, совсем не хотелось бы получить консерваторов на Даунинг Стрит. Похерят нам всю политику разрядки. Заодно поприсутствуешь со своими «звездочками» на открытии национальной выставки СССР в Лондоне 18-го.

— Всегда готовы — я шутливо отдаю пионерское приветствие — На сколько дней планировать гастроли?

— Предварительно до 20-го. Пока еще идет согласование по линии министерства культуры. Обязательно покажи текст песен людям Демичева. Чтобы не было скандалов.

— Конечно — киваю я и тут же подскакиваю на стуле от неприятной сирены, которая раздается во всем здании. Тут же без стука в кабинет входят телохранители из 9-ки.

— Григорий Васильевич — произносит один из них — Ракетная тревога. Прошу спуститься в бункер.

Второй охранник открывает дубовую фальш-панель в стене кабинета, за которой прячутся двери лифта.

— Он пойдет со мной — машет рукой в мою сторону Романов

— Это не по инструкции

— Значит, поправим инструкцию — Генеральный собирает документы в папку и подходит ко мне — Не пугайся, обычная тревога. Кто-то запустил ракету без предупреждения, она появилась на наших радарах, вот на всякий случай пустили сигнал по системе. Пойдем, внизу договорим

Мы вошли в лифт, рядом с нами встали трое телохранителей. Один из них нажал нижнюю кнопок без обозначения на стенке лифта и мы поехали вниз. Быстро и практически беззвучно. Спускались меньше минуты. У меня даже немного заложило в ушах. Лифт остановился, двери открылись и я увидел впереди большой тоннель. Электрический свет освещал ребристые чугунные тюбинги, кабельные кронштейны с пучками проводов… Издали доносился ровный гул шахтных вентиляторов.

— Пошли, чего стоишь — Романов легко подтолкнул меня вперед. Тесной группой мы нырнули в туннель и минут за пять дошли до самого помещения бункера. Вход закрывала огромная, круглая стальная дверь. Прямо как банковских хранилищах. Она была приоткрыта и мы оказались внутри коридора с душевыми кранами и железными решетками под ногами. Ага, помещение обеззараживания. В конце коридора была еще одна герметичная дверь. Миновав многоуровневый лабиринт шлюзов, мы наконец-то попадаем в жилой сектор. В пункте управления бункером встречаем первых людей. Это военные в форме, которые сидят за пультами с разными лампочками и телефонами. Романов, ответив на приветствие полковника, заходит в комнату отдыха. Тут стоит точно такой же большой стол для совещаний, как и наверху, на стене висит герб СССР. Генеральный идет к тумбочке с «вертушками» и поднимает одну из трубок. Тихо о чем-то разговаривает.

Я же предоставленный сам себе, обхожу стол с другой

стороны и оказываюсь у большого рисунка, приколотого рядом с гербом. Это оказывается схема линий «Метро-2» — засекреченных московских подземных туннелей мобилизационного предназначения. Одна магистраль идет параллельно Филевской линии метро на бывшую ближнюю дачу Сталина, другая — на юго-запад в Подмосковье через Воробьевы Горы и МГУ. Оканчивалась она в военном городке Власиха (он же Одинцово-10), где располагается командный комплекс РВСН. Оттуда, судя по схеме, можно добраться и до правительственного аэропорта Внуково 2. Еще одна ветка ведет на юг, параллельно Варшавскому шоссе через Видное в правительственный пансионат «Бор». Последние две линии — вдоль шоссе Энтузиастов (Главный Штаб ВВС и ПВО в поселке Заря Балашихинского района), а также вдоль Рублевского шоссе (куда же без него!) в центральный бункер сил гражданской обороны.

— Насмотрелся? — Романов уже закончил говорить и уселся в кресло во главе стола — Ну и любопытный же ты Селезнев, парень. Все-то тебе надо знать, везде свой нос сунуть.

— Что там с тревогой? — интересуюсь я, присаживаясь рядом

— Как и говорил, ложная. Но отбоя по системе пока нет. Так что сидим, ждем.

— Эх, Григорий Васильевич — вздохнул я — Ну когда еще попадешь в секретный бункер Сталина. Может пройдемся?

— А пошли! — легко согласился Романов — Сейчас захватим с собой дежурного смены — проведет нам еще одну экскурсию. А то я в ходе инструктажа при вступлении в должность так особо ничего не рассмотрел. Не до этого было.

Романов позвонил и в комнату зашел молодой румяный лейтенант. Парень, уже явно видевший не раз Романова, с интересом рассматривал меня.

— Лейтенант Колесников — представился офицер

— А по имени как? — поинтересовался Генеральный

— Николай

— Вот, что Коля. Покажи ка нам с еще разок бункер, станцию и галерею.

— Что за галерея? — удивился я

— Сейчас увидишь — усмехнулся Романов. Сначала мы обошли весь бункер, который занимал аж три этажа. Две дизельные электростанция — основная и запасная, помещение с костюмами хим. защиты и дозиметрами, медицинские кабинеты, конференц-зал, комната спец. связи с радиостанцией, способной вещать на весь Союз, наконец, казарма со столовой на 200 человек — объект «Высота» произвел на меня неизгладимое впечатление. Но это было еще не все. Пройдя по основному

туннелю метров сто, мы попали… на станцию метрополитена очень похожую на Маяковскую. Рядом с перроном стоял настоящий поезд. Дверь в кабину машиниста была приветлива открыта. Садись и поезжай. Но даже не это шокировало больше всего. Вдоль всей станции, были расставлены бюсты и скульптуры… Сталина!

Иосиф Виссарионыч был представлен во всех вариантах — с детьми на руках, сидящий, стоящий, указывающий табачной трубкой вдаль… У меня просто челюсть отвалилась вниз. Настолько все это выглядело сюрреалистично.

— Когда Хрущев развенчал культ Сталина и убрал тело из Мавзолея — Романов задумчиво смотрел на ближайшую скульптуру Кобы — Кремлевские бюсты временно снесли сюда вниз. Потом некоторые окрестные и не слишком тяжелые памятники. Но у нас же в стране нет ничего более постоянного, чем временное. Сняли Хрущева, Брежнев боролся с Шелепиным, ему было не до бункера…

— Так это же целый музей Сталина! — я иду вдоль бюстов и рассматриваю «лучшего друга физкультурников». И зачем Романов привел меня сюда? Что он этим хочет сказать? Я вижу, что лейтенант остается у поезда, а Генеральный идет за мной следом.

— Ну что Виктор — Романов встает у одного из памятника, на котором Сталин был изображён чуть наклонившись, держащим в левой руке карту со стрелками ударов по немецким войскам — Новые сны были?

— Григорий Васильевич, зачем вы меня сюда привели? — отвечаю я вопросом на вопрос — Секретный же объект…

— Чтобы ты понял, как мы живем — Генеральный тыкает мне пальцем в грудь — Как в осажденной крепости! Бункеры, тревоги, чэпэ… Вот-вот в какую-нибудь войну вляпаемся. Не с Китаем, конечно, но пограничная вполне может случится — у генералов руки чешутся.

Я поразился как точно Романов оценивает ситуацию. До убийства Тараки и ввода войск в Афганистан осталось — 9 месяцев. Часы все еще тикают.

— Я тебя не просто так послом мира назначил. Нам сейчас как воздух нужна разрядка. Расшатать эту западную осаду, снять взаимную напряженность. Знаешь, как тяжело мне было отпускать тебя в Англию?

— Догадываюсь.

— Но я понимаю, что нужно пробить брешь в антисоветском окружении. По Италии результаты очень хорошие, даже с США есть подвижки. Но все висит на…

— Волоске?

— Точно. Вон что мне из КГБ присылают — Романов открывает ту самую папку, что взял с собой сверху, берет верхний лист, читает — «За последние месяцы западная пропаганда в целом сместила акцент анти олимпийской кампании с требования бойкота Олимпиады-80 на проблемы „трудностей Советского Союза в сфере обслуживания“. Распространяются измышления о том, что Советский Союз якобы не в состоянии обеспечить проведение Олимпийских игр на должном уровне из-за недостатка гостиниц, ресторанов, увеселительных заведений и продуктов питания».

— Голодом стращают? Мнда… «Нам бы день простоять да ночь продержаться» — цитирую я слова из песни

— Так что Вить, давай, постарайся. Нам нельзя допустить бойкота Олимпиады, опять же подписали хорошие контракты с западными компаниями, покупаем несколько заводов…

— Не дай бог, эмбарго какое-нибудь введут — поддакиваю я

— Эх ты, комсомолец, а бога поминаешь — качает головой Романов

— Это так, случайно, к слову пришлось — я краснею и начинаю внимательно разглядывать окружающие памятники

— Так что давай, очаруй старушку Англию, может даже с королевой удастся встретиться — Генсек засовывает документ обратно в папку — В долгу не останусь. Устроим под тебя в Москве международный концерт. Позовем популярных западных музыкантов, трансляцию на весь мир устроим…

А вот это идея отличная. Я мысленно потер руки.

— На Красной площади!

— А у тебя губа не дура — усмехается Романов — Красную Площадь ему подавай… У нас тут могилы, Мавзолей… Ладно, новые сны были?

— Был… один… Страшный очень — я дергаю головой — Снилось, что я работаю в секретной лаборатории. Занимаюсь спорами сибирской язвы.

Романов побледнел.

— Я рано утром прихожу на работу, с похмелья. Голова трещит, во рту — пустыня Гоби. Приступаю к работе, но забываю повернуть тумблер защитной системы. В результате повышается давление на «рубашку» вентиляционной системы, лопается фильтр и споры сибирской язвы разлетаются по территории военной базы, а затем с ветром… накрывает город. Я так думаю Свердловск.

Генсек с размаху бьет рукой по ботинку Сталина.

— Опять ты мне притащил ужас какой-то!! — Романов

гневается и его можно понять — Нет, чтобы хотя бы раз, вот хотя бы раз что-то хорошее, доброе… нет же… Почему сразу не позвонил? Тебе же в студии поставили вертушку! И как ты можешь знать, что это был Свердловск??

— Я даже знаю, как меня зовут. Я расписывался в журнале учета. Николай Чернышев. Лаборатория военного городка Свердловск-19. А не позвонил, потому как только сегодня вышел из больницы. Пока все это проявилось, пока я отчетливо увидел имя…

— Когда все случится? — мрачно спрашивает Генеральный, рассматривая руку, на которой скорее всего будет синяк

— Совсем скоро, в журнале стояла дата 30-е марта. Пятница.

— Нет, с тобой надо что-то делать — Романов пристально смотрит на меня — А если ты «проспишь» какое-нибудь ЧП? Погибнут люди?

— Григорий Васильевич! — тут уже бледнею я — Я же не контролирую это!

— Эх, заглянуть бы тебе в голову, посмотреть, как все это работает

— Такая польза народному хозяйству будет — подхватываю я

Романов смеется, я чувствую, как в очередной раз прошел по краю.

18 марта 1979 года, 11.30

Москва, Ясенево, штаб-квартира Первого Главного Управления КГБ СССР

— Именем Союза Советских Социалистических Республик

Стоящий спиной к видеокамере офицер сделал эффектную паузу, посмотрел направо. Там привязанный к медицинским носилкам полный мужчина в костюме и галстуке начал дергаться, жевать вставленный кляп. На лбу с высокими залысинами выступили капли пота. В помещении и правда было жарко. Носилки стояли на направляющих желобах, которые вели в… топку крематория. Заслонки уже были приветливо открыты, внутри топки полыхал яркий огонь.

— Гражданин Калугин Олег Данилович, 1934-го года рождения — офицер продолжил зачитывать приговор. Два кочегара пошуровали в топке длинными железными шестами. Калугин пронзительно замычал.

— Лишается звания генерал-майора КГБ, всех орденов и медалей, и приговаривается к исполнению высшей меры социальной защиты.

Калугин мычит, пытается перевернуть носилки. На шее вздуваются вены, по лицу градом течет пот.

— Приговор вступает в силу немедленно. Начать казнь!

По сигналу офицера, кочегары начали задвигать носилки в топку. Камера берет крупно ноги, входящие в жерло крематория. Сначала вспыхивают лаковые ботинки, потом штаны. Слышится даже не мычание, а страшный вой. Дальше загорается пиджак и рубашка. Кочегары медленно заталкивают носилки в топку железными шестами. Пылает уже половина тела.

Председатель КГБ генерал Цвигун не выдерживает и щелкает пультом телевизора. Запись останавливается.

— Имант Янович, ну это ни в какие ворота! Азиатчина какая-то — Цвигун вытирает пот со лба платком, ослабляет узел галстука

Глава ПГУ зажигает в кабинете свет, присаживается рядом с начальником на небольшой диван, перед которым стоит телевизор с видеомагнитофоном.

— Та-ак я полжизни прослужил в Азии — усмехается Веверс — Знаете какие нравы в Северной Корее?

— Догадываюсь — хмурится Цвигун — А как удалось все это организовать?

Генерал тыкает пультом в сторону телевизора.

— Нашли по картотеки Мосфильма актера максимально похожего на Калугина, загримировали. На день заняли крематорий Ваганьковского кладбища. Разумеется, взял все самые страшные подписки у всех участвующих. Актера уже отправили на Кубу, поднимать театральное дело у кубинских товарищей. Поживет там несколько лет. Остальные — офицеры Комитета, отдел по южной Азии, мои бывшие подчиненные. Надежные люди. Самое тяжелое с гримом было. Долго подбирали водостойкий, чтобы от пота не «плыл». На камеру снимал я сам.

— Горел манекен?

— Да.

— С шестами получилось не очень правдоподобно, крематорий же на газе… И все-таки я против. Ну что за методы?

— Сёмен Кузьмич, история Калугина и так широко разошлась по Комитету. Пленку мы будем показывать только молодежи, на последнем курсе «Лесной школы». Одним выстрелом убиваем двух зайцев. Отсеиваем из Краснознаменного института КГБ морально слабых и предупреждаем остальных, что бывает с предателями.

— Мнда… Беда с этими перебежчиками — вздыхает Цвигун — Слышал про Полякова из ГРУ?

— Было в еженедельной рассылке по Комитету. Но подробностей нам не доводили.

— Отравился рицином. Начали следствие, а там такое

вскрылось… Тайники, шифроблокноты… А ведь мы даже не подозревали его. Генерал-майор Главного разведывательного управления! — Цвигун бьет пультом по дивану — Фронтовик, два ордена Отечественной войны 2-й степени, Красная Звезда!! Агент ЦРУ или ФБР. Как такое может быть??

Веверс встает, подходит к приставному столику, наливает из чайника в две кружки чай. Разбавляет кипятком.

— Ладно, попробуем с этим фильмом — Цвигун дует на чай, попутно размышляя — Послушаем, какие пойдут слухи по Комитету, какая будет реакция сотрудников… Только в качестве эксперимента! И только потому, что у нас ЦК забрал всех опытных операторов детектора лжи. Я уже распорядился расширить в «Лесной школе» секцию полиграфа, через год уже обойдемся без этой твоей азиатчины.

— Слушаюсь, Сёмен Кузьмич! — Веверс одним глотком выпивает весь стакан

— Каждый раз удивляюсь, как ты такой кипяток выдерживаешься — качает головой генерал — Я вот что заехал. Мы тут совещались с товарищами. Меня просили определить позицию Комитета по Афганистану. Уж очень там неустойчивая ситуация. Еще до того, как тебя поставили на ПГУ, ваши аналитики присылали отчеты, что двоевластие Амина и Тараки плохо закончится.

— Для последнего?

— Да, скорее всего победит Амин. Уж больно хитрый и верткий. Он уже начал клониться в сторону Пакистана и саудитов.

— Плохие отчеты по линии резидентуры поступают, читал — кивнул латыш — Можем ускорить операцию по Сабиру. Товарищ Талыбов уже внедрился во дворец Амина, ждет нашего сигнала.

— Тогда я выношу на Политбюро решение о тихой ликвидации Амина и как только мне дают добро, можете запускаться.

— Служба А не подведет.

— Хорошо. И вот еще что. По Селезневу. У тебя все готово к визиту «Красных звезд» в Англию?

— Да, аналитики составили список вопросов, которые нас интересуют по Италии. С Виктором мы обговорили, что как только он прилетит — сразу вызовет в Лондон Анну Кальви.

— Мягкая вербовка?

— Мы еще прорабатываем «мизансцену». Там возможны варианты.

— Ладно, комбинаторы, аккуратнее. Все-таки дочь премьер-министра. И максимальное контрразведывательное прикрытие

всего ансамбля! Ты и сам в этом заинтересован — у тебя там дочь.

…Вечером этого же дня Веверсу пришлось отвечать и на многие другие вопросы. Он быстро приноровился к неспешному шагу своего пожилого собеседника, и сейчас составляя ему компанию, прогуливаясь вокруг декоративного пруда напротив главного здания ПГУ. Рядом с прудиком возвышались сразу два монумента. Массивная гранитная голова Ленина на постаменте и памятник Неизвестному Разведчику. Лед в водоеме уже вскрылся, появились первые проталины.

Спутник Веверса, Арвид Янович Пельше, находился в приподнятом настроении. В воздухе пахло весной, он чувствовал себя помолодевшим. Как будто открылось второе дыхание. Да что там… У всей страны открылось второе дыхание! Новый Генеральный Секретарь, свежие кадры в Политбюро и ЦК… В Партии началась чистка — только за последнюю неделю с помощью детекторов лжи удалось избавиться от пятерых взяточников. Недрогнувшей рукой Романов с его подачи отстранил от работы двух министров и трех первых секретарей. Начата проверка, идут обыски…

Неожиданный шанс исправить ситуацию, которая давно вызывала головную боль, он не упустил. Сейчас перед ним и старой гвардией, к которой он себя причислял, открывались удивительные перспективы. Все то, о чем при резко постаревшем Брежневе пришлось забыть, вдруг стало возможным с приходом в высшее руководство страны новых людей. И это невольно заставляло расправлять плечи поколение пожилых большевиков, зорко присматриваясь к происходящим переменам.

В свое время Андропов ловко отодвинул стариков, помнящих еще Ленина и выстрел крейсера «Авроры», от власти. И лишь немногие из них остались на таких значимых постах, как сам Пельше. И эта старая гвардия готова была теперь помочь Романову в меру своих сил. Пусть они давно не у дел, но у них есть свои люди во власти, которых можно смело назвать учениками и последователями. Пришло время передать страну в надежные руки. А пока…

— Почему так срочно попросил о встрече? — Пельше резко остановился и посмотрел на Веверса — Что-то случилось?

— Арвид Янович… Вы мне почти отец.

Веверс достал из кармана кусок белого хлеба и начал его крошить уткам, которые поплыли из полыньи ему навстречу — Не хотел вам говорить, но мне почему-то кажется, что Альдона догадывается о моей…особенной роли в мидовской операции.

— Думаешь, она могла что-то увидеть?

— Нет, это абсолютно исключено. Она была в зале с Верой, Ладой и Виктором. Но ее поведение беспокоит меня. Моя интуиция подсказывает, что Альдона знает гораздо больше, чем ей положено и умалчивает о чем-то важном.

— Брось, Имант! Это уже не интуиция, а паранойя. Операция проведена настолько чисто, что даже Цинев ни о чем не догадался. Просто выбрось это из головы, и подумай о том, что причин для странного поведения у молодой девушки может быть сколько угодно. Влюбилась, например.

— Может быть — глава ПГУ глубоко вздохнул свежий воздух

— Что у нас там по Афганистану? Раз уже я приехал, давай обсудим

— За-автра получите предложение от Цвигуна по ликвидации Амина.

— Решились все-таки… Ну, ладно, пусть для начала хоть так. Но чует мое сердце, этим дело не закончится…

— Думаете, нам придется вводить туда войска? В правительстве Афганистана готовят официальную просьбу о военной помощи.

— Ни в коем случае! Это Леня трясся над этим Тараки, а на мой взгляд, его спасение того не стоит. Ты слышал выражение, что Афганистан — это кладбище империй? Еще Александр Македонский потерял там пол-армии перед неудачным вторжением в Индию. А уж сколько англичане мучились? Ладно, черт с ним, с этим Востоком… Скажи лучше, что у нас с Британией?

— Пока по всем опросам лидируют тори. Каллаген серьезно уступает Тэтчер. Наш источник в Лондоне подтверждает факт тайной встречи руководства МИ-5 и МИ-6. Оба ведомства однозначно сделали ставку на Маргарет. Обсуждалось и участие советской группы в предвыборной компании лейбористов. Судя по тому, что ими было принято решение подготовить ряд мер по дискредитации самой идеи сотрудничества лейбористов и СССР, оно их сильно беспокоит. А значит, толк от выступления группы будет, иначе бы они так не де-ергались.

— Как сам думаешь, ситуацию еще можно переломить?

— Трудно сказать, но мы делаем все возможное, чтобы помочь лейбористам. Восемнадцатого апреля открывается наша национальная выставка, через две недели в Лондон вылетает группа. Альдона говорит, что Виктор написал очень хорошие, заводные песни. Успех будет. В программе пребывания выступление помимо Лондона, в двух крупнейших городах — в Манчестере и Бирмингеме. И там, и там есть крупные университеты, а значит, и много молодежи, поддерживающей

левые идеи. Оба города — индустриальные центры, где сильны позиции более умеренных профсоюзов. Поэтому выступление нашей группы на митингах в поддержку лейбористов вполне может добавить им и симпатии, и голосов избирателей. Каллаген, по крайней мере, в этом твердо уверен.

— А ты сам?

— Я склонен с ним согласиться. И не я один. Один из моих сотрудников почти месяц, как прикреплен к студии, у него было достаточно времени присмотреться к Селезневу, и наши с ним оценки во многом совпадают. Виктор — парень не просто талантливый, он еще и с мозгами. Его поведение в Италии и США дает основание надеяться, что он и в Англии не подкачает. А мои оперативники за ним хорошо присмотрят, чтобы он не поддался на провокации и не натворил глупостей.

— Да уж… шустрый юноша! Как вспомню его интервью в Италии, и к каким последствиям оно привело… Кто бы мог подумать тогда, что Кальви станет премьер-министром. И хоть для нас все обернулось к лучшему, наши мидовцы этому Селезневу до сих пор простить не могут, что он смешал им все карты.

— Ну, в МИДе сейчас тоже многое меняется…

— Имант, ты лучше скажи мне, что за странные отношения связывают нашего Генсека и твоего подопечного? Ну, ладно Щелоков с Чурбановым, там хотя бы ясно, но Григорий Васильевич?! Назначить подростка помощником по культуре?

— У меня пока нет ответа на ваш вопрос. Романов иногда вызывает его в Кремль, но их встречи проходят за закрытыми дверями. Достоверной информации об этом нет.

— И что, совсем никаких догадок?

— Ну, почему же, догадки есть. Вы помните аналитическую записку Виктора по Ирану? Кстати, именно после нее мы начали плотно работать по аятолле Талегани. И там очень обнадеживающие контакты. По косвенным признакам можно предположить, что записка — далеко не единственная. Есть и другие его аналитические материалы, имеющие отношение не только ко внешней политике, но и к реформам в экономике. Утверждать этого пока не могу, но мы следим за ситуацией.

— Мнда… С этим надо что-то делать.

— Я уже ничему не удивляюсь. Мой сотрудник подробно описывает в своих отчетах, как этот «юноша» железной рукой руководит своей студией и командует взрослыми людьми, многие из которых ему годятся в родители. И все беспрекословно подчиняются.

— Очень интересно… На меня он не произвел особого

впечатления, но наша встреча была совсем недолгой. Возможно, мне пора присмотреться к нему повнимательнее и встретиться с ним еще раз в более неформальной обстановке…

19 марта 1979 года, понедельник
Москва, ул. Селезневская, музыкальная студия МВД СССР

Понедельник не только день тяжелый, но еще и грязный. Почерневший снег, огромные свинцового цвета лужи на обочинах дорог и хмурое небо с низкими облаками. Погода совершила очередной кульбит, и за холодами неожиданно резко наступила оттепель. Видимо весна, наконец-то, решилась дать затянувшейся зиме решительное сражение, и полностью войти в свои права. Мое настроение совсем не весеннее. Прямо с утра мама устраивает мне за завтраком настоящую выволочку. Долго копила и, наконец, не выдержала. Со слезами на глазах упрекает в пренебрежении своим здоровьем, наплевательском отношении к близким. Не так, совсем не так она представляла себе наш переезд в Москву. У деда от моих приключений болит сердце, сама она вся извелась от переживаний. За последний год она трижды (!) мчалась ко мне в больницу, замирая от ужаса. И хоть второй раз был «понарошку» — я «воспитывал» ленинградскую учительницу литературы — со статистикой не поспоришь. Мои вялые, «для галочки» возражения, что «не виноватая я — ферма сама упала», моментально и очень по-женски отметаются. Почему у других не упало, а у меня упало? И как после такого меня отпускать в Англию? Хорошо еще, что мама не вспомнила Италию…

С тяжелым сердцем отправляюсь на работу. Тут своя «засада». Сразу по прибытии меня отлавливает Сергей Сергеевич. Начинает долго и нудно инструктировать, как пользоваться спутниковым телефоном. Наш безопасник притащил приличную такую губузакатывательную машинку. Приказ о перечне допущенных лиц, журнал учета звонков… Хорошо, что еще не потребовали добровольно-принудительной записи разговоров. А что я хотел от государства, которое хранит оттиски всех печатных машинок страны??

Ближе к обеду разболелась голова и окончательно упало настроение. Пытаюсь поднять его общением с Верой, но девушка сама не в духе. Репетиции идут с трудом, новые песни пока плохо даются «зае». Она нервничает, кусает губы… Узнаю, как идут дела у Лады и Альдоны. Тут ситуация получше. Но если наша «зажигалочка» все-так же фонтанирует энергией, то латышка ровно наоборот — словно черная дыра поглощает все окружающие эмоции. На лице — безжизненная маска. Уже почти

месяц она носит в себе секрет убийства Громыко и не похоже, что это ей доставляет удовольствие.

Видимо, кто-то наверху решает вбить последний гвоздь в мой гроб. По вертушке звонит Щелоков. Меня строгим голосом вызывают «на ковер». Сегодня же. Если есть время и силы ездить в Кремль, значит и для министра я считаюсь выздоровевшим.

— Ну ты готов? — в кабинет входит одетый Леха и вопросительно на меня смотрит

— К чему готов? — я сижу за рабочим столом, обхватив пульсирующую голову и размышляя для чего меня вызывает Щелоков

— Как к чему? Сегодня же Картеры улетают!

Точно. И как я мог забыть?

Мы уже опаздываем, поэтому летим в Шереметьево с нарушением всех правил. В зале международных вылетов — толпа провожающих. Десятки журналистов, чиновников…Мне на шею сразу кидается плачущая Моника в ярко-алом пионерском галстуке, повязанном поверх свитера с Микки Маусом. Да, моя маленькая подружка, мне тоже тяжело было с тобой расставаться..! Столько пережито нами за эти дни, столько приключений выпало на наши с тобой головы… Вот Пончо, крепко жмущий руку и обещающий всегда помнить о том, чем они с дочерью обязаны мне, а вот за его широкой спиной группа притихших американских репортеров, для которых эта поездка стала настоящим открытием страны с гордым именем СССР. Куча новых впечатлений, воспоминаний и просто огромное количество отснятого материала. Штатовцы в Ленинграде получили не менее теплый прием, чем в Москве, посетив там самые лучшие музеи и знаменитую Мариинку. А Монику даже приняли в почетные пионеры в одной из ленинградских школ, и теперь она ни на миг не расстается с подаренным ей галстуком. Все они немного сдружились между собой, но для «акул пера» это вовсе не повод забывать о конкуренции — их статьи про визит Картеров выходят в США регулярно. И хотя критики СССР в их статьях по-прежнему хватает, ибо заказ вышестоящего начальства на такой негатив никто не отменял, но в материалах с каждым разом все меньше злобных выпадов и упертого предубеждения. Эти перемены, пусть пока и не столь кардинальные, не могут не радовать. Вот что творят с людьми русская водка и борщ животворящий…!

Распрощавшись и расцеловавшись со всеми, едем обратно. В Москве перемены в городских пейзажах еще более заметны, чем за городом. Грязный осевший снег, первые проталины в скверах и на бульварах, и просто море разливанное под ногами и колесами. Наличие дворников от этой беды не спасает совершенно. Хорошо

хоть перед главным входом на Огарева все вычищено, и я ступаю своими модными казаками на абсолютно сухой асфальт…

По привычке сначала сворачиваю к кабинету Чурбанова и вдруг натыкаюсь взглядом на незнакомого лысого майора за столом в его приемной. Пару секунд стою в растерянности, потом спрашиваю:

— Простите, а где Николай Константинович…?

— Подполковник Зуев перешел на новую работу. Он теперь работает в МЧС.

Мысленно хлопаю себя по лбу! Юрий Михайлович уже неделю возглавляет новое министерство с краткой аббревиатурой МЧС, и, конечно же, забрал своего верного помощника с собой. Новый секретарь нового заместителя министра понимающе улыбается:

— А я тебя знаю — ты Виктор Селезнев! Отличный концерт был на День милиции

Майор подходит ко мне, панибратски хлопает по плечу — Ты к Олегу Александровичу зайдешь?

Не успеваю ответить, как приоткрытая дверь кабинета распахивается и оттуда появляется улыбающийся Еркин. Ага, значит, глава МУРа пошел на повышение. Хорошая новость. Еркин отличный профессионал, да и просто порядочный человек.

— Ну, чего стесняешься, Виктор?! Заходи!

Жму протянутую генералом руку и захожу вслед за новым замом Щелокова в отлично известный мне кабинет. Сажусь на свое привычное место рядом со столом Чурбанова. Нет, теперь уже Еркина. С Олегом Александровичем мы хорошо знакомы еще по грузинским делам, довольно много общались после инцидента в Арагви, поэтому сейчас с ним на «короткой ноге».

— Забыл, что Юрий Михайлович у нас теперь другое ведомство возглавляет? Вот видишь, дела сдал и съехал уже, а мне свой кабинет по наследству оставил. Обживаюсь помаленьку на новом месте. Чай будешь?

Я киваю. Пока Еркин отдает распоряжение помощнику, я еще раз обвожу взглядом кабинет. Здесь пока ничего не изменилось, все по старому, видно нового хозяина все устраивает, а может, и не до перемен ему сейчас, в дела вникает. На столе высится стопка каких-то папок с документами, я опускаю взгляд вниз и вижу, что на полу валяется чье-то фото. Нагибаюсь, поднимаю. Знакомое лицо. Знакомое по айфону!

Это Асратян — серийный убийца. Внутри все замирает. Еркин, заметив, что я нашел фотокарточку, благодарит, убирает ее в папку, где лежат чьи-то личные дела.

— Кто это? — интересуюсь я, тщательно изображая

безразличие

— Да вот… чудесные нынче дела творятся… Ни с того, ни сего, в разных городах отравилось несколько человек, и отравились они редким ядом. Настолько редким, что патологоанатомы только руками разводят.

Еркин не замечая моего учащенного дыхания, увлеченно продолжает.

— И скорее всего, на их странные смерти никто бы и не обратил внимания, сочли бы за самоубийство или еще что-нибудь… Но! Сотрудник милиции, занимавшийся одним из этих фигурантов, в это же время переводится в другой город. И можешь представить себе его удивление, когда уже на новом месте службы ему поручают первое дело, а оно совершенно аналогично тому, что он сдал перед отъездом. А?! Как тебе такое совпадение?

Я молчу, не в силах вымолвить ни слова… Вот он неучтенный фактор, который может привести меня к провалу. Наверное, надо что-то ответить, но я словно язык проглотил от страха…

— Версия, что они могли получить яд с каким-то продуктом или лекарством отпала сразу: разные города и слишком разные люди, их вообще ничего не связывало. Вообще! Но дальше становится все еще интереснее. Этот сотрудник проявил настоящую профессиональную хватку и отправил запрос в Москву: не встречались ли подобные случаи в других городах? Московские коллеги тоже не поленились и разослали свой запрос по всей стране. И что ты думаешь?! Обнаружилось еще семь аналогичных случаев! Семь!! И снова люди, никак не связанные между собой! Разные профессии, различный возраст, образование… А некоторые даже и не выезжали никогда из своего города.

Помощник Еркина заносит в кабинет поднос с двумя стаканами и еще чем-то, ставит чай передо мной и Олегом Александровичем. Я хватаюсь за свой стакан, как утопающий за соломинку, и делаю обжигающий глоток. Ко мне, наконец, возвращается способность говорить, и я охрипшим голосом спрашиваю генерала.

— А что если отравления вообще между собой не связаны?

Лицо Еркина темнеет, он, молча, перекладывает папки на другую сторону стола. Потом произносит.

— Связаны. Похоже, что связаны. Но это стало понятно, только когда все эти дела объединили в одно. Двое из этих семи в свое время подозревались в…преступлениях. Но были отпущены. У нас не хватило доказательств их вины. А когда созданная оперативная группа занялась расследованием на местах,

выяснилось, что в городах, где проживали еще трое потерпевших, тоже происходили аналогичные… правонарушения.

Ага, это он так деликатно называет убийства и пытки людей, изнасилования…

— А…остальные?

— Оставшиеся двое переехали из городов, где ранее совершались подобные преступления. Понимаешь, о чем речь? Кто-то решил помочь милиции и наказал преступников.

Я перевожу дыхание. Семеро из полусотни… Что ж и такой результат можно считать отличным. На семь нелюдей на этой земле стало меньше, и кажется, при этом никто из посторонних не пострадал. По крайней мере, Еркину о таких случаях неизвестно. Будем надеяться, что возмездие настигло и еще кого-то из этой полусотни уродов, просто милиция об этом еще не знает. Теперь нужно как-то красиво закончить этот интересный разговор и поскорее уносить отсюда ноги, пока я сам себя чем-нибудь не выдал!

— …Ты знаешь, у группы сначала даже была версия о народном мстителе! — Еркин усмехается, а у меня опять внутри натягивается струна — Но потом, конечно, ее отвергли, как абсолютно несостоятельную

— Почему?

— Потому, что тогда получается, что этот «мститель» сотрудник милиции. И мало того, он еще должен работать в нашем центральном аппарате, куда стекается информация со всей страны. А это, как ты понимаешь, уже из области фантастики!

— Ну, да… а фантастикой у нас занимаются в другом министерстве.

— Вот-вот!

— Но как же тогда…? Что вообще нет подозреваемых?

Еркин разводит руками. И от этого простого жеста мне почему-то становится легче дышать. Я смотрю на настенные часы и спохватываюсь.

— Ой, простите Олег Александрович, засиделся я у вас, а мне еще к Николаю Анисимовичу зайти нужно.

— Ну, беги. Будешь у нас на Огарева, заходи на чай.

— Обязательно…!

На ослабевших ногах я покидаю кабинет и только в коридоре перевожу дух. У-фф… Вообще-то я удачно заблудился, такие новости узнал… но ощущение после этого визита, будто по краю пропасти прошел… Нет, не быть мне Штирлицем… нервы не те…

* * *

— Да вы совсем там охренели! — Щелоков снял очки и раздраженно отбросил документы прочь — Девятнадцать человек в Савойе?? Пятьсот фунтов сутки двухместный стандарт, плюс одноместный, да умножить на семнадцать дней. Сто три тысячи фунтов?!?

— Николай Анисимович — заторопился я — Там дешевле будет. Мы же гастролируем в Манчестере и Бирмингеме — минус неделя в Савойе

— А переезды, а зарплаты в валюте?? — министр еще раз глянул смету, что всю ночь в авральном режиме составлял Клаймич и вновь кинул ее на стол — Нету таких фондов у меня! Англичане приглашают? Пусть они и платят…

Я поднял взгляд на потолок министерского кабинета. Я уже полчаса сижу у Щелокова и выслушиваю разнос по разным поводам. Неужели у меня сегодня такая карма ругаться и ссориться?

— Николай Анисимович, «Красные звезды» — всемирно известная группа — слышу хмыканье министра и поправляюсь — Ну или в ближайшее время такой станет. Это обязывает нас к соответствующему уровню гастролей. Потом не забывайте о доходах. Три концерта плюс дополнительные тиражи пластинок — да мы не только отобьем все затраты на билетах и продажах, но и в прибыль выйдем! Большую!

Я с намеком киваю в сторону окна. Во внутреннем дворике Огарева стоят несколько новых милицейских Мерседесов. Купленных на валюту от первого контракта.

— Вот когда выйдешь, тогда и приходи — Щелоков игнорируя мой кивок, вновь нацепляет на себя очки и становится похож на какого-то бухгалтера — А пока будь любезен, подыщи отель подешевле.

И тут я чуть не психанул. У меня на счетах пятнадцать миллионов долларов, через месяц будет несколько десятков — сразу как пойдут основные «африканские» деньги. Не хочешь платить за Савой? Да я сам оплачу его. Лишь большим усилием воли сдержал себя. Ладно, капля — камень точит. А министр ни разу не камень.

— Я вот что тебя позвал — Щелоков встает из-за стола и начинает «по сталински» прогуливаться у меня за спиной — Нет, ты сиди, сиди.

Рука министра придавливает меня к стулу.

— Ты, Виктор, умный человек. И понимаешь, что внимание Григория Васильевича к тебе — ко многому обязывает. А паркет в Кремле о-очень скользкий. Одна ошибка и ты набиваешь себе такие шишки… И не только себе! За тобой студия, люди…

Мягко стелет… Ну послушаем, что будет дальше.

— Тем более ты теперь у нас посол мира, несешь советскую культуру… — тут министр замялся, пытаясь понять куда я несу эту самую культуру — В массы!

Молодец, вывернулся.

— Это большая ответственность!

Я согласно киваю.

— Давай так с тобой поступим. Когда Григорий Васильевич в следующий раз позовет к себе, обозначит тему беседы, ты проконсультируешься со мной. Ну чтобы не совершить ошибку. Вот, например, это ты Романову посоветовал детекторы лжи?

— Я. Видел в каком-то фильме. Разве не эффективный способ против взяточников?

— На этот счет есть сомнения — Щелоков присаживается рядом — Детектор может ошибаться, а людям карьеру если не жизнь испортят. Улавливаешь?

Ага, задергались. МВД у нас — одно из самых коррумпированных министерств. Особенно на низовом уровне. Щелоков думает, что в ЦК под него начали копать.

— Ну так детектор — это же только первый сигнал — отметаю я все сомнения Щелокова — Так сказать повод присмотреться к человеку. А дальше обычными методами следствия — сбор оперативной информации, характеристики и прочее…

— Эх, жаль, не удалось мне тебя год назад зазвать в школу милиции — смеется министр — Какого бы специалиста вырастили. Ладно, черт с ним с детектором. Какие еще вопросы вы обсуждали с Григорием Васильевичем?

А вот это уже за гранью. И как мне реагировать на такую «вербовку»? Ведь мои беседы с Генсеком — это по-любому гриф секретности. С другой стороны, Щелоков — мой покровитель и пока еще играет в команде Романова. Просто хочет держать руку на пульсе.

— Обсуждали, что делать с пьянством населения — я принимаю решение использовать министра в своих целях — А особенно с курением. Статистика по раковым заболеваниям растет, смертность тоже высокая… Ну вот Григорий Васильевич попросил подумать на этот счет.

— И что придумал? — спрашивает Щелоков, явно потеряв интерес к теме — Ни в одной стране мире не удалось справиться с этой заразой.

Ага, министр то у нас некурящий! И не очень любит тех, кто при нем смолит.

— Только не рассказывай мне тут сказки про спорт и прочую

самодеятельность. Пробовали уже, не работает. Нет, оздоравливать население, конечно, надо, но курильщиков меньше не становится.

Ага, по статистике у нас курит половина всех мужчин и треть женщин. А потом удивляемся, отчего рак легких — в десятке причин смертности.

— Придумал один способ. Будет даже отлично, если вы сами его расскажете Григорию Васильевичу — кидаю министру приманку — Этот способ, кстати, по вашему ведомству. Надо под страхом уголовного наказания запретить продавать сигареты и папиросы всем без исключения подросткам 1965-го года рождения. На всю жизнь. Сейчас им по четырнадцать лет, ни к каким волнениям это не приведет, население только одобрит заботу о детях. В следующем году запретить табак для 66-го года. И так далее. Через двадцать-тридцать лет у нас в стране практически не останется курильщиков. Причем произойдет это безболезненно, просто благодаря смене поколений.

— Ну ты даешь! — покачал головой Щелоков — Слушай, а может и для моих уголовников что-нибудь такое придумать? Ну, чтобы в следующих поколениях не было всех этих воров в законе и прочих рецидивистов.

А вот тут, товарищ министр, вы по адресу попали. Еще в своей «прошлой жизни» я думал о реформе УПК.

— Такой же способ. Внести изменения в уголовный кодекс. Третья ходка — автоматически пожизненная. Придется, правда, построить для такого контингента специальные зоны, отделить от молодняка, чтобы не передавали блатную романтику — но оно того стоит. Если человек в третий раз идет на преступление — он уже явно не сможет жить в обществе. Его не перевоспитаешь. И такого преступника надо раз и навсегда изолировать.

Министр задумчиво на меня смотрит. Ну же… Разве я предлагаю новый Гулаг? Никак расстрелов из-за возможных судебных ошибок, никаких «беломорканалов»…

— Очень жестко, даже жестоко — наконец, произносит Щелоков — Но если по тяжким и после достижения возраста в тридцать лет… Может и сработает.

Глава 2

— …Соки, чай, кофе…?

Над моим ухом раздается приятный женский голос, и меня окутывает легким флером дорогих импортных духов. Сонно приоткрываю один глаз и первое, что я вижу — красивые женские ноги. Заинтересованным взглядом окидываю ладную фигурку девушки, затянутую в темно-синюю форму. В моей голове тут же всплывают слова Высоцкого: «Вся стройная, как ТУ, та стюардесса — мисс Одесса…». Нарочито медленно перевожу взгляд на лицо, склонившееся надо мной… Не мисс Одесса, но очень даже ничего…очень! И взгляд у девушки такой… оценивающий. Она явно узнала меня, но виду не подает… Нашу с ней игру в гляделки безжалостно прерывает Клаймич, сидящий рядом.

— Кофе, пожалуйста…

Вместе с кофе Григорий Давыдович получает ослепительную улыбку, а потом смеющийся взгляд стюардессы возвращается ко мне. Эх, «принцесса гражданского флота», сказал бы я сейчас, чего я от тебя хочу, но боюсь, что ты оскорбишься…! Времена другие, и уединиться с красавицей в кабинке туалета можно только в своих снах и мечтах. Так что вежливо отказываюсь от ее щедрого предложения и прикрываю глаза, пытаясь снова погрузиться в сон. Четыре часа полета до Лондона нужно использовать с пользой, и если уж ничего более приятного мне здесь не светит, то стоит, хотя бы поспать. Сквозь ресницы вижу, как стюардесса проплывает дальше по ряду, плавно покачивая бедрами и толкая перед собой невысокую тележку с напитками.

Сон не идет. Сижу думаю о том, что Лехина Зоя, конечно, классом пониже этой «принцессы», но в принципе, тоже вполне могла бы работать на международных авиалиниях. Возраст ей позволяет, нужно только подучить английский, а уж с моими связями перевести ее на новую работу — вообще пара пустяков. Нет, точно надо обсудить с «мамонтом» эту тему, может, хоть перевод по службе заставит Зою встряхнуться после пережитого… Свадьбу по ее просьбе мы все же перенесли — на середину июня. В апреле не успевает Леха из-за гастролей, а в мае отказалась сама Зоя, объяснив это верной народной приметой: мол, если пожениться в мае, то потом всю жизнь молодоженам придется маяться. Странная логика у наших женщин… но Леха сейчас готов исполнить любой Зоин каприз. Уже вторую неделю она восстанавливает свое здоровье в санатории, и «мамонт» мотался туда с завидной регулярностью. Работы у него немного — я целыми днями безвылазно сидел в студии, так что он даже смог

провести с Зоей выходные. Говорит, что невеста наша повеселела и понемногу идет на поправку…

…А для меня минувшие две недели слились в сплошную череду репетиций, записей и примерок. Я действовал, как робот и жил как на автомате: вставал, умывался, ел, мчался на работу, а вечером все в обратном порядке. Работа — сон. Сон — работа. Появился на нескольких тренировках у Киселева, но он, зная о моей травме, особо не свирепствовал: упражнения на координацию, растяжка… Из сборной не отчислил — и то хлеб. Видимо сверху ему посоветовали не торопиться. Короче, никаких развлечений, никаких отвлекающих от работы мыслей и дел. Девушки тоже получили прямой намек на то, что сейчас пока не до забав. Вера, кажется, всерьез обиделась. Альдона же в ответ на мой строгий тон лишь хмыкнула, как бы говоря этим «ну, ну…». Потом в ходе чаепития невинно провела языком по верхней губе, слизывая с нее крошку печенья. Вот и попробуй после этого убедить себя самого в необходимости вести монашеский образ жизни! Нет, до Англии только работа, работа и работа. Мой коллектив вкалывает, как проклятый, а я буду юбки девчонкам задирать?? Отставить…!

После нашего последнего «выяснения отношений», которое закончилось для меня кровотечением из носа, Альдона успокоилась и больше не поднимала опасную тему. Видно и сама уже поняла, что ее претензии не по адресу. Кто стоял за ее отцом, и кто отдал ему приказ на уничтожение министра — нам с ней лучше не знать. Главное, что этот «кто-то» счел смерть Громыко единственным выходом, и имеет такую власть, что хладнокровно приказал Веверсу просто «разрубить гордиев узел», жестко разрулив тем самым совершенно безвыходную ситуацию… Не хотел бы я встать на пути этого «кого-то»…

За прошедшие дни я уже вполне освоил свой новый спутниковый «гаджет», оказалось, что ничего сложного в звонках с этого телефона нет, хотя до простоты айфона ему, естественно, еще далеко. Я сразу сделал с него несколько важных звонков, радуясь тому, что Веверс так и не забрал у меня свой хитрый приборчик. Сначала набрал Майклу Гору и Эндрю Веберу — обрадовал их своими незапланированными гастролями в Англии и созданием восьми новых песен. Майкл Гор тут же выразил готовность прилететь в Лондон, чтобы не только лично курировать наши выступления, но и организовать запись долгожданного нового альбома в лондонской студии Атлантик Рекордс. И с концертной аппаратурой он нам тоже обещал помочь. Вот это я понимаю — американский подход к делу!

Потом я позвонил в банк узнать состояние своих счетов и

отдать кое-какие распоряжения. Новая порция «горовских миллионов» уже упала на счет, а мои позиции в золоте принесли неплохой доход. Двенадцать долларов на каждую купленную унцию! Разумеется, отдал брокеру приказ увеличить объем сделки. Пустил на это половину аванса за пластинки. Если все пойдет хорошо, то под конец года у меня будет около пятидесяти миллионов долларов. И это без учета дополнительных прибылей от песни «We are the world». Этих денег будет достаточно, чтобы к середине восьмидесятых аккуратно скупить на бирже блокирующие пакеты акций всех более-менее крупных компьютерных и ай ти компаний. От Майкрософта и Эпла до IBM и Dell. А уже если удастся афера с индийским кладом… Я мечтательно закрыл глаза.

Ну, и, конечно же, я сделал звонок в Италию Анне, пригласив ее на один из наших концертов в Англии. Ее радость от предстоящей встречи была искренней, да и мне, чего уж греха таить, было очень приятно услышать ее взволнованный голос. Сделал себе пометку — возобновить занятия итальянским. Опять стал плохо понимать быструю разговорную речь.

В Англию у нас летит весь коллектив. Кроме подтанцовки. Посмотрел я на них и понял, что они пока совершенно не готовы к выступлению. Танцевальные номера сырые, а Татьяне Геннадьевне с ними некогда заниматься, ей бы сейчас на нас время найти. Короче, надо искать профессионального хореографа, иначе толку от них не будет. Озадачил поиском Розу Афанасьевну. Бабуля Лады неплохо знает весь эстрадный мир — а Клаймичу сейчас просто не до подтанцовки. Бронирование отелей и билетов, переговоры с Майклом, вопросы музыкального оборудования и студии… Гор, узнав о нашей беде, пообещал найти для концертов профессиональных танцоров прямо в Лондоне и даже прислать в отель «мотивирующую посылку». Что за подарки готовит продюсер — мы так и не поняли.

Памятуя о моих непростых отношениях с «сопровождающими», в этот раз я сам проявил инициативу и попросил Веверса отправить с нами Сергея Сергеевича, к которому мы уже успели привыкнуть. Латыш мне не отказал, но честно предупредил, что негласно с нами отправится еще пара человек, потому что от англичан можно ожидать любых гадостей. Ну, а Галину Леонидовну с нами снова не отпустили. В ответ на мой вопрос, отец Альдоны посмотрел на меня так, словно я сморозил величайшую глупость. Понятно… Призрак Светланы Аллилуевой по-прежнему витает над всеми известными выезжающими.

В последний вечер перед отлетом снова общее собрание и

последний инструктаж — теперь уже от Сергея Сергеевича. Видок у всех нас еще тот — мы все уставшие и вымотанные до предела, но…глаза у народа горят, еще бы — Англия! Бедный Клаймич, кажется, до сих пор не верит, что его снова выпускают за границу, да еще в капстрану. После его-то приключений…Вон и наш новый звукорежиссер Кирилл тоже не вполне уверен, что происходящее с ним не сон. Пришел в известную студию на испытательный срок, а в результате уже через десять дней летит в Англию — еле успел оформить загранпаспорт. Да, просто нам позарез нужен свой звукорежиссер, а он за десять дней показал себя настоящим профи. Кирилл сразу втянулся в наш сумасшедший график и вкалывал наравне с остальными, он, кстати, уже и с операторами нашей «Магнолии» успел поработать, они сейчас как раз заканчивают монтаж фильма о визите Картеров. В общем, в нашем полку пополнение, еще один энтузиаст нашелся. Переманили мы его из КДСа, так что анкета у парня хорошая, поездку в Англию ему со скрипом, но разрешили. Почему променял такое теплое место? Скучновато ему там было, давно хотелось более творческой работы. А здесь и змей-искуситель в лице Клаймича нарисовался, как парню от такого шанса отказаться? В Англию мы решили его взять, чтобы он получил опыт работы в западной студии — лондонский филиал Атлантик Рекордс это вам не какая-то Мелодия. Бедный парень, когда услышал про наши планы, сначала думал, что его просто разыгрывают. Все не мог поверить, что это не шутка, пока новые песни не услышал. Да уж… мы тут не в бирюльки играем. И историю с предательством Бориса ребята ему тоже рассказали, чтобы иллюзий у парня не было…

Сергей Сергеевич «инструктировал» нас четко и в основном по делу. Зря ужасами капитализма не стращал, но и «легкой прогулки» не обещал, призвав нас не расслабляться и держать ушки на макушке. «Успокоил», что мелкие гадости и провокации обязательно будут, потому что далеко не всех обрадует наш приезд в Англию. Наша задача — не вляпаться ни в какие истории. Коротко рассказал о стране, некоторых ее особенностях, и о политической обстановке, которая там сейчас царит. После безопасника, выступил Клаймич. Сообщил примерный график на эти гастроли. Первый день расписал по часам и минутам: вылет из Москвы в 10.30, рейс N 241, прилёт в лондонский аэропорт Хитроу в 11.20. Из аэропорта мы сразу едем заселяться в гостиницу, с которой нам очень повезло — самый центр города, набережная Темзы, многие исторические объекты совсем рядом. Любимая Родина все-таки расщедрилась на пятизвездочный «Савой». Пришлось долго мучить Щелокова, но в итоге то дожал!

Но номера в этот раз будут у всех двухместные, без вариантов. Погода в Лондоне сейчас плохая, пасмурно, прохладно, часто идут дожди. Всем рекомендовано запастись зонтами и плащами.

Мои сонные воспоминания прерывает голос стюардессы, раздающийся по громкой связи. Пассажиров просят выпрямить спинки кресел и пристегнуть ремни. Наш самолет уже на подлете к Хитроу и вскоре начнет заход на посадку. Я нажимаю кнопку на подлоконике, кресло выпрямляется. У меня на спине тихо хрустит бумага «немецких» расписок, засунутая под ремень штанов. Риск? Конечно. А вдруг будет личный досмотр на границе. Но риск оправданный. В иллюминаторе мелькают квадратики полей, самолет начинает снижаться на посадку. Ну, здравствуй, Туманный Альбион…!

3 апреля 1979 года, вторник, 10.30
Лондон, Уайтхолл

Объединенный разведывательный комитет собирался в специальной защищенной комнате для инструктажа на втором подземном этаже канцелярии кабинета министров раз в месяц ровно в полдень. Никто из представителей спецслужб Канады, Австралии, Новой Зеландии и, разумеется, американского ЦРУ, никогда не опаздывал. Приходить раньше назначенного тоже не приветствовалось. Собрались, обсудили оперативные вопросы, разошлись докладывать в свои штаб-квартиры. Но 4-го апреля защищенная комната была открыта уже с самого утра. И в ней встретились два самых могущественных человека Великобритании. Худощавый, аристократичный сэр Говард Смит, генеральный директор МИ5 — службы контрразведки Королевства. И полная противоположность Смита — круглолицый, жизнерадостный шеф МИ6, Дик Фрэнкс. Последний уже год как возглавлял службу внешнеполитической разведки Англии и пожалуй, был главным в их тандеме. Говард знал, что он в больше степени политический назначенец, а вот Дик успел к моменту своего назначения поучаствовать во многих специальных операциях и был настоящим профи в своем деле.

— Нам уже пора менять Си на Ди? — Смит дождался пока загорится лампочка, сигнализирующая о включении защиты, и принялся лично разливать чай в стаканы

Дик понимающе усмехнулся. В МИ6 не было генерального директора. У этой разведки есть шеф, которого в Уайтхолле называют просто «СИ». По фамилии первого главы Джорджа Мэнсфилда Смит-Камминга. Именного его ироничный Ян Флеминг вывел в своих романах о Джеймсе Бонде под именем «М».

— Как шутят русские, хоть горшком назови, только в печь не ставь — Дик шумно отхлебнул чая, зля аристократический вкус Говарда

— Кстати, о русских — глава МИ5 отставил чашку и элегантно промокнул губы платком — Я попросил о встрече в связи с планами Каллагана пригласить «Красных звезд» на гастроли в Англию. Вокруг них наблюдается некоторый нездоровый ажиотаж.

— КГБ активизировался? — Фрэнкс уже сам подлил себе чаю, схватил из вазочки шоколадный крекер

— Не только. Внезапно в Лондон прилетает Анна Кальви. Она встречается с Виктором Селезневым. В группе которого поет Альдона Веверс.

— Дочка нового главы ПГУ — закончил за Говарда Дик — Ага, вот оно как… хитро. Ну, что… Тут есть с чем работать, я то тебе зачем? По Каллагану мы договорились еще в прошлом году. Он политический труп и никакие «Красные звезды» его не спасут. Уже в мае у нас будет новый премьер-министр.

— Это правда — кивнул директор МИ5 — Но некоторые наши друзья… за океаном… скажем так, высказывают озабоченность культурной экспансией СССР. Принято решение немного притормозить Советы. Есть идеи, как это сделать?

Шеф МИ6 погрузился в размышления. Думал он красиво, выбивая на столе чечетку пальцами.

— Есть одна идея, но боюсь тебе не понравится.

— Давай, сейчас все годится

— В одну из боевых групп ИРА был внедрен наш агент. Уже давно. На прошлой неделе он сообщил, что группа готовит перед выборами теракт в Лондоне. Так сказать напомнить о проблеме Северной Ирландии.

— Да, я видел это сообщение. Но мы же решили их взять еще в Ольстере.

— А можем и не брать — Дик внимательно посмотрел на Говарда — Улавливаешь? Где остановяться Красные звезды? В Савойе?

— Во-от оно что — директор МИ5 покачал головой — Я не могу допустить гибели мирных жителей в столице. Сами себе яму выкопаем. И никакая Тэтчер нас не защитит от парламентского расследования.

— Не будет никаких взрывов — шеф МИ6 выставил перед собой руки — Простой захват заложников. Как в тель-авивском Савойе в 75-м году. Помнишь? Палестинцы захватили евреев. Требования, переговоры… Я, конечно, не могу исключать, что кто-то, самый прыткий из советской группы может пострадать.

Вспомни отчет по Италии, что нам приходил. Но обещаю, что мы тут же ликвидируем террористов силами спецназа. Все в плюсе. Обиженные Советы перестанут высовываться со своими музыкантами, КГБ в дерьме, мы в шоколаде.

Фрэнкс взял из вазы еще один крекер.

— Еще и бюджет увеличат на борьбу с ИРА — кивнул сам себе Говард Смит — Твой агент… он справится? Всего неделя в запасе. Все нужно обставить красиво.

— Не сомневайся. Профессионал высшей пробы.

* * *

Хитроу нас встречает на удивление хорошей погодой, никакого тумана. Да, не жарко — всего лишь +10 и легкий ветер, но зато солнечно в отличие от Москвы. Останавливаюсь перед трапом, вежливо прощаясь с радушными стюардессами, щурю глаза от яркого солнца. «Звездочки» как одна нацепили на нос темные очки, а Альдона еще и шелковым платком голову покрыла, ну прямо вылитая Грейс Келли! Быстро проходим паспортный контроль, после небольшого ожидания получаем свой багаж и направляемся в зал для встречающих. На нас как цунами обрушивается многоязычный шум и в глазах аж рябит от многообразия нарядов, мы словно попали на карнавал. Индусы в тюрбанах, мусульманки в длинных темных одеждах, закутанные в свои платки по самые глаза, шумные африканцы в ярких национальных одеждах. Видимо недавно приземлилось сразу несколько рейсов из разных стран, и сейчас здесь просто Вавилон какой-то. Первые пару минут мы растерянно смотрим на это столпотворение, пытаясь отыскать глазами в пестрой толпе наших встречающих, но к счастью они нас видят первыми и спешат нам навстречу. В этой группе из нескольких человек, я безошибочно узнаю соотечественников. Их как не одень, они всё в толпе выделяются, и ничего ты с этим не сделаешь.

Оказывается, мы удостоились большой чести. Нас встречает сам посол СССР в Англии — Николай Митрофанович Луньков, приятный полноватый мужчина лет 60-ти. С ним еще несколько посольских дипломатов и два чиновника от кабинета премьер-министра Каллагена. Нас едва успевают представить друг другу, как появляется небольшая толпа местных фанатов, человек в тридцать, с яркими плакатами, на которых нарисованы большие красные звезды и написаны приветствия сразу на двух языках. Все дальнейшие разговоры нам тут же приходится сворачивать и шустро пробираться на выход. Охрана грамотно убирает с пути

все препятствия — впрочем, английские фанаты ведут себя на удивление миролюбиво. Они всего лишь толпой провожают нас до автобуса, по пути выкрикивая приветствия, а потом и становятся чуть в стороне, дожидаясь пока загрузят весь багаж и автобус тронется в путь. Слава богу, ни провокаций, ни драк, как в январе в римском аэропорту, сегодня не случилось, и это очень радует.

Выделенный нам автобус не очень большой, всего человек на 20–25, но мы все в нем прекрасно умещаемся и до отъезда в Лондон даже успеваем немного поговорить с послом и английскими чиновниками. Подтверждаю им, что все прежние договоренности в силе, к концертам мы готовы и будем следовать представленному нам графику. От культурной программы пока мягко отказываюсь, мотивируя это тем, что с завтрашнего утра у нас начинаются репетиции и записи в студии Атлантик Рекордс. Сначала дело — потом развлечения. Англичанам мой подход к делу импонирует и они откланиваются, оставив визитки с телефонами для связи и заверив меня в готовности решить любые проблемы, если таковые возникнут. Посольские задерживаются чуть дольше. Видно, что Николаю Митрофановичу очень хочется пообщаться в неформальной обстановке и понять, что же я за птица такая, что со мной так носятся. Обещаю выкроить вечер и приехать в посольство на ужин, а пока он всегда может найти меня в студии на Эбби Роуд. Беру охрану и иду проводить посла к машине, благо стоит она совсем рядом с автобусом.

Фанаты все не расходятся, и на обратном пути я решаю все же подойти к ним, чтобы немного пообщаться. К нам тут же подбегают несколько репортеров. Привычно раздаю автографы, отвечаю на обычные в таких случаях вопросы, рассказываю им про концерты в Манчестере и Бирмингеме. Фанаты — приятные, молодые ребята, вполне адекватные, без маниакального блеска в глазах. Спрашивают меня: когда мы выпустим диск? Спешу обрадовать — скоро! Завтра начинаем его запись. Большинство песен новых, надеюсь, что нашим поклонникам они очень понравятся. Один из парней, рыжий как истинный ирландец, говорит мне, что он возглавляет группу наших фанатов, которая постоянно растет. Сегодня здесь представлена только малая ее часть, остальных я увижу на ближайшем концерте. Сергей Сергеевич очень ненавязчиво умудряется взять у него координаты. У безопасника к моему удивлению — королевский английский. Нельзя отличить от диктора на телевидении. После короткого разговора, мы по-дружески прощаемся и возвращаемся в свой автобус…

* * *

На часах уже начало первого, и нам пора выдвигаться из аэропорта. Сегодня у нас полностью свободный день и это время нам нужно провести с пользой, а до отеля еще добираться около часа.

Савой расположен в самом центре Лондона, между набережной Темзы и одной из центральных улиц столицы — Стрэндом, и пока мы едем до него из Хитроу, успеваем налюбоваться видами Лондона из окон. Биг-Бэн, Вестминстерский дворец — народ смотрит на достопримечательности, раскрыв рот. Сейчас средина рабочего дня, и чем ближе мы подъезжаем к центру, тем больше на улицах машин и людей, поэтому едем мы не сказать, чтобы быстро… Есть время насладиться достопримечательностями. Пусть и в телеграфном стиле. В нашем автобусе постепенно становится шумно, все оживленно переговариваются, с радостными возгласами показывают друг другу на разные памятники и монументы, которыми так богата столица Англии. Михаил — молодой советский дипломат, которого нам оставил посол, в меру своих сил служит экскурсоводом. Бросается в глаза, что Лондон пестрит знакомой до боли в «прошлой жизни» рекламой распродаж, эти объявления чуть ли не на каждом магазине. Михаил подтверждает наши наблюдения. Оказывается, столицу захлестнула волна пасхальных распродаж. Часть магазинов закрывается, не пережив кризис, и товар там распродают очень дешево, иногда по чисто символической цене. Привлеченные низкими ценами, из Европы и США в Лондон тут же хлынули туристы, основная цель которых шопинг. Англичане называют из высокопарно «магазинными». Скупают они здесь все подряд — начиная с одежды и заканчивая крупной бытовой техникой и мотоциклами. Такие низкие цены оправдывают даже перевозку покупок домой контейнером.

Вот он классический пример саморегулирования капитализма. Казалось бы кризис, перепроизводство, безработица… Зато британский фунт подешевел, цены стали привлекательными, в Лондон хлынули покупатели со всей Европы. Дальше к власти придет Тэтчер, даст пинка профсоюзам, приведет в порядок бюджет — ву-а-ля, у нас снова экономический рост. Английские шахтеры, конечно, побунтуют, но в последующие десятилетия занятость вырастет, люди найдут другую работу.

А если бы не было рынка труда, да и вообще любого другого рынка? Свободные цены, плавающие валютные курсы, это в первую очередь крайне важная для жизни страны информация.

Если этой информации нет — власть живет в вакууме.

Пока я размышляю над особенностями капитализма, у наших дам загораются глаза от предвкушения шопинга. Распродажи это хорошо… Но командировочных у людей немного, и на все хотелки их явно не хватит. А значит нужно срочно раздать сотрудникам хотя бы фунтов по 500 в качестве премии. А что? Разве не заслужили премию за ударную работу по подготовке к записи диска и к концерту?! Ну, и все питание тоже нужно будет взять полностью на себя, нечего у людей последние пенсы собирать на обеды и ужины. Смотрю на часы: через сорок минут у меня уже назначена встреча с сотрудником Гора, который должен привезти мне «посылку», а до Савойя по моим прикидкам еще минут десять ехать. Но вроде бы успеваем.

Краем уха прислушиваюсь, как Михаил советует группе посетить для начала две главные торговые улицы Лондона — Оксфорд-стрит и Бонд-стрит. На первой из них расположено множество магазинов с весьма демократичными ценами, и там сейчас сплошные распродажи. Наконец, наш дипломат переходит к самому главному и делает соответствующее моменту скорбное лицо.

— И товарищи… я очень прошу вас помнить, что вы будете проживать в ОЧЕНЬ дорогом отеле. Это одна из самых лучших гостиниц Великобритании. Не позорьте, пожалуйста, нашу страну, которую вы все здесь представляете. Никаких кипятильников в умывальниках, никакой готовки в номере, разогреваний консервов в горячей ванне и жарки яичницы на подошве утюга.

В автобусе раздается дружный смех, а Михаил упорно продолжает:

— Вот вам сейчас смешно, а не далее как вчера нам пришлось улаживать некрасивый скандал в одной из гостиниц города, возникший по вине наших соотечественников. Сейчас в Лондоне гастролирует труппа Башкирского театра оперы и балета. Так вот эти…артисты в целях экономии додумались варить картошку в жестяной банке прямо в номере. А отель, между прочим, имеет полное право выселить постояльцев за такую выходку и крупно оштрафовать за нарушение противопожарной безопасности — дипломат обвел строгим взглядом моих притихших сотрудников — Я вообще убедительно прошу вас, товарищи, проявить сознательность и воздержаться от употребления купленной в городе еды в номерах. В дорогих отелях не принято так себя вести.

Так, кажется, пора уже и мне проявить строгость

— Полностью согласен с Михаилом! Поскольку завтрак у нас

входит в стоимость проживания, а все остальное питание вам будет оплачивать студия, никакой еды в номерах. Если узнаю про чей-то кипятильник — это будет последняя поездка за рубеж для его владельца.

— И по покупкам… — дипломат сделал многозначительную паузу — Прошу вас: никаких баулов, мятых коробок и уж тем более привычных вам сеток и авосек! В отеле Савой останавливается очень почтенная публика. Так, например, сейчас рядом с вами будет жить бельгийский принц Филипп и актриса Джина Лоллобриджида.

Наши дамы сразу зашушукались. У парней тоже зажглись глаза. Ну как же… Знаменитая итальянская актриса — кумир молодежи 60-х. Сейчас эта самая молодежь уже обзавелась бородками и ускоренно отращивает животы. Но лет пятнадцать назад… С корнем вырывали фотографии Элизабет Тейлор, Джины Лоллобриджиды из модных журналов и приклеивали над койками в казармах, общежитиях…

— А сейчас в недорогих магазинах в целях экономии — продолжал тем временем Михаил — Под распродажные товары выдают черные пакеты для мусора.

Тут уже не выдерживает Леха и начинает ржать в полный голос. К нему присоединяются наши «тяжи» и музыканты. А я тихонько охреневаю. Вместо того, чтобы рассказать нам об экскурсии «Ленин в Лондоне», посоветовать сходить на могилу Маркса — этот молодой выпускник МГИМО сходу учит советских людей шопингу. Неужели свежие веяния из Союза добрались сюда так быстро? С момента выхода статьи Новый курс прошло всего полтора месяца! Или эти веяние и никогда из наших посольских и не пропадали? Островок капитализма в море социализма. Кто у нас там главный архитектор «катастройки»? Посол в Канаде Яковлев? Не пора ли мне им заняться? Ведь он возглавляет целую группу «товарищей», которые нам со-овсем не товарищи. По запросу «Яковлев агент влияния» гугл в айфоне выдает 187 тысяч результатов! Горбачев явно не на пустое место пришел.

— Вы представляете, какой это позор — заявиться в Савой, обвешанным такими пакетами? — похоже, что дипломата смех сотрудников студии совершенно не смущает — А если еще вы войдете всей толпой?! Как это отразится на репутации нашей страны и группы, которой доверено представлять СССР за рубежом?! А если вас сфотографируют и опубликуют фото в газетах? Это же позора не оберешься!

В автобусе воцарилась тишина… Видно, наши уже представили себе в красках последствия такого появления в этом отеле. Все-таки молодец парень… Зря я на него бочку катил.

Лучше сразу запугать наш народ, чем потом дружно расхлебывать возникшие неприятности.

Тем временем мы аккуратно сворачиваем на короткую улицу, сплошь заставленную пафосными машинами, и оказываемся перед центральным входом в отель Савой. Стриженые растения в кадках, огромные зеркальные витрины магазинов и ресторанов, флаги, развивающиеся на крыше центрального входа в гостиницу. Перед нами роскошный фасад западного капитализма во всей его красе. Вижу, что наши чувствуют себя здесь несколько неуютно, ведь даже на фоне сан-ремовского «De Paris» лондонский Савой смотрится как аристократ на фоне бедного родственника.

А в шикарном мраморном холле гостиницы меня ждет баальшой сюрприз! Нас встречает Андрей Иннокентьевич Марков из международного отдела ЦК. С вещами… Я так понимаю, что без цековского пригляда меня оставить никак нельзя — мероприятия-то нам предстоят политические. А потом: это еще в Италии и в США товарищи из ЦК не знали, чего от меня ждать, а теперь-то они уже в курсе моей привычки влипать во всякие гнусные авантюры и приключения. И ничего, что я нынче вроде как советник генсенка Романова по культуре, ЦК все равно бдит. Ну, а чтобы не злить меня слишком сильно, они прислали знакомого мне чиновника из международного отдела. Андрей Иннокентьевич легко читает проступившую на моем лице досаду, и, улыбаясь, разводит руками: извини, мол, Виктор, не моя это инициатива…! Да я и сам это понимаю… Хорошо хоть еще вменяемого Маркова прислали, а не какого-нибудь старого занудного старпера из идеологического отдела. Ну, что ж…раз уж так все получилось, товарищ из ЦК составит у нас компанию Сергею Сергеевичу, чтобы им вдвоем веселее было!

Размещение в гостинице проходит спокойно и организованно. Единственный прокол — это то, как дружно шарахнулись наши люди от портье, которые предложили доставить багаж в номера. Ну, да… кому ж охота расставаться с кровно заработанными командировочными — тут у людей каждый пенс на счету, планы на шопинг наполеоновские, а этому портье дайте чаевые! Нет уж, сами, сами, чай не царские дети. Тем более, с собой у нас только наши личные вещи, весь остальной студийный багаж сразу же уехал с автобусом на Эбби Роуд. Мы с «мамонтом», как всегда, селимся в один номер, остальные тоже по-быстрому распределяются по двое и разбирают ключи от номеров. Договариваемся встретиться в холле через тридцать минут, чтобы организованно выйти в город, и тут же скоренько разбегаемся заселяться…

Номер нам с Лехой достался небольшой, но очень

приличный. Балкона нет, и окна выходят не на Темзу, а во двор, но все довольно симпатично. На 30-ти с лишним кв. метрах разместились две односпальные кровати, небольшой письменный стол с телефоном, стилизованным «под старину», пара кресел с журнальным столиком и тумба с телевизором, которая на поверку оказалась небольшим холодильником. В прихожей вполне вместительный стенной шкаф и дверь в просторный совместный санузел. Увидев на раковине два отдельных крана, «мамонт» недовольно фыркает. Ну да, с этим европейским безобразием он еще в римской гостинице намучался. Но кроме антикварной сантехники и мебели мое воображение в этом номере ничто не поразило. Может, даже и не стоило мне бодаться со Щелоковым из-за этого Савойя. Какая вообще разница, где ночевать, если днем у нас даже не будет времени здесь появиться…? Ради статуса?

Мы с Лехой вытряхиваем из сумок вещи и начинаем раскладывать их в шкафу, но нас прерывает громкий звонок телефона. Портье сообщает, что мистера Селезнеффа ожидают в холле. А вот и посыльный явился! Внизу сотрудник Гора вручает мне черный пластиковый кейс и быстро откланивается. Ну, американцы…! Но нет, зря я грешил на Гора. Кроме аккуратного свертка, в котором лежит 15 тысяч фунтов стерлингов, в кейсе оказалась стопка наших синглов и пачка цветных фотографий группы для раздачи автографов фанатам. Майкл все предусмотрел. Возвращаюсь в номер и порывшись в ящике стола, нахожу там несколько почтовых конвертов. Быстро рассовываю по ним деньги. Для звездочек, для музыкантов, для охраны, для наших взрослых гранд дам. Отдельный конверт для Григория Давыдовича. Едва успеваю убрать деньги со стола, как раздается стук в дверь. О, Клаймич…!. На ловца и зверь бежит.

— Григорий Давыдович, дорогой! А я собирался к вам идти. Нам здесь Гор посылку передал — я киваю головой на раскрытый кейс — и небольшую премию. Чтобы поощрить, так сказать, наших сотрудников за ударную работу. Вот хочу с вами посоветоваться, как нам эти денежки лучше потратить. Лех, постой-ка там на стреме, чтобы нас никто пока не беспокоил.

«Мамонт» становится за дверью, а я подвигаю конверты по столу к директору.

— Деньги естественно без расписки и без ведомости? — Клаймич подозрительно открывает один из конвертов и смотрит на пачку новеньких 20-ти фунтовых банкнот.

— Естественно! Американцы такой ерундой не занимаются. Но если нужно будет подтвердить нашему руководству сам факт выдачи этой премии, то Майкл всегда готов.

— Ну… если он готов…

Я делаю вид, что не понимаю сомнений и нерешительности Клаймича, бодро продолжаю

— Смотрите. Часть этих денег мы с вами пустим на общие расходы: оплата обедов с ужинами, транспорт и все покупки для студии. Ими будете распоряжаться вы. Все счета тоже на вас. А оставшуюся часть денег мы сегодня же раздадим сотрудникам в виде премии. Не знаю, много ли у нас будет времени на магазины при таком плотном графике, так что пусть лучше народ сразу сделает покупки, потратит деньги, и спокойно работает, чем будет постоянно отвлекаться на шопинг. Вы согласны со мной? Тогда вот вам конверты для девчонок, для музыкантов и для охраны. Каждому по 500 фунтов. Как считаете, это нормально?

— Более чем! Учитывая, что фунт дороже доллара почти в два раза…

— Лично вам тысяча — я тут же делаю шаг вперед, хватаю Клаймича под локоть — И даже не спорьте! Вы это заслужили!

Директор криво улыбается. Порывается что-то сказать, но потом только машет рукой.

— Ну, и хорошо! Раздадите премию и возвращайтесь…

* * *

Кто бы только знал, как же мне не хочется ходить по магазинам… Я-то думал, что в первый день мы погуляем всем коллективом по городу, на лондонские красоты полюбуемся, может, в какой-нибудь музей мадам Тюссо зайдем. А теперь все планы меняются, и до ужина нам предстоит сумасшедший забег по магазинам. Народ даже отказался тратить время на обед, все вдруг дружно решили, что до ужина они потерпят. Мне-то самому этот шопинг вроде как и не очень нужен, после Нью-Йорка с гардеробом у меня полный порядок. Но я ведь хорошо понимаю, что буду самой последней сволочью, если лишу своих людей такой «маленькой» радости, как тотальная распродажа. Да и грех, конечно, не воспользоваться удобным моментом. В холле гостиницы мы сразу договариваемся: чтобы не ходить по магазинам всей толпой и не пугать лондонцев, делимся на две группы: женская часть коллектива под охраной двух Денисов идет по своим дамским заведениям, а мужчины отправляются по своим. Понятно ведь, что парней больше интересуют музыкальные инструменты, техника и электроника, а женщин одежда, обувь и косметика. Сергей Сергеевич после недолгих колебаний присоединяется к дамам. И правильно…! Для него

сейчас главный объект охраны — дочь шефа, вот пусть он за Альдоной и присматривает, а мы уж как-нибудь справимся и без него. Договариваемся встретиться в семь вечера на площади Пикадилли, чтобы потом всем вместе пойти поужинать в паб, и разбегаемся в разные стороны…

…Когда вечером мы встретились у знаменитого фонтана с крылатым ангелом, все мои сотрудники, естественно, обвешаны пакетами с ног до головы. Видимо поэтому лица у всех смущенные, но при этом жутко довольные. Похоже, народ сегодня оторвался по-полной. Я даже не стал ругаться на них — понятно же, что люди просто не утерпели, дорвавшись до товарного изобилия, да еще по таким низким ценам. Остается надеяться, что в Савойе как-нибудь переживут наши пакеты с покупками, тем более, женщины дружно заверили меня, что они сейчас аккуратно переложат все свои покупки и пакетов сразу станет намного меньше. Ладно, я и сам не без греха… Пока наши дамы утюжили Оксфорд-стрит, отмечаясь в каждом встречном магазине, мы с Клаймичем и Лехой прогулялись по бутикам на соседней Бонд-стрит. Цены там конечно на порядок выше, но скидки и здесь были неплохие. Даже экономный Леха купил себе и Зое кое-что из одежды, а вот мы с Григорием Давыдовичем очень удачно зашли в обувной и приобрели себе по несколько пар обуви. Буду теперь летом рассекать в настоящих мокасинах и топсайдерах, причем, как и положено — на босу ногу. А еще я наконец-то купил себе классные очки «авиаторы» Ray-Ban с зеркальными линзами. Теперь можно спокойно по Лондону ходить, и никто меня не узнает. Там же и для мамы нашел модные очки-хамелеоны, а для деда мне подобрали тонкую позолоченную оправу. Так что начало подаркам для родных положено.

Самое интересное, что когда мы ввалились всей толпой в полупустой паб, расположенный неподалеку от площади, там на наши пакеты никто и внимания не обратил. Хозяин паба так обрадовался наплыву клиентов, что даже разрешил сдвинуть столы. А уж когда наша оголодавшая банда начала делать свой заказ, он чуть с ума не сошел от счастья — похоже мы ему за один вечер недельную выручку сделали. Ну да, поесть все мы любим, а учитывая, что обед наш коллектив вообще пропустил и ели мы в последний раз еще в самолете… Короче, заказ мы сделали внушительный. Нам тут же принесли превосходное пиво, английский эль и тарелки с нарезкой, которая здесь называется «кавери» — это такой микс из запеченной свинины, говядины и курицы. Чуть позже притащили запеченный картофель, овощи и несколько соусов, среди которых оказался и знаменитый яблочный чатни. Еда в этом пабе была довольно простой, но

вкусной, а с голодухи, да под пиво она показалась нам и вовсе божественной. И этот длинный день, полный приятных событий, получил свое прекрасное завершение.

За ужином все делились яркими впечатлениями от шопинга и хвалились особо удачными приобретениями. Как я понял из разговоров, деньги у народа еще остались, так, что это далеко не последний наш поход. А у нас еще есть список покупок для студии, к которому сегодня мы даже не приступали…Так что похоже, придется нам контейнер заказывать, иначе на таможне в аэропорту возникнет слишком много вопросов. Ужин был таким сытным, и мы так объелись, что на десерт у нас и сил уже не хватило, а кое-кто даже начал клевать носом за столом. Конечно, если бы не страшная усталость, можно было бы и подольше посидеть в этом уютном пабе, а потом и прогуляться по набережной, но мы явно переоценили свою выносливость и забыли про три часа разницы между Лондоном и Москвой. Сейчас здесь еще не было и десяти вечера, но в Москве-то уже давно за полночь, а завтра нам рано вставать. Так что в десять мы совершенно осоловевшие от усталости и вкусного ужина тепло простились с гостеприимным хозяином, похватали свои пакеты и поплелись в отель, благо идти нам было не далеко…

* * *

Леха уже храпел богатырским сном, а ко мне Морфей с Гипносом все отказывались идти. Я лежал, ворочался на постели, прокручивая в голове разные мысли. Сначала вспоминал свой звонок маме с дедом в Москву. Родственники, выхватывая друг у друга трубку из рук, с эмоциями рассказали мне о премьере фильма «Хочу жить в СССР», который должен пройти в воскресенье сразу после программы Время. По советскому телевидению начали крутить рекламу (!) ленты с Моникой и мной в главных ролях. Конечно, это была не настоящая реклама — просто анонс из самых ярких кадров. Нарезкой. Но, похоже, идея клипов для программ, которую я озвучил в мой последний телефонный разговор с Лапиным, прижилась. И как же быстро все смонтировали! Ведь только три дня назад передали черновую запись. Ясно, что Лапин торопится опередить западников и первым выстрелить в пропагандистской войне. Но получится ли? Попросить что ли советского посла диппочтой привезти фильм в Лондон? А что, неплохая идея. Можно даже устроить с помощью Гора прокат в Британии. Да и посольские с удовольствием поучаствуют — заработают галочку у Примакова и Романова.

Потом мои мысли перескочили на Веру. После рабочей гонки в марте, между нами пробежала какая-то черная кошка. Я думал, поездка в Англию растопит лед, но похоже, что присутствие ее мамы отягощает девушку. Смотрит на меня виновато, исподволь. А Татьяна Геннадиевна точно о чем-то догадывается. Ее взгляд больше напоминает взгляд будущей тещи. Так скульптор разглядывает глыбу из мрамора, из которой только предстоит сделать статую. Не… свою жизнь я буду высекать из камня сам.

Еще четверть часа раздумываю над загадкой айфона. Перед отлетом я уединился в гараже и еще раз попытался позвонить кому-нибудь из адресной книги или по московскому номеру. Глухо. Сообщения в почте, мессенджерах отсылаются, но доходят ли? Никто не отвечает. Интернет работает, но чтение новостных сайтов напоминает «день сурка» — все одно и тоже. Даже интересно, как в той, оставшейся в будущем реальности закончился 2015-й год? Как прошел Парад на 70-ти летие Победы. Чем обернулась «арабская весна» в Сирии? Сняли ли с России санкции, а если не сняли, то что с рублем? Или своим присутствием в 78-м году я так поменял будущую реальность, что в 2015-м году будут совсем другие события?

Поняв, что заснуть не удастся, я встал, оделся и вышел в коридор. Мягкий ковер, приглушенный свет ламп — ноги сами понесли меня к номеру… Альдоны. Девушка жила на третьем этаже и делила комнату с Ладой. Я оглянулся. Ни видеокамер, ни персонала. Поскребся тихонько в дверь. Если не откроет, пойду обратно. Открыла. Альдона в короткой шелковой ночнушке, плотно обтягивающей соски ее изумительной груди. У меня вылетели из головы все слова, что я хотел сказать.

— Ты чего пришел? — прошептала девушка. Ее зрачки скачкообразно расширились, дыхание участилось.

— Лада спит? — хрипло спросил я

— Спит

Я тут же, без прелюдий впился поцелуем в приоткрытые губы Альдоны. Она мне ответила и еще как ответила! Прижала к стене, обхватила за шею. Мы целовались минут пять, и тут я понял, что нам… негде! Мы разбудим или Ладу или Леху. А скорее всего, дождемся, как в коридоре кто-нибудь появится. О, как же я в «той» молодости ненавидел в это «негде»! Ты согласен, девушка согласна, а дома ее родители и твои. Ужас. Но теперь все по-иному.

— Жди! — я с трудом оторвался от Альдоны и бросился сначала к нам в номер, а потом вниз на рецепцию. Там дежурила молодая блондинка — ночной портье. Она меня явно узнала, кокетливо улыбнулась. Поправила волосы.

— Прекрасная прическа — начал я с комплимента

— Спасибо — еще шире улыбнулась девушка — Чем могу помочь?

— Мой товарищ очень громко храпит. Могу ли я снять на ночь люкс?

— Конечно, мистер Селезнефф. Мне записать на группу или…

— Вы принимаете чеки банка Амброзиано? — я вытащил чековую книжку

— Разумеется. Я сейчас все заполню

Через пять минут я с ключом от люкса мчался обратно. При этом я отчетливо понимал, что ломаю все установки наших кураторов из КГБ, подставляю группу… Но бывают мгновения, когда чувства важнее разума.

4 апреля 1979 года, среда, 8.15.
Великобритания, Лондон

К завтраку, который для проживающих в Савойе накрывают в ресторане «The Thames Foyer», спустились все наши, но ползли они словно сонные мухи. У нас с Альдоной тоже круги под глазами и мы стараемся не смотреть друг на друга. Угомонились только за час до рассвета! Слава богу, успели вернуться к себе в номера… А мне еще надо умудриться как-то под бдительным оком Сергея Сергеича сдать люкс. Ох, дела наши тяжкие, а грехи большие…

Но за столом все постепенно приходят в себя, а после плотного завтрака и крепкого кофе в глазах появляется осмысленное выражение. Да уж, завтрак в Савойе — это вам не какой-то банальный «континентальный», это самый настоящий «британский» завтрак! Нет, для особо утонченных персон есть, конечно, и овсянка, (сэр!) и йогурты, и фруктовые салаты со взбитыми сливками, а для дорогих гостей из-за океана здесь даже подают американский завтрак — пышные блинчики с беконом и кленовым сиропом. Но у нас-то впереди напряженный рабочий день, а значит нам нужно, основательно подкрепиться. Поэтому все выбирают стандартный британский завтрак, где на большой тарелке лежат 3 кусочка бекона, 2 яйца (одно жареное, другое пашот) и 3 колбаски разных видов. А рядом три горки гарнира: картофель, фасоль в томатном соусе и шампиньоны. Ох, и здоровы же наворачивать эти англичане…! А с виду так и не скажешь — толстяков на улицах встречается очень мало. Я свой завтрак, еле осилил, а про наших женщин вообще молчу… А впереди еще был чай, к которому подали свежую выпечку, мед, сливочное масло и несколько видов джема. Чая и кофе здесь

тоже, кстати, предлагают на выбор множество сортов.

Через полчаса нам сообщили, что для нас подан автобус, и мы как объевшиеся утки гуськом потянулись на выход. Нет, ну какая работа… сейчас бы еще поспать часика три… На улице холодно, всего +6, идёт противный моросящий дождь. На небе хмурые серые тучи, под ногами слякоть. Вот и зонты пригодились… Единственная радость — улица Эбби Роуд, на которой расположена студия Атлантик Рекордс, совсем недалеко от нас, и нам не нужно каждое утро мотаться через весь город.

И вот мы на знаменитой улице, название которой известно каждому меломану, а уж фотография с Битлами, переходящими по полосатой зебре стала не только обложкой для их последнего диска, но и обошла весь мир. Ну, что сказать… улица, как улица и переход, как переход — ничего особенного. Только кирпичная стена, огораживающая комплекс зданий, где расположены звукозаписывающие студии, и табличка с названием улицы у перехода сплошь покрыты автографами битломанов и туристов со всего мира. Место это культовое, и хотя экскурсионных красных автобусов пока не видно, фанаты уже тут как тут. Несмотря на раннее утро и плохую погоду, снимают друг друга на знаменитом переходе, на все лады копируя походку переходящих улицу Битлов. Ну, а мы въезжаем в ворота, столбы которых тоже покрыты граффити, и паркуемся рядом с двухэтажным серым зданием. Студия, где записывались Битлы здесь далеко не единственная, хотя и самая известная в этом комплексе. Тут же по соседству расположены студии и нескольких других известных лейблов, в том числе и принадлежащая Атлантик Рекордс.

В холле нас встречает сам Майкл Гор. Жмем друг другу руки, представляю ему тех сотрудников, с кем он еще не знаком, вручаю ему пакет с небольшими сувенирами из Москвы. В их числе несколько разноцветных футболок с яркой олимпийской символикой, которые привез Марков. Нас попросили периодически надевать их, для рекламы предстоящей Олимпиады, вот и Гору перепало несколько штук. Для нас устраивают небольшую экскурсию по студии, попутно знакомя с ее сотрудниками. Головной офис лондонского филиала Атлантик Рекордс расположен совсем в другом месте — на Кенсингтон-стрит, как и их музыкальное издательство на Дерри-стрит, а здесь работают только те, кто непосредственно занят звукозаписью. Первым делом нас отводят в большое светлое помещение, где на стеллажах лежат наши инструменты, а на вешалах аккуратно развешаны наши сценические костюмы — его выделили специально для нас. Довольно переглядываемся — вот здесь мы и устроим свой склад, чтобы не смущать служащих отеля.

Скидываем куртки и плащи и отправляемся дальше знакомиться со студией…

Да… на фоне этой супер современной Атлантик Рекордс, Мелодия — полный отстой, а наша собственная — музыкальный кружок из Дома пионеров. Такая потрясающая аппаратура нам и не снилась… Зайдя в тон-ателье мои музыканты теряют дар речи и застывают в немом восторге — синтезаторы и микшеры, магнитофоны и проигрыватели — все здесь самых последних моделей, многое из которых мы даже не видели и не подозревали об их существовании. Бедные Кирилл, Коля Завадский и Клаймич кажется, вообще на грани обморока. И это мы еще не были в аппаратной, где расположено рабочее место звукорежиссера. Остальные музыканты молчат, но все написано на их потрясенных лицах. Гор тактично делает вид, что не замечает реакции и продолжает проводить экскурсию.

— Помещение этого тон-ателье специально оборудовано как отдельная звукозаписывающая студия. Пол здесь залит отдельно от фундамента, чтобы снизить влияние вибрации здания на записываемый сигнал. Все силовые линии питания звукового, светового и бытового оборудования проведены сюда отдельно друг от друга…

Все… чувствую, некоторые товарищи здесь же сегодня и заночуют. Ага… прямо в обнимку с аппаратурой.

После знакомства со студией и ее сотрудниками мы демонстрируем Гору наши последние достижения — вместе прослушиваем все восемь новых песен. Продюсер впечатлен. И почти слово в слово повторяет Клаймича

— Виктор, эти песни — отличный материал для нового диска. Большинство из этих песен потенциальные хиты!

Ха…а то я сам не знаю! Я их и выбирал из самых популярных песен 80-х, стараясь не сильно забегать вперед, чтобы случайно не опередить время. Показываю Гору, какие сценические костюмы сшиты для исполнения этих песен, и делюсь своими идеями по оформлению сцены. Майкл радует меня, что танцоры для подтанцовки уже найдены и завтра же с ними начнет работать профессиональный хореограф. Ничего сложного в моих идеях нет, все выполнимо и проблем с их воплощением в жизнь не возникнет. Потом он зовет нас с Клаймичем за собой

— Пойдемте в кабинет, мне нужно срочно поговорить с вами. У меня к вам есть очень интересное предложение.

…Предложение и впрямь интересное. Последние два дня Майкл подыскивал в Лондоне площадку для нашего концерта. Концерта естественно коммерческого, за деньги. В принципе, наш график это вполне позволяет. Концерт в Манчестере состоится 7

апреля, в Бирмингеме 14. Открытие национальной выставки 18. Между этими датами вполне можно дать концерт и в Лондоне, нам это по силам. И это отличная реклама для нашего нового диска. Мы с Клаймичем не сговариваясь, подаемся вперед

— А какие есть предложения?

— Ну, совсем маленькая площадка нам не годится, не стоит размениваться по пустякам. Тем более, после Манчестера о вас точно заговорят и в прессе, и на телевиденье. А если еще интерес публики будет подогрет каким-нибудь скандалом…

Мы понятливо киваем и заинтересованно ждем конкретики. И Майкл не разочаровывает нас

— Уэмбли. Мне предложили Уэмбли на 10 апреля. Это единственная свободная дата. Сегодня там последний концерт Джона Денвера. Потом пройдет пара футбольных матчей, а с 14 апреля начнется Международный фестиваль кантри музыки.

Григорий Давыдович растеряно смотрит на Гора и неуверенно спрашивает:

— Майкл, какие матчи?! Вы ведь говорите о Conference Centre?

— Нет, господа. Речь идет о Большой Арене Уэмбли. Если бы нам предложили Conference Centre в котором всего две с половиной тысячи мест, я согласился бы, не раздумывая. Но стадион? Сможем ли мы собрать двенадцать с половиной тысяч зрителей, учитывая, что у нас на подготовку осталась только неделя?

— А больше никаких подходящих площадок нет?

— Лучшие места Лондона расписаны на месяцы вперед. То, что нам предложили Арену Уэмбли — просто невероятная удача. Но только сможем ли мы воспользоваться этой удачей? И готовы ли вы сами пойти на такой риск?! Провал первого серьезного концерта — это ведь не только финансовые потери, это в первую очередь удар по репутации молодой перспективной группы. А к провалу этого концерта может привести даже простой ливень, в апреле они здесь не редкость.

— Виктор, это авантюра чистой воды — Клаймич как всегда осторожен.

А я… я почему-то уверен, что у нас все получится. И в отличие от своих собеседников я совершенно точно знаю, что с 9 апреля в Лондоне установится отличная погода, здесь будет тепло и без осадков. Уж в этом айфон меня точно не обманул. Поэтому…

— Я бы рискнул. Такой шанс выдается не часто, и нам нельзя его упустить. Давайте лучше обсудим, что мы можем сделать для того, чтобы собрать полный стадион?

Гор смотрит на меня с неподдельным уважением. Клаймич с плохо скрываемым ужасом. И я его в чем-то даже понимаю. Одно дело — собрать стадион в Союзе, где мы уже популярны так, что без труда могли бы дать турне по всем крупнейшим городам Родины. А совсем другое — проделать такое же в чужой стране, где мы еще ни разу не выступали. К тому же Клаймич не был с нами в Нью-Йорке, и истинного масштаба нашей популярности на Западе он пока даже не представляет.

— Виктор, я не буду скрывать, что уже продумал ряд эффективных мер на случай вашего согласия. И вот, что я предлагаю…

Вот же хитрый американец! Это надо же такое придумать… Он предложил немедленно устроить утечку наших нескольких новых хитов прямо из стен студии. Сегодня же слить эти записи на радио и в дискоклубы якобы одним чересчур корыстным сотрудником Атлантик Рекордс. А назавтра устроить по этому поводу вселенский скандал. На волне разгорающегося скандала и интереса к нашей группе Гор разовьет бурную деятельность и начнет срочно пропихивать меня в разные ток-шоу на ТВ, и популярные музыкальные передачи на радио. В это время все свободные сотрудники лондонского филиала Атлантик Рекордс срочно займутся мерчем: организуют изготовление футболок с логотипом группы и Ленина, напечатают плакаты для продажи и афиши для расклейки по городу, найдут площади для размещения огромных рекламных плакатов. Ну и организуют продажу билетов на концерт. А мы, не откладывая, прямо сегодня начинам записывать новый диск, параллельно репетируя номера для концерта. Короче, все для фронта, все для победы.

«Мамонт», услышав о том, что мы начинаем заново записывать восемь песен, недоуменно морщит лоб

— Вить, так вы вроде в Москве уже все записали для диска?

— Нет, мой друг! В Москве мы всего лишь разучили восемь новых песен для концерта, сочинили их аранжировки, записали к этим песням минусовки, которые будут нашей страховкой на случай форс-мажора на концерте, ну, и демо версии для Гора. И это максимум, что мы смогли сделать, даже работая на пределе своих сил. А запись диска — это совершенно другая работа. Более кропотливая, можно даже сказать филигранная. Для этого нужна студия другого уровня — не чета нашей. И другая аппаратура.

— Это как в Нью-Йорке…?

— Точно. Понимаешь Лех, то, что прокатит на концерте в виде живого звука, на диске будет звучать ужасно, если эти песни новые и еще не обкатаны группой в турне. Поэтому запись пластинки происходит чуть позже, когда музыканты уже немного

«сроднилась» с новыми песнями. Хотя часто бывает и наоборот. Сначала группа пишет новый диск, готовит его к продаже, а только потом продюсеры организуют тур в его поддержку. Но это могут себе позволить только супер популярные и опытные группы. Да и те сначала подстраховываются и всегда выпускают перед диском отдельные синглы, чтобы проверить реакцию публики. Теперь понимаешь их двойное назначение? Сингл — не только реклама будущего диска, но еще и своеобразная «соломка». Если песня у публики вдруг «не пошла», у продюсеров есть время, чтобы решить, что с ней дальше делать. То ли просто задвинуть ее на вторые роли, то ли записать новую кавер-версию этой песни. У нас же сейчас из-за нехватки времени все будет происходить параллельно, практически одновременно.

— Понятно… Значит опять будем зависать в студии до ночи?

— Будем. Оборудование и профессионалы у Атлантик Рекордс такие, что нам и не снилось. И надо быть полными идиотами, чтобы отказаться от такой возможности. И для нашей группы это бесценный профессиональный опыт, особенно для музыкантов, которых в Нью-Йорке с нами не было.

Увидев его кислое лицо, я поспешил успокоить «старшего брата».

— Лех, а вот нам с тобой сидеть здесь до вечера совершенно не обязательно. У нас с тобой будут другие важные дела.

— Немецкие расписки? — ухмыляется «мамонт»

— Не только. Пора позвонить нашему американскому другу.

* * *

Быстро смыться из студии не получилось. Я хоть и шел номером один в очереди, но мои партии записывали долго, выверяя и вычищая каждую шероховатость. Только после обеда — мы всей группой быстро съели несколько пицц с морепродуктами — нам удалось ускользнуть с Эбби Роуд.

Леха свистнул первому же черно-желтому кэбу и первым делом мы направились в Хакни. Не очень благополучный район Лондона, где было много дешевых переговорных пунктов, которые держали пакистанцы. Поколесив по кварталам, я попросил водителя остановиться у здания, на котором мигала неоновая вывеска Public Telephone. Внутри пункта было сильно накурено и почти пусто. Несколько смуглых мужчин с кем-то трепались в маленьких, отгороженных кабинках. Подойдя к администратору в тюрбане, я заказал телефонный разговор с Вашингтоном. Заплатил два фунта задатка и отправился в самую

крайнюю кабинку. Через пару минут меня соединили с приемной конгрессмена Магнуса. Милая женщина сначала отказалась меня соединять с боссом, но после того, как я упомянул Лас-Вегас, сдалась.

— Уоррен Магнус слушает — раздался гнусавый голос сенатора

— Добрый день, это Виктор Селезнев — Вряд ли ЦРУ слушает своих политиков, но закладываться нужно на худший сценарий. — Вы были на моем боксерском матче в Лас-Вегасе

— Да, да — сенатор сразу включился в игру — Отличный бой. И песни, кстати, замечательные

— Как раз звоню позвать вас на свой лондонский концерт — я кидаю пробный шар — Вам же понравились мои песни!

В трубке молчание. Переваривает. Ну, давай же… Рожай быстрее

— Виктор, у нас тут очень сложная обстановка в связи с атомной аварией на Три-Майл-Айленд — Магнус мнется — Я не уверен, правильно ли будет в такой момент…

— Ах, мистер Уоррен — я вздыхаю в трубку — Мы все так вам сочувствуем… Я даже разговаривал с Моникой Картер об опасности ядерного оружия совсем недавно. О том, что весь мир стоит на грани…

— Да, да — оживляется сенатор — Мы тут следили за ее визитом в СССР.

Я прямо слышу как у Магнуса в голове работают шестеренки. Прилететь в Лондон сверхзвуковым «Конкордом» — это всего несколько часов. С расовой темой я ему уже помог, он явно на ней здорово пропиарился на волне негритянских волнений. И у меня его векселя на миллион с лишним долларов. Видимо, последний аргумент сыграл решающую роль.

— А когда концерт?

— 10-го апреля, на стадионе Уэмбли.

— Хорошо, я принимаю твое приглашение.

— Наша группа остановилась в Савойе…

Вот такой толстый намек я озвучил Магнусу, после чего попрощался. Что же… Одно дело сделано. Мой «агент» вызван в Лондон и у меня есть пара идей, как помочь конгрессмену выиграть следующие выборы. Теперь надо решить с расписками. Я вышел из будки и направился к Лехе, который смотрел небольшой телевизор в углу переговорного пункта. Показывали визит Джимми Картера и губернатора штата Пенсильвания Дика Торнбурга на АЭС Три-Майл-Айленд. Ну да… Это же сейчас тема номер один в западных СМИ. На экране президент США с умным видом рассматривал панель приборов радиационного контроля в

комнате управления атомной станции.

— Вить, а что у них там случилось? — толкнул меня локтем в бок «мамонт» — У нас показывали в программе Время аварию, но без подробностей. Может Веверс тебе что-то рассказывал?

Мнда… с этим безумным трудовым забегом перед отлетом я совсем не следил за ситуацией. Нет, я знал, что случится авария на атомном объекте, и даже некоторое время размышлял стоит ли предупредить американцев, а если да, то как… Но так ничего и не придумав, закрутился, забыл.

— Сейчас послушаем — я прибавил звук на телевизоре и начал переводить Лехе — Утечка теплоносителя, ядерное топливо расплавилось, ну и операторы маху дали.

— И что теперь??

— Помещения АЭС подверглись радиоактивному загрязнению, но в окружающую среду вроде не попало. Пострадавших тоже нет. Хуже было бы если разрушение активной зоны произошло в форме взрыва. Тогда бы так легко не отделались…

Перед глазами у меня встали кадры облета вертолета развороченного чернобыльского реактора. Да… американцам повезло.

— Ладно, давай собираться. Нам надо еще отправить копии расписок, что я сделал в бизнес-центре Савойя нескольким английским журналистам.

* * *

По возвращению в отель, меня ждал новый сюрприз. Какой-то мужчина в шляпе, незаметно сунул мне в лифте бумажку в руку. Леха пошел принять душ, а я развернул записку. В ней по-русски было написано: «Спускайся к черном ходу и садись в серый Форд Эскорт». Вместо подписи стояло одно только слово Кимчхи. Именно кимчхи — острый корейский салат из пекинской капусты, редиса и пряностей — я ел у Веверсов, когда первый раз пришел в гости. Ясно. Родина обо мне помнит, «бурильщики» «пробурили» скважину в Лондон. Делать было нечего, я сжег бумажку в пепельнице, оставил записку «мамонту» и спустился к черному ходу. В дальнем конце стоянки действительно стоял серый Форд Эскорт. За рулем сидел тот самый мужик в шляпе, с которым я столкнулся в лифте. Неужели меня почтил вниманием сам английский резидент генерал Сергей Голубев, который в прошлом году лично укокошил в Лондоне болгарского диссидента Маркова?

Нет, вряд ли. Такие люди лично на конспиративные встречи не ходят. Мой визави хоть и был с легкой сединой на висках — выглядел все-таки молодо. Лицо без морщин, чисто выбрит.

— Насмотрелся? — мужчина включил первую передачу и выехал со стоянки

— Ага — я поежился от нахлынувшего испуга. А ну как нас сейчас пасет МИ5?

— Сначала проверимся, сделаем несколько кругов

— Как вас зовут? — поинтересовался я

— Петр Алексеевич

— Как царя?

Мужчина засмеялся.

— Ты не бойся, у нас все серьезно. К посольству я отношения не имею, на финальной точке будет контр-наблюдение…

Ого. Высоко меня ценят, если на встречу прислали нелегала. Это дорогие фигуры, которыми ПГУ просто так не разменивается.

Около часа мы кружили по Лондону, ускоряясь, проскакивая на желтый сигнал светофора. В итоге заехали в какую-то глушь, на голое поле. Как на нем можно установить контр-наблюдение я не представлял. Разве что вон с той высокой водокачки??

— Слушай меня внимательно — Петр Алексеевич повернулся ко мне и передал две коробки — одну большую, другую поменьше — Когда приедет Анна Кальви, сделаешь ей подарок на свидании.

Я открыл первый ларец — там лежало дорогое золотое колье, усыпанное бриллиантами. Очешуеть! Это же… дорого. Очень дорого.

— Двести тысяч долларов — подтвердил мои мысли «нелегал» — Поразишь девушку. Пока она будет рассматривать драгоценности — подаришь второй презент. Для ее отца.

Я открыл вторую коробку. В ней был сверток из ткани, внутри которого находилось дорогое массивное распятие Христа. В воздухе приятно запахло можжевельником…

— Скажешь между делом — продолжал инструктировать меня Петр Алексеевич — что запах можжевелового дерева очень хорошо помогает сосредоточиться на работе. Про фитотерапию слышал? Сейчас очень модное направление в медицине.

Распятый Христос грустно смотрел на меня из коробки. Это что же… В ПГУ решили моими руками впарить Кальви распятие… с жучком?? Другой причины дарить вдруг отцу Анны такой дорогой массивный подарок, да который, учитывая религиозность премьер-министра, еще и не будут досматривать, я не представлял. Чертыхнулся про себя. Все не дают КГБ покоя лавры «Златоуста». Уже двадцать лет прошло, как удалось «прослушать» посла США в Москве с помощью подарка от пионеров в виде

резного герба США из ценных пород дерева. Но как говорится, старую собаку новым трюкам не выучишь… Или так проверяют меня? На лояльность. Нет, слишком велика цена ошибки. Сложная, долгоиграющая операция. Зато и выигрыш огромен. Купится Кальви на фитотерапию, повесит распятие у себя в рабочем кабинете, а КГБ тут как тут… И что мне делать?

5 апреля 1979 года, четверг
Великобритания, Лондон

Весь следующий день мы работаем в студии. «Звездочкам» требования местных звукорежиссеров не в новинку, они быстро вспоминают уроки Нью-Йорка и легко втягиваются в работу. А вот музыкантам приходится намного труднее — сказывается отсутствие у них опыта работы на западных студиях, да и знание английского языка подкачало. Но зато желание работать такое, что оно с лихвой компенсирует все остальное. Уже к обеду между сотрудникам Эбби Роуд и нашей группой устанавливается полное взаимопонимание, работа идет полным ходом. Традиционный английский распорядок дня подходит нам как нельзя лучше. Рабочий день англичан изобилует короткими перерывами на чай, они даже название для этого действа придумали — «tea breaks». В одиннадцать у нас первый небольшой перерыв — ланч — своеобразный второй завтрак, а по сути — чай с имбирными печеньем, вафлями с крупными ячейками и джемом. В час дня нас пригласили на «послеполуденный чай», и вот к нему уже нам подали настоящие сэндвичи с ветчиной, яйца, сваренные вкрутую, бисквиты и горячие сдобные булочки. Сэндвичи, кстати, тоже подогрели в ростере и подали горячими. Рядом с тон-ателье есть уютная комната отдыха с кухонным уголком, с чайником, небольшим холодильником… Вокруг большого низкого столика расположены три удобных дивана и кресла.

Чай для англичан это неотъемлемая часть жизни, важная часть распорядка дня, в соответствии с которым старая добрая Англия и живет. Сами британцы шутят, что: «легче представить Британию без Королевы, чем без чая». Наша Татьяна Геннадьевна в полном восторге от английских порядков: «Ах, как у них все разумно продумано! Ах, какие замечательные банановые бисквиты! Витя, нам для студии нужно обязательно купить такого чая! Ах, мы, как вернемся, тоже заведем такой же распорядок.» Нет, чай-то, конечно, замечательный, и купить его не проблема, но вот только не нужно делать культа! В нашем дружном коллективе только еще истовых англоманов не хватало… Мило улыбаюсь Вериной матери, но продолжаю пить напиток, упорно игнорируя ее восторги. А наша «англоманка» все никак не

уймется. Уже и Вера смущенно поглядывает на нее, и Григорий Давыдович прячет ехидную усмешку за чашкой, но Татьяна Геннадьевна все давит на меня и давит. И мне это совершенно не нравится. Наконец, я не выдерживаю:

— Татьяна Геннадьевна, раз вы в таком восторге от английского чая, завтра прямо с утра возьмете кого-нибудь из ребят-охранников и отправитесь его закупать. Купите в студию годовой запас из нескольких сортов.

— А почему я??

— А кто еще? Или вы мне предлагаете бросить запись альбома и отправиться по магазинам за чаем?

Смотрю зло на Верину маму, старательно не замечая умоляющий взгляд дочки.

Надеюсь, мой намек был более, чем прозрачен. Я не намерен ни от кого терпеть диктат, и уж тем более от женщины, которая вдруг почему-то возомнила себя моей будущей тещей. Видимо, она все же дожала Веру, и та имела неосторожность признаться ей в наших отношениях, после чего Татьяна Геннадьевна самонадеянно решила, что теперь она может мной немного покомандовать. Ну, уж нет, дудки! Неприятную сцену прерывает появление на пороге нового персонажа — Кейт Буш!

Певица одета в короткое черное платье, темные волосы распущены по обнаженным плечам.

— Кейт, какими судьбами?! — я подскакиваю на ноги, Клаймич элегантно целует руку девушки

Мы обнимаемся с Кейт, как со старым другом. Все наши шапочно знакомы с ней еще по Сан-Ремо, но вот нас с девчонками объединяет с Кейт не только работа в нью-йоркской студии, но и незабываемый концерт. Все искренне рады снова встретиться с ней

— Вот приехала на недельку домой в Англию, с трудом выкроила время между гастролями. Зашла в головной офис на Кенсигтон, а мне там рассказывают, что вы сейчас в Лондоне. Ну, как не навестить старых знакомых?!

Девчонки тащат Кейт в тон-ателье, чтобы дать ей послушать наши новые песни. Англичанка уважительно кивает, снимая наушники после прослушивания

— Молодцы, отличный дебютный диск получится!

Ее оценка дорогого стоит, ведь Кейт сама сочиняет и исполняет свои песни, а при записи следующего альбома собирается выступить еще и в качестве продюсера. Несмотря на молодость, Кейт уже настоящий профессионал, и ее мнению вполне можно доверять, поэтому мои музыканты светятся от счастья, слушая ее похвалу. Коля Завадский так и вьется вокруг

певицы

— Только умоляю вас — не торопитесь потом со вторым диском, как бы Майкл вас не уговаривал и не подгонял. Я вот согласилась на европейское концертное турне в поддержку своего второго альбома и уже прокляла все на свете! Эти концертные выступления и бесконечные переезды так выматывают меня, что на новые песни вообще не остается ни времени, ни сил. Больше никаких турне, пропади они пропадом…!

— Ну, о нашем турне пока еще и речи не идет, после Нью-Йорка у нас это первые европейские концерты…

Рассказываем Кейт о нашей предстоящей программе в Англии. Она одобрительно отзывается о концертных площадках в Манчестере и Бирмингеме. По секрету сообщаю ей об Уэмбли.

— Рисковый ты парень, Виктор…! Но успешный дебют на Уэмбли — это пропуск на вершину мира шоу бизнеса. Сразу попадаешь в высшую лигу.

— Придешь нас поддержать?

— Не обещаю, но очень постараюсь! А сейчас прости, мне нужно бежать…

Расстаемся с Кейт, как лучшие друзья и снова идем в тон-ателье…

С белой завистью смотрю на помещение, где можно записывать большие и малые оркестровые составы, и даже хоры. Хочешь, используй его в качестве репетиционной точки, хочешь — пиши живой концерт со студийным качеством. Характерная акустика помещения используется при записи музыкальных инструментов, когда важен не только «прямой» звук, но и звучание самого павильона. В этом тон-ателье расположено несколько акустических щитов, позволяющих менять звучание помещения и формировать локальные «комнаты», что часто используется для записи барабанов и духовых. Мы о таком можем пока только мечтать…

…Ужинаем мы снова в пабе, но уже в другом, рангом повыше вчерашнего. Сюда нас привели англичане — звукорежиссер Тим и его помощник Найджел. Места в этом заведении нам пришлось заказывать заранее. Здесь настоящий английский интерьер: открытый камин, отгороженный старинным экраном, окантованным ажурным литьем, окна со свинцовым переплетом, массивные дубовые столы и каменные полы. На стенах, покрытых резными дубовыми панелями, картины, потемневшие от времени, и вычурные старинные светильники, а на полках за спиной бармена, выставлена целая коллекция старинной посуды, и даже издалека видно, что это не современные подделки. Рядом обязательные атрибуты любого приличного паба — исписанная

мелом большая доска-меню и мишень для игры в дартс. Антуражно так… Ну, и еда здесь естественно, оказалась классом повыше.

Термин «гастропаб», подразумевающий паб, подающий еду более высокого, ресторанного стандарта, в Англии пока еще не изобрели, но это заведение его точно заслуживало. По совету Тима я заказал себе треску, обжаренную в тесте, замешанном на темном эле, с гарниром из картофеля, жареного во фритюре, и зеленого горошка. И хоть мне пришлось подождать заказ, рыба того стоила: она оказалась очень нежной и сочной благодаря нежной корочке теста, а картофель — хрустящим и ароматным. Леха остался верен мясу — заказал себе запеченную свинину. На гарнир ему подали овощи и йоркширский пудинг. Я не утерпел и нахально залез в его тарелку… Ну, что сказать… вкуснотища нереальная, а еще сдобренная добрым английским элем… настоящим бочковым…

…После паба мы дружно отправляемся в гостиницу. Паршивая погода не располагает к прогулкам, к тому же все устали и мечтают выспаться. Ну, по крайней мере, мечтали, пока ехали в отель. А там… Кто-то из девчонок имел неосторожность включить в первый же день телевизор и наткнулся на сериал. Да, в Англии сейчас крутят сразу два знаменитых сериала — «Даллас» и «Ангелы Чарли». И вот теперь все наши вместо того, чтобы лечь спать, собираются в номере Альдоны и Лады у телевизора. Даже «мамонт» не утерпел. Девчонки за переводчиков, а я от такой чести отмахнулся, у меня после сегодняшней записи и так еле язык шевелится. Короче, я потопал спать. Но перед сном мне еще пришлось выслушать доклад Львовой о сделанных ею покупках. У них, что — у всех шило в одном месте?! Нельзя до утра с разговорами подождать? Но с первых же слов Львовой я в очередной раз понимаю, как мне с ней повезло

— Витя, мы сегодня ездили с Лешей по городу и наткнулись на потрясающий магазин кожгалантереи. Правда, он дорогой и скидки там небольшие, но какие женские сумки, какие мужские кейсы! Все из натуральной кожи, ко всем в комплект можно подобрать кошельки и портмоне. Это же отличные подарки для твоих взрослых…друзей!

На слове «друзей» она немного спотыкается, но я ее понимаю. А как еще назвать людей из властного эшелона, годящихся мне в отцы и матери? Но за отличную идею для подарков я готов просто расцеловать ее. Молча, достаю из кармана все оставшиеся фунты, оставляя себе только на мелкие расходы, и отдаю их Львовой.

— Татьяна Леонидовна, я полностью полагаюсь на ваш вкус.

Нужно купить пять женских сумок и пять мужских кейсов, все самого лучшего качества и торговых марок. Денег не жалейте, в комплект нужно подобрать дамские кошельки и мужские портмоне, от подарочных зонтов тоже не отказывайтесь. Закончатся деньги, заезжайте на Эбби Роуд, я с Гора завтра еще стрясу.

— Ладно, с подарками решили. Теперь о твоем гардеробе. Виктор, ты как хочешь, но в нем маловато сорочек для костюмов. Я знаю, что тебе некогда этим заниматься, но извини: из некоторых сорочек ты уже вырос — и рукава коротковаты, и воротничок тесноват. Нужно их срочно заменить.

— Татьяна Леонидовна, а вы у меня на что? Кто у нас стилист, в конце-то концов?!

— Ну, если ты доверяешь моему вкусу…

— А когда я ему не доверял?! Вы мой гардероб знаете лучше меня. И мерки мои помните, наверное, наизусть. Как вы думаете, можно вам доверить пополнение моего гардероба?

— Думаю, что можно! — смеется эта святая женщина, избавившая меня от большой головной боли.

Нет, я скоро молиться на нее начну. На радостях я быстро обговариваю с ней список необходимых мне вещей. Заодно прошу присмотреть кое-что для мамы и деда.

Довольный, провожаю ее до дверей и с чувством выполненного долга пытаюсь заснуть. Но сон опять не идет. Что же мне все-таки делать с распятием для Кальви??

Глава 3

В пятницу утром мы снова загружаемся в автобус и едем работать. Теперь в коллективе новая тема для разговоров — наши дамы подсели на сериалы, поэтому по вечерам у нас совместный просмотр, а по утрам за завтраком обсуждение. Я тихо угораю — женщины печально сетуют, что в СССР на ТВ нет такого замечательного жанра. Во-первых, есть. Вся страна пустеет, когда показывают «Следствие ведут знатоки». Во-вторых, хвала богам, дело пока не дошло до мыла типа «Санта-Барбары» и «Рабыни Изауры». Вот когда мужикам повеситься можно будет. Но до этого нам нужно еще дожить… Или не нужно? А пока успокаиваю всех, что ко Дню Милиции у нас уже снимают замечательный детективный сериал с Владимиром Высоцким и другими известными актерами, а в самом конце года выйдет на экраны отличный фильм как раз для наших милых дам — «Москва слезам не верит» с Баталовым и Алентовой в главных ролях. Меня расспрашивают откуда я все это знаю — закатываю глаза «наверх». Поверили.

Вроде бы женщины успокоились со своими ахами и охами, тон которым задает все та же Татьяна Геннадьевна. Стыдно сказать, но эта в целом полезная для общего дела дама раздражает меня все больше и больше. Нет, вот диск сейчас запишем, и в следующую поездку я ее точно не возьму, собственные нервы мне намного дороже всех Вериных обид.

Сегодня прилетает Анна. Остановится в Савойе. В нашем отеле есть даже свой штатный флорист и утром я успел заказать для итальянки шикарный букет из весенних цветов, попросив портье доставить его в номер, как только она здесь появится. А в записке написал Анне, где можно найти меня в течение дня. Завтра у нас первый концерт в Манчестере — Гор с Клаймичем уже уехали проверять подготовку сцены. Мы в Лондоне к нему также усиленно готовимся. Сам я страшно волнуюсь, но вида стараюсь не подавать, чтобы остальные тоже не начали дергаться. Вот вроде и беспокоиться мне особенно не о чем — все у нам отрепетировано, а все равно мандражирую. Не столько за себя, сколько за своих музыкантов — живой концерт это испытание не для слабонервных, а впереди нас ждет огромная Арена Уэмбли.

Скандал, спровоцированный Гором, набирает хорошие обороты и уже приносит свои плоды. Пока едем на Эбби Роуд, успеваем услышать по радио пару своих новых песен и восторженные отзывы радиоведущих. Вчера Майкл дал большое интервью популярной музыкальной радиопередаче в утренний

прайм-тайм, а днем перед отъездом успел записать интервью на BBC. Сегодня вечером его покажут по ТВ. Скандалы и сплетни здесь любят не меньше, чем в Америке, и ведущие могут задать своему гостю такой каверзный вопрос, что мало не покажется. Поэтому Гор бережет меня и раньше времени в бой не бросает — нагнетает интригу. Все хотят увидеть Виктора Селезнева, а его прячут. Зато билеты разлетаются как горячие пирожки. Но после Манчестера мне уже, чувствую, не отвертеться от интервью газетчикам и выступлений на ТВ.

К полудню раздается долгожданный звонок — Анна в Савойе. Благодарит за роскошный букет, радостно сообщает, что у нее для меня тоже огромный сюрприз и скоро она нагрянет к нам в студию. Успевает Анна прямо к очередному перерыву на чай — влетает в комнату отдыха и сердце мое пропускает удар. Наверное, я никогда не перестану так реагировать на эту красивую женщину… Узкие джинсы, свитер, белоснежная куртка и бежевые замшевые сапоги в гармошку — в любом наряде она выглядит так, словно сошла с обложки «Vogue». Одарила всех белозубой улыбкой и первой бросилась со всеми обниматься, а потом, воспользовавшись всеобщей суматохой, тайком показала мне кольцо на пальце, которое я подарил ей в Москве. Стою и счастливо улыбаюсь. Выгляжу, наверное, глуповато, но ничего не могу с этим сделать. Наши все искренне рады Анне, и по мере своих сил переходят на итальянский, чтобы сделать нашей гостье приятное. Так мы дальше и общаемся на дикой смеси английского, итальянского и русского. Анна ведь тоже старается вставлять в свою речь побольше заученных ею русских словечек.

Итальянка раздает всем нашим сувениры из Италии — мужчинам красивые брелоки для ключей, женщинам модную итальянскую бижутерию. Девчонки визжат от восторга и бросаются целовать Анну. Ну, и скажите: как к такой славной итальянской девушке можно меня ревновать?

А Анна жестом бывалого фокусника, со словами «Та-да-да-дам…!» уже достает из пакета несколько одинаковых альбомов с яркой обложкой, состоящих из двух виниловых дисков. Это альбом, изданный в Италии по итогам конкурса в Сан-Ремо, и включивший в себя все песни-финалисты. Он так и называется: «Сан-Ремо — 79». И конечно, заглавная песня там наша — «Soli», а замыкает список «Sara perche ti amo». Анна говорит, что диски раскупают с такой скоростью, что пришлось срочно печатать дополнительный тираж. К тому же, наша песня-победитель вышла еще и на сингле — все это входило в условия стандартного договора на участие в конкурсе. А теперь нам стоит ожидать приезда в Москву итальянских продюсеров, которые жаждут

заключить контракт с нашей студией. Обычно победитель фестиваля, следуя заключенному контракту, сначала записывает диск-гигант на итальянском языке, а потом отправляется в турне по Италии, и по ближайшим странам. И это не говоря уже о том, что его приглашают в телевизионные эфиры на все итальянские телеканалы, а музыкальные журналы Европы и молодежные газеты публикуют бесчисленные статьи и интервью. А с нами видимо злую шутку сыграл «железный занавес». Может, итальянцы и пытались связаться с нами в Москве, да только опоздали — американцы оказались шустрее, а тут еще и поездка в Нью-Йорк ненароком подвернулась. Так что теперь со всеми коммерческими предложениями — это к Майклу Гору, пусть он сам с итальянцами разбираются, а наше дело — согласиться на них или нет.

Мы еще какое-то время обмениваемся новостями, но в комнату уже несколько раз заглядывал Найджел, намекая всем своим видом, что нас ждут дела. Приглашаем Анну поехать с нами на завтрашний концерт в Манчестер. Узнав, что мы собираемся ехать туда на автобусе, Анна с ужасом машет руками

— Вы что?! Никаких автобусов! Мы летим в Манчестер на нашем самолете, и это даже не обсуждается!

Ну, а мы что — дураки от такого счастья отказываться? Частный самолет это круто, и полет сэкономит нам кучу сил и времени. Мы тут же с радостью соглашаемся. Я иду проводить Анну до машины, и приглашаю ее вечером поужинать. Девушка говорит, что знает, куда мы пойдем ужинать. В Савойе главный шеф по всем ресторанам — хороший знакомый их семьи. И он сделает наш ужин незабываемым. Уже в дверях Анна украдкой шепчет мне, что ужасно соскучилась, и целует меня на прощанье в щеку, умудряясь при этом «невинно» задеть губами еще и уголок моего рта. Потом она отбывает в компании своей многочисленной охраны, а я еще несколько минут прихожу в себя после ее искушающего поцелуя… А уж я-то как соскучился по тебе, Анна, не передать и словами…!

* * *

— Частный самолет?!? Советский комсомолец, посол мира летает на частном самолете??

Никогда я еще не видел Сергей Сергеевича в таком гневе. Лицо безопасника покраснело, вены на лбу вздулись. Рядом с «бурильщиком» стоит насупленный Марков. Международный отдел ЦК также готов распять меня где-нибудь на Биг-Бене.

Кстати, все идет к тому, что при нашем графике, ни я, ни группа вообще не увидим красот Лондона. Часовая башня Вестминстерского дворца, колонна Нельсона, Тауэр… Эх, где же те старые, добрые туристические времена? Даже в Риме было проще.

— Виктор, вы еще с нами? — возвращаем меня с небес на землю Марков

Эх! Как мне сейчас не хватает Клаймича. Тот бы сейчас быстренько все сгладил, пошутил, рассказал какую-нибудь историю. И все, что хочется мне — это достать «шпионское» распятие и врезать им между глаз Сергей Сергеича. Мало того, что комитетчики подставляют меня перед Кальви, так еще и жизнь своими истериками портят. А вдруг все-таки распятие — это такая хитрая игра Цвигуна? В обход Веверса, устроить грандиозный скандал в Италии, подорвать внешнеполитические позиции Романова? Голова просто трещит от разных версий. Надо звонить в Москву. А как? По открытым линиям с Романовым или Щелоковым не поговоришь, спутниковый телефон вывозить мне не разрешили. Можно позвонить из посольства, но это те же яйца только сбоку — спецсвязь контролирует КГБ и ГРУ. Я молчу, зло смотрю на гэбиста.

Мужчины озабоченно переглядываются.

— Виктор, почему вы молчите? — Марков занервничал — Мы просто все не поместимся в частном самолете Кальви. И это очень плохо с пропагандистской точки зрения. Советские люди и такое барство! Как это подадут английские газеты?

— Есть некоторые аспекты, Андрей Иннокентьевич — я бросаю взгляд на свой золотой Ролекс, уже пора ехать в Савой — О которых вы не знаете. Но знают в Москве, на Лубянке. Правда, Сергей Сергеевич?

Гэбист хмуро кивает. Ага! Значит, его все-таки проинформировали о спецоперации по Анне Кальви. Сука такая… Лучше уж драться с «Кузнецовыми» из-за стукачей, чем вот такую змею пригреть на груди.

— Ну раз так… — разводит руками Марков

— На самолете полетим только мы со «звездочками», возможно, возьму кого-то из музыкантов. Того же Колю Завадского. Остальные поедут автобусом. И вы оба, кстати, тоже.

Ну же! Съедят? Покривились, но проглотили. Марков трет лысину, смотрит на гэбиста, а тот молчит.

— Мне пора на встречу, товарищи. Увидимся завтра, в Манчестере.

* * *

Возвращаюсь обратно в Савой, оставляю Леху в номере, надеваю смокинг. Сегодня я должен выглядеть на все сто. Посмотревшись в зеркало, выхожу в коридор и поднимаюсь на пятый этаж. Роскошный президентский люкс, оформленный в эдвардианском стиле, состоит из фойе, отделанного мрамором, просторной гостиной с камином и большой спальни с ванной комнатой и гардеробной. В фойе этого номера есть даже раздевалка для гостей. Пока сама Анна заканчивает прихорашиваться в спальне, знакомый мне еще по Лас-Вегасу суровый охранник предлагает располагаться в гостиной, и если я пожелаю, воспользоваться мини баром. От спиртного я отказываюсь и подхожу к огромному окну, из которого открывается потрясающий панорамный вид на Темзу. Наше-то окно выходит во двор отеля, а здесь весь Лондон, словно на ладони… Набережная Виктории, мост Ватерлоо, вдали Тауэрский мост и Сити… Пока он еще без привычного «огурца» Мэри-Экс и других современных небоскребов, но все равно красота…! Все эти потрясающие виды — бесплатное приложение к роскошному люксу, хотя на самом деле они тоже включены в его стоимость. Как и антикварная мебель, и люстры из муранского стекла и произведения искусства, развешанные и расставленные по всему номеру. Мой букет, например, стоит в вазе, которой на вид лет сто, не меньше, а мраморные полы номера устилают ковры, по которым, наверное, еще Оскар Уальд здесь ходил… Только успеваю присесть на ближайшее из двух кресел, как в гостиной появляется Анна.

— Прости дорогой, долго не могла определиться с выбором, что мне сегодня надеть в ресторан…

Угу… Чем больше размер гардеробной у девушки, тем труднее ее выбор…! Но вслух произношу

— Может, мой подарок поможет тебе определиться? Закрой глаза…

Достаю футляр с колье, аккуратно вынимаю его и застегиваю на шее Анны. Поправляю это чудо ювелирного искусства, добиваясь симметричного расположения бриллиантов, и коснувшись губами тонкой ключицы, отступаю в сторону, давая Анне возможность подойти к зеркалу.

— О, Боже… какая прелесть…!

Сияющие глаза Анны — лучшее подтверждение, что с подарком в конторе угадали. Бриллиантовое колье и правда отлично смотрится на ее стройной шее. А у меня возникает какое-то двоякое чувство… Вроде как и красиво, но подарок-то этот я не сам выбирал… Но награду за него я все равно получаю, и еще какую… Жаркий поцелуй Анны заставляет меня напрочь забыть о

том, зачем я здесь вообще появился. Отрезвляет меня лишь звонок телефона — из ресторана сообщили, что стол накрыт и нас ждут. Мы со стоном отрываемся друг от друга, и через секунду Анна смущенно смеется

— Прости, не думала, что мы так увлечемся… я испачкала тебя губной помадой.

И ведет меня за руку через большую светлую спальню с огромной двуспальной кроватью в ванную комнату. Пока она, смеясь, осторожно оттирает мою щеку влажной салфеткой, я успеваю оглядеться. В роскошном помещении, размером со стандартный номер, расположена душевая кабина с тропической дождевой насадкой, отдельно стоящая ванна на бронзовых лапах и двухместный туалетный столик, с мраморными раковинами и сияющими хромированными кранами. Комфорт и элегантность легко уживаются здесь с помпезной отделкой стен мрамором, а современные удобства соседствуют с благородным антиквариатом. И Анна смотрится в этом красивом интерьере так соблазнительно, что у меня вконец сносит крышу. Да, плевать на то, что нас кто-то и где-то ждет…! Мы оба слишком долго ждали этой встречи, и пусть теперь другие нас подождут…

Я подхватываю Анну за талию и сажаю ее на мраморную столешницу… Медленно провожу рукой по стройной ноге, добираясь под пышной юбкой до ажурной резинки чулка, и вижу, как разгорается ответный огонь в глазах Анны… Какой там к черту ресторан! Резким движение задираю платье, сдергиваю с девушки черные кружевные трусики. Анна расстегивает мои брюки… Через минуту ванная комната наполнятся тихими стонами и бессвязным шепотом, в котором русские слова мешаются с итальянскими. А еще через пять, эти стоны становятся очень даже громкими, а слова и вовсе заканчиваются… Вскоре изо всей одежды на девушке остаются только чулки и драгоценности, все остальное разлетается по мраморному полу ванной комнаты, как яркие осенние листья на ветру…

…Когда через полчаса мы пытаемся привести себя в порядок, нас обоих душит смех. Все долгие сборы Анны пошли насмарку: платье превратилось в мятую тряпку, ее макияж потек, а тщательно уложенные волосы снова требуют похода к парикмахеру. В конце концов, она просто собирает их в высокий хвост, смывает с лица всю косметику и лишь подводит помадой губы. Платье мы тоже выбираем быстро, буквально схватив в гардеробной то, что первым попало под руку. И что самое интересное — выглядит Анна ничем не хуже, чем полчаса назад.

* * *

Пока едем в лифте, я размышляю — дарить или не дарить распятие. Вполне возможно, что именно сейчас в ресторане сотрудники КГБ увидят на Анне колье и уже завтра зададут мне массу неприятных вопросов. Что мне на них отвечать? Я школьник, а вы идите лесом со своими специальными заданиями? Ну, раз ты школьник — ответят мне — сиди в Союзе и учись в школе. Может подкинуть монету? Так ничего и не решив, я, подхватив Анна под руку, выхожу из лифта. Сзади и спереди идут охранники.

Ресторанов в нашем отеле несколько и все они совершенно разные. Есть Savoy Grill, где некоторые блюда готовят прямо при тебе, есть «The Thames Foyer», где мы завтракаем по утрам — он в основном специализируется на «послеполуденном» чае и five o'clock, а есть ресторан с классической французской кухней. Но что интересно — кухней всех заведений руководит один человек — повар-британец итальянского происхождения Сильвино Тромпетто. Вот на встречу с ним мы и направляемся. Все это успевает рассказать мне Анна, пока мы идем через роскошный холл отеля. Сам Сильвино из семьи простых итальянских иммигрантов, которые переехали из Милана в Англию в конце первой мировой войны, но сумел достичь невиданных высот в сфере высокой кухни. Учился у лучших поваров, потом стал шефом в Savoy Grill, а с 1965 года он maitre-chef всех ресторанов отеля Савой. Личность Сильвино Тромпетто очень известная и уважаемая, его часто приглашают в Букингемский дворец готовить на разных важных мероприятиях.

Я ожидаю увидеть жизнерадостного толстячка, но мистер Тромпетто опровергает все мои стереотипы об итальянцах. Он очень высокий, худощавый, с пышными усами и по-английски сдержанными манерами. Единственное, что намекает на его итальянское происхождение — крупный нос с горбинкой и густые темные волосы, в которых уже серебрится седина. На вид ему лет шестьдесят. С Анной он обнимается, как старый добрый друг семьи. Она представляет меня ему, и нас проводят за стол, накрытый белоснежной скатертью и сервированный великолепной посудой. Какое-то время они болтают по-итальянски, но я с трудом успеваю разобрать слова. Их речь слишком быстрая для меня, я понимаю лишь, что они говорят о Роберто Кальви. Наконец, Сильвино желает нам приятного аппетита и оставляет нас одних.

— Виктор, я взяла на себя смелость заранее сделать заказ. Ты же не в обиде?

— Нет, конечно…

На самом деле я благодарен Анне за то, что она избавила меня от необходимости с умным видом читать меню. Я, конечно же, имею представление о высокой французской кухне, но оно довольно поверхностное. Пафосные рестораны — это вообще не мое. А уж это знаменитое место не просто пафосное — оно кишмя кишит чопорными аристократами, шейхами и прочей важной публикой. Недалеко от нас сидит молодой загорелый парень в компании кого-то важного господина. Анна показывает мне на него глазами и тихо шепчет: «Бельгийский принц Филипп… проходит стажировку в военной академии». Сама Анна тут, как рыба в воде, а вот я чувствую себя немного не в своей тарелке. Официанты приносят нам блюда, названия которых я даже не представляю, и из чего это приготовлено, могу только догадываться. Хотя устрицы, выложенные на колотом льду не узнать невозможно. Анна с интересом смотрит на меня, когда я уверенно берусь за устричную вилочку, но вот как раз устрицы для меня не проблема — их я в своей прошлой жизни съел немало…

В общем, этот ужин не доставляет мне особого удовольствия, а сложная сервировка стола просто раздражает. И я вынужден постоянно контролировать себя, чтобы не дай бог не попасть впросак, и не опозорить Анну. Только сейчас я начинаю понимать, насколько в разных мирах мы с ней живем, и насколько все проще станет в 2000-х. Как оказывается, стерлись классовые различия за прошедшие сорок лет, как изменились порядки и сама публика в дорогих ресторанах. В мое время здесь никому не было бы до нас дела, а сейчас я постоянно чувствую на себе пристальные взгляды и обостренным слухом улавливаю, как нас с Анной обсуждают. Итальянка чувствует мое нарастающее раздражение и уже, кажется, сама жалеет о своем выборе. Да, к черту этот пафосный гадюжник…! Я подношу к губам фужер с минеральной водой и тихо шепчу ей

— Все! Не могу больше… Пойдем отсюда, или я сейчас взорвусь и кого-нибудь убью!

Она понимающе улыбается и шепчет в ответ

— Минут десять еще вытерпишь…? Я хоть свой любимый десерт доем!

— Десять вытерплю. А потом начну убивать! И начну вон с той мерзкой тетки, которая не спускает с нас глаз…

— Боже, Виктор…! Это же Грейс Мирабелла — главный редактор журнала «Vogue»! За ее внимание люди душу готовы продать, а ты ее убить хочешь!

Все! Тут я уже не выдерживаю и начинаю тихо ржать…

Господи…! На что же я дурак подписался…? Принцы, миллионеры, редакторы модных журналов… На черта я вообще настоял на проживании в Савойе, выпендрежник хренов?! Вот не жилось мне спокойно…! Пока я пытаюсь соблюсти приличия и не заржать в полный голос, Анна с королевским достоинством расправляется с «Поцелуем девственницы» — этот фирменный десерт представляет собой меренгу с мороженым, украшенную засахаренными лепестками белой розы и фиалки. Гламурно… ничего не скажешь. А дальше сплошное дежавю… Денег с нас не берут, Сильвино Тромпетто просит передать, что этот ужин — его подарок несравненной сеньорите Анне и ее отцу. Мы в ответ просим передать нашу горячую благодарность maitre-шефу Савойя и покидаем, наконец, этот рассадник аристократии и пафоса.

Ну, а дальше мы возвращаемся в номер Анны, чтобы продолжить наш интересный вечер, и вскоре я тоже получаю свой заслуженный «десерт». Шелковое постельное белье, которым застлана огромная кровать, приятно холодит наши разгоряченные тела…

* * *

Утро субботы начинается для меня с шума проливного дождя за окном, а за завтраком я еще и узнаю, что вчера в мое отсутствие наши планы снова пытались поменять и отправить Завадского с Лехой автобусом. Кураторы нагло творят за спиной, что хотят, не считаясь с моим мнением. Хорошо, что Леха уперся и отказался без моего согласия что-либо переигрывать. Из-за этих новостей, а может и из-за плохой погоды настроение теперь отвратительное… Татьяна Геннадьевна, которую вместе со Львовой и одним из охранников мы оставляем в Лондоне, бесцеремонно пытается напроситься с нами в самолет, туманно намекая, что она могла бы тоже чем-то помочь в Манчестере. У меня даже нет желания язвить на этот счет, и я только одариваю ее долгим мрачным взглядом, под которым она ежится и вовремя замолкает… Похоже, Вера с мамой окончательно решили взять меня измором, и достать не мытьём, так катанием… Р-р-р… как я зол…!

Анну мы встречаем в холле в окружении ее охраны, и вскоре наша кавалькада из трех машин отправляется в аэропорт. Вопреки моим ожиданиям, мы едем вовсе не в Хитроу. Самолет Кальви «припаркован» в небольшом коммерческом аэропорту Биггин Хилл на юго-востоке Лондона, и для начала мы

пересекаем Темзу по мосту Ватерлоо. По дороге Анна рассказывает мне, что когда-то в Биггин Хилле базировались Королевские ВВС, но сейчас там остался только учебный центр, а вся инфраструктура передана в руки частного владельца. Регулярные рейсы оттуда не летают, так что для бизнес-авиации и частых самолетов полное раздолье — никакой суеты и толчеи. Пока мы едем в Биггин Хилл, на небе распогодилось и даже появилось солнце, а вместе с ним понемногу улучшается и мое настроение. По радио с утра пораньше снова крутят наши песни, причем по заказу слушателей. Мы уже даже и не удивляемся этому, воспринимаем, как должное. Добравшись до аэропорта, наши машины заезжают прямо на взлетную полосу и подруливают к сверкающей на солнце новейший Falcon 50. Но долго рассматривать этого красавца нам не дают, Анна поторапливает и мы поднимаемся по откидному трапу внутрь самолета.

Для меня Falcon не новость, в своей «прошлой» жизни я не раз летал на таких «машинках», а вот мои товарищи застывают в немом восхищении. И честно говоря, есть от чего. Салон этого джета рассчитан человек на 12–15, но здесь всего десять широких удобных кресел, и от того он кажется особенно просторным и светлым. Кресла обтянуты кожей цвета слоновой кости, между ними складные столики с отделкой ценными породами дерева, хвостовая часть салона скрыта от глаз пассажиров перегородкой. Здесь так же комфортно, как в самом роскошном лимузине. Да этот Falcon по сути своей и есть дорогой лимузин, только…с крыльями. Мы рассаживаемся по креслам, и почти сразу же наш самолет выруливает на взлет — никаких тебе очередей, никаких задержек.

— Вить — ко мне наклоняется взлохмаченный Коля Завадский — А нам не прилетит за такую роскошь?

Надо сказать, последнее время в облике музыканта произошли серьезные изменения. Коля стал более стильно одеваться, пользоваться дорогим мужским парфюмом. Парень отрастил волосы и собирает их в элегантный хвостик. Впрочем, сегодня Завадский выглядит не выспавшимся. Видимо, сказывается очередной трудовой «запой».

— Уже прилетело, Коля — я тяжело вздыхаю — Судьба наша такая — пробивать лбом преграды

— Так уж и лбом — улыбается музыкант

— Самому надоело — я смотрю в иллюминатор, но красот Англии не вижу — Ты пойми. Мы первая в истории страны группа, поющая популярные песни, которая сумела пробиться на Запад. Очень многим Красные звезды — поперек горла. Так и

ждут, когда мы оступимся, чтобы вцепиться. Чем дальше — тем меньше будет помощи и больше подножек.

— Да ладно тебе киснуть — Завадский сжимает мое плечо — Романов на нашей стороне, Щелоков… Вон отец Альдоны в гору пошел. А это КГБ!

Мнда… Какие же ребята все-таки наивные. Комитет, точно также как партия, подвержен разложению. Может быть даже еще более быстрому. Перемены в руководстве, чистки, конечно, замедлят этот процесс, но не остановят. А Веверс так вообще «вещь в себе». Угрохал Громыко и не поморщился. Не человек, а робот. Узнать бы еще кто этому роботу команды отдает.

* * *

6 апреля 1979 года, пятница, 12.00.
Москва, центральное здание ЦК КПСС

— Я ка-атегорически против подобной операции! — Веверс вскочил на ноги и стал мерять шагами кабинет Пельше на Старой Площади. За окном светило закатное солнце, на карнизе снаружи сидели ворковали два белых голубя. Большие напольные часы пробили полдень.

— Цвигун отдает приказы нелегалам через мою голову — латыш остановился у стола, за которым сидел Арвид Янович и уперся в столешницу руками — Это не только подрывает мой авторитет в ПГУ, но и ставит под угрозу нашу сеть в Англии

— Я видел вчерашнюю копию твоей записки в Политбюро — Пельше достал из папки бумагу и углубился в чтение — Католическое распятие, значит? С пассивным жучком… Хм… Готовили для прослушки Иоанна Павла II?

— Еще при Андропове ра-азрабатывали операцию — генерал сел на стул и на налил себе воды из графина — Цвигун курировал. Что-то там не срослось, распятие лежало в хранилище. И вдруг я узнаю, что наш нелегал вручает его Селезневу…

— Советскому школьнику! — подняв палец произносит глава партийного контроля — Ты кстати, знаешь, что во время Войны в Красной армии служило три с половиной тысячи фронтовиков младше 16 лет? Мне тут к годовщине Победы прислали материалы…

— Подготовка к Бессмертному полку? — оживился Веверс

— Точно. Вот, посмотри — Пельше достал еще одну папку, передал ее генералу — 15-ти летний Володя Тарновский первым форсировал Днепр, награжден Орденом Славы 3 степени за

действия по спасению раненого комдива во время боев, несколько медалей за отвагу. Сейчас возглавляет Рижский судоремонтный завод

— Помню эту знаменитую фотографию, как он расписывается на Рейхстаге — Веверс постучал пальцем по фотокарточке

— Или вот Аркадий Каманин. Самый юный летчик Великой Отечественной войны. 14 лет. Награжден Орденом Красной Звезды за спасение однополчанан. Вывез на своем У-2 с нейтралки раненых пилотов ИЛ-2

— Так надо позвать их на парад в Москву!

— Обязательно позовем. Каманин, к сожалению, умер. А вот остальные… И поставим в один строй с Селезневым. Он сейчас тоже на фронте…

Пельше тяжело вздыхает, выдавливает из флакончика таблетку, кладет под язык.

— Сердце уже не то… Ты Имант пойми. Цвигун не под тебя копает. Нелегалом больше, нелегалом меньше… Председатель в Романова метит. Могут итальянцы найти жучок?

— Легко. Просветят рентгеном и….

— Вот! Скандал на весь мир. Первый внешнеполитический успех Романова за рубежом идет псу под хвост. Столько контрактов подписали — два завода купили, оборудование для пищевых цехов…

— Заодно и группа Красные звезды дискредитирована — кивнул сам себе Веверс — А если жучок не найдут — все-таки предмет культа, а Кальви религиозен — и пойдет информация…

— Цвигун весь в белом — Пельше запил таблетку водой — Такая операция удалась. Не хуже, чем с американским послом.

— И что же нам делать?

— Узнать, кто стоит за Цвигуном. Суслов? Черненко? Такие многоходовочки в одиночку не делаются.

— Хорошо, я прора-аботаю этот вопрос. Что делаем с Селезневым и распятием?

— Все отменить и срочно — Пельше пожал плечами — Романова я предупрежу — он позвонит Цвигуну. Теперь давай по казахам и Кунаеву. Аресты уже начались?

* * *

Полет в Манчестер занимает не больше часа. Мы даже не успеваем толком приобщиться к «дольче вите» и почувствовать себя белыми людьми. Только расслабились, выпили по бокалу шампанского, а тут уже и город на горизонте. Не полет, а просто

короткая приятная прогулка в небе…

В аэропорту нас встречают. Стоит нам приземлиться, как к самолету подают несколько машин. Все слажено, организовано, без лишней суеты. Сам город особого впечатления не производит, Манчестер — промышленный центр, и этим все сказано. Никаких тебе дворцов, фонтанов и прочих архитектурных изысков. Несколько старых соборов и зданий, чудом уцелевших во время бомбардировок 40-го года, и на этом, пожалуй, все. Зато дороги здесь широкие и прямые. С утра в Манчестере тоже прошел сильный дождь, но сейчас уже вовсю светит солнце, и от дождя остались только лужи на дорогах. Наш шофер шутит, что мы привезли с собой из Лондона хорошую погоду. Погода для англичан — это просто неиссякаемая тема для разговоров, о ней спокойно можно заговорить даже с совершенно незнакомыми людьми, и никто вас за это не осудит.

…Концертный зал «O2 Apollo Manchester» находится на улице Stockport Road, и это не самый центр города, до него мы так и не доезжаем. Рядом расположены промышленные предприятия, невдалеке виден какой-то парк. Сам «02 Apollo» представляет собой внушительное здание в стиле арт-деко, его фасад покрыт белой плиткой, отсвечивающей на ярком солнце перламутром. До 70-х годов здесь располагался огромный кинотеатр, а затем, когда популярность кинотеатров снизилась, начали проводить различные концерты и крупные мероприятия. Несмотря на то, что здание 1938 года постройки, внутри оно не выглядит обветшалым, и единственный его недостаток — это маленькое фойе, где нас уже ожидает группа хорошо знакомых нам лиц. Чиновники из кабинета Каллагена просто лучатся гостеприимством и жизнерадостностью, а вот Марков, посольские и Сергей Сергеевич почему-то выглядят мрачно и озабочено. Не успеваем мы расшаркаться с англичанами, как комитетчик уже хватает меня за рукав и тащит в сторону, давая понять, что наш разговор не предназначен для чужих ушей

— У меня плохие новости из Москвы…

От его слов у меня становится нехорошо на душе, но паниковать рано, сначала нужно дослушать до конца

— Нам придется отправить Ладу домой.

Я ожидал чего угодно, но такого… Ошарашено смотрю на него

— ЧТО??

— Вчера в рамках по делу о коррупции в правительстве Казахской ССР, в Алма-Ате задержан ее отец.

— И…что? Что с того?! Вы считаете, Лада может дать важные свидетельские показания по этому делу?

— Конечно, нет! Что может знать сопливая девчонка о делах своего отца? — Сергей Сергеевич презрительно морщится — Разве в этом дело.

— А…в чем тогда?

— В том, что теперь от этой девушки можно ожидать любых отчаянных поступков.

— Например? Вы, что подозреваете ее в том, что она может попросить политического убежища в Англии?

— И такое тоже нельзя исключать.

— Да бросьте! Ладе всего восемнадцать лет, все ее родственники на Родине, с чего бы ей вдруг становиться невозвращенкой? Кому она будет здесь нужна?!

— Виктор, не будь наивным! Девчонка будет в отчаянье, когда узнает об аресте отца, и может наделать глупостей, а англичане рады любой возможности насолить СССР. И если эта новость дойдет до Лондона, они обязательно воспользуются таким шансом, можешь не сомневаться в этом!

— Ну, так усильте ее охрану! Давайте ограничим ее передвижение по Лондону и контакты, больше никаких прогулок по городу и магазинов. Отель — студия, студия — отель.

Сергей Сергеевич смотрит на меня, как на идиота и начинает тихо закипать.

— Мы не будем так рисковать. И я получил однозначные указания из Москвы — она больше не может представлять нашу страну за рубежом.

— Вы ее еще из комсомола исключите! Какое право вы имеете ломать девчонке судьбу?! А если завтра окажется, что ее отец ни в чем не виноват, и с арестом поторопились, что тогда — просто извинитесь перед ней?

— Надо будет, и извинимся! Это не тебе решать!

— Нет, мне! Никуда она не поедет. У нас контракт с американцами на запись диска и с англичанами на гастроли, и по этому контракту нам придется выплатить огромную неустойку за самовольную смену состава группы во время гастролей. Вот вернемся в Москву, и тогда будем решать вопрос с Ладой, а пока все остается без изменений.

— Не смей командовать! Молод еще!

— А вы пожалуйтесь на меня Щелокову. А еще лучше прямо Романову. Пока я не получу от них прямых указаний, говорить нам с вами больше не о чем!

Я скидываю его руку со своего рукава, и, не оглядываясь, возвращаюсь обратно. Заплаканная Лада уже все знает и стоит в окружении группы. Наши девчонки ее успокаивают, но похоже бестолку. Вижу растерянного Клаймича, удивленные взгляды

англичан. Черт, как же некстати! Теперь уже я беру Ладу за руку и отвожу в небольшой коридорчик. Снаружи встает Леха.

— Слушай меня внимательно — я беру Ладу за подбородок, смотрю в заплаканные глаза — Я постараюсь вытащить твоего отца. Также как вытащил Клаймича. Как только прилетим, сразу пойду к Романову. Ты мне веришь?

Девушка кивает. После чего не выдерживает и начинает реветь. Обнимает меня, утыкаясь в плечо. Я терпеливо жду, прижав ее к себе. Проходит минут пять, Лада успокаивается, достает платок и пудреницу.

— Я нормально, спасибо тебе — девушка быстро приводит себя в порядок — Концерт не сорву

— Молодец — быстро целую ее в щеку. Красавица смущенно улыбается.

— Сергей Сергеич сообщил тебе об отце?

— Марков. Думала, сейчас схватит и повезет обратно в аэропорт.

— Не повезут — я скрипнул зубами — Возилка не выросла.

Мы возвращаемся в фойе. Внутри у меня все клокочет от злости, но срываться и позориться перед англичанами нельзя. Поэтому все, что я сейчас могу, это только тихо попросить Андрея Иннокентьевича — он мне показался наиболее вменяемым в их тандеме — унять служебное рвение комитетчика и дать нам сегодня спокойно выступить, оставив все разборки хотя бы до Лондона. После чего мы с Клаймичем проводим установочную беседу с группой. «Наши покровители нас не бросят, а мы не оставим Ладу в беде. Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

После накачки, англичане показывают нам зрительный зал, где группе предстоит выступать. И он мне очень нравится. Оригинальная планировка, приятная атмосфера, его даже красят благородная старомодность и налет времени. Несмотря на то, что зал довольно большой, происходящее на сцене хорошо видно с любого места. В партере сегодня кресла убраны, там все уже подготовлено — во время нашего концерта его используют, как танцпол. Для Анны и Майкла Гора места зарезервированы в самой дорогой зоне — на просторных балконах второго этажа, и я долго уговариваю Анну не отсвечивать за кулисами — ни к чему это… Мы с ней встретимся после концерта, а сейчас нам пора идти работать…

На сцене наши ребята заняты настройкой инструментов и звуковой аппаратуры, они под руководством Кирилла и Гора проверяют качество звука перед началом мероприятия. И вскоре я понимаю, что в зале еще и великолепная акустика, а это — самое

главное для любой концертной площадки. Мы со «звездочками» с ходу включаемся в работу. Обсуждаем со звукорежиссером технические детали, решаем, где будут находиться участники группы во время выступления, и как нам лучше расставить микрофоны. Сейчас звукорежиссер здесь царь и бог — он подчиняется только продюсеру. Кирилл уверенно командует, на каком расстоянии от микрофонов должны находиться солисты, гитары или барабанная установка, следит, чтобы не было искажения звука. Мне и музыкантам остается только выполнять его распоряжения и согласовывать некоторые принципиальные аспекты той или иной песни.

Выступление советской группы на сцене, украшенной лозунгами и плакатами на английском языке отдает каким-то… сюром, хоть лозунги эти вполне себе социалистические. Лейбористов можно понять — все наши песни на английском языке, и они довольно нейтральны по содержанию — про мир и про любофф, но вот наши-то умники о чем думали? Дни лейбористов у власти сочтены, и надо быть глупцами, чтобы не понимать этого и выступать на стороне аутсайдера. Или для всех это еще не так очевидно? Или я один такой «умный», потому что начитался в айфоне о нынешней политической обстановке в Британии? Неужели никто в лейбористской партии не понимает, что методами, предложенными Каллагеном, не одолеть экономический кризис, которому не видно ни конца, ни края? И что профсоюзам пора вести себя потише, а не ставить свою страну на дыбы? Даже железная тетка Тэтчер с кризисом справилась с баальшим трудом. И в принципе, если бы не ее ярый антикоммунизм и просто какая-то патологическая ненависть к нашей стране, которую она объявила главной угрозой англосаксонскому миру, можно было бы просто не лезть в эти «авгиевы конюшни». Но ведь этой железной суке не сидится ровно на ее тощей заднице, ей же нужно еще и возглавить «крестовый поход» против СССР! Вот и пришлось мне вмешаться в ситуацию, приложить все силы, чтобы госпожа Тэтчер вскоре закончила свою политическую карьеру. И наш концерт на митинге лейбористов — это всего лишь цветочки. А впереди еще будут ягодки. Ага… ядовитые такие — абверовские…!

* * *

Закончив с саундчеком, мы собираемся в большой гримерке. Скучаем, вяло переговариваемся о каких-то пустяках, Светка начинает гримировать звездочек и заниматься их прическами. Я

выглядываю в окно. Начинает темнеть, на площади перед O2 Apollo зажглись фонари. Перед центральным входом толпятся сотни людей. Никаких рамок металлодетекторов еще нет и не будет лет двадцать, зато рядом со зданием концертного зала открыты несколько торговых точек, которые спокойно торгуют сувенирами и чем-то горячительным. Затем на площади прибавляется сотрудников полиции, и английские бобби, в высоких круглых касках, начинают ненавязчиво досматривать участников. Еще бы — на митинге выступит сам премьер-министр Леонард Джеймс Каллаген, будут присутствовать многие видные члены лейбористкой партии и лидеры профсоюзов. А террористы из ИРА — это не какая-то мифическая угроза, это вполне реальный факт из нынешней жизни Великобритании. Перед дверями гримерки помимо нашей собственной охраны тоже появляется пара бравых англичан в форме. Это точно не полицейские, но их принадлежность к какому-либо роду войск сам я затрудняюсь определить. Подозреваю, они из подразделения по борьбе с террором.

Начинается митинг, из зала до нас периодически доносятся бурные аплодисменты, короткие обрывки какой-то торжественной мелодии и одобрительный рев публики. А через пару часов официальная часть митинга заканчивается и начинается развлекательная часть мероприятия. На разогреве у нас выступает местная молодежная группа «Joy Division». Название мне совершенно ни о чем не говорит, но они здесь вроде как местные знаменитости, и это своеобразный реверанс в сторону публики, среди которой много университетской молодежи. Играют они что-то такое альтернативное, но не панк-рок точно. На мой придирчивый взгляд, все их песни меланхоличны и довольно однотипны, но судя по выкрикам — народ в зале они потихоньку заводят и настраивают на предстоящий концерт. Пора уже и нам собираться… Сначала выставив нас вон, переодеваются «звездочки», потом наступает очередь парней. Клаймич пытается рассказывать какие-то забавные эстрадные истории, но это плохо помогает отвлечься. Меня начинает бить легкий мандраж… Интересно, где носит наших кураторов? Неужели они в зале готовятся слушать речь премьера Каллагена?

Только я задумался о британском премьер-министре, как вот он — собственный персоной. В гримерку заходит представительный пожилой мужчина в черном костюме, в сопровождении целой свиты. Взгляд у Каллагена острый и внимательный, но увидев нас со звездочками, круглое лицо в очках озаряется приятной улыбкой. В народе у премьера несколько кличек — «Солнечный Джим», «Джентльмен Джим»,

«Большой Джим», и они все точно отражают характер и внешний вид Каллагена. Он очень высокого роста, у него отличные манеры и по-настоящему обаятелен и харизматичен. Кстати, Каллаген единственный политик в истории Великобритании, занимавший все четыре Великие Должности: был премьер-министром, канцлером казначейства, министром внутренних и иностранных дел. Неординарная личность. Нас представляют, и мы жмем друг другу руки.

— Называйте меня просто Джеймс — премьер усаживается прямо передо мной и ему секретари тут же подают какой-то документ. Судя по всему на листе бумаге написана небольшая речь

— Тогда я просто Виктор — пожимаю плечами, подвигаю в сторону мужчины пустую чашку — Может быть чаю?

— О, это было бы замечательно — вздыхает премьер — Но охрана запрещает мне употреблять непроверенные напитки и пищу. Лучше обсудим наше выступление. Поступим так. Выйдем все вместе на сцену, я скажу небольшую речь. Пожмем руки. После чего манчестерцы — ваши. Когда, кстати, у нас по плану Бирмингем?

— 14 апреля — между секретарей протискивается Марков — Все в соответствии с нашими договоренностями.

— Да, да, я все помню — рассеяно произносит Каллаген, просматривая речь

Эх, кинут нас британцы — к бабке не ходи. Нация такая. Не знаю, что у них там за договоренности за моей спиной, но «англичанка — гадит». Так всегда было и будет.

Спустя полчаса нас приглашают «на выход», и мы все вместе отправляемся на сцену. Зал набит битком, люди даже стоят между рядами, в нем полно молодежи, и нас встречают радостными криками. На мне знаменитый пиджак, расшитый жар-птицами, на звездочках длинные разноцветные платья в пол. Их открытые плечи притягивают взгляды окружающих мужчин. Я вижу несколько видеокамер — Гор предупредил, что нас будут снимать телевизионщики. Не знаю, чего ожидают англичане, наверное, маек с Лениным и коммунистической пропаганды прямо с первого слова, но я сначала просто кричу:

— Привет Манчестер!

Возбужденный народ отзывается ответными воплями. Теперь надо слегка остудить. Произношу краткую приветственную речь от лица всей советской молодежи и в частности от ленинградцев. Мой родной город — побратим Манчестера, и здесь к жителям Ленинграда особое отношение. Речь публика принимает весьма благосклонно. Передаю слово Каллагену.

Премьер повторяет мои приветствия городу и тут же задвигает о предстоящих выборах. Мол вся Британия ждет молодежь на избирательных участках. Именно за ними будущее страны и все в таком же духе. Слава богу, Каллаген выступает коротко и емко. Хоть он и хороший оратор, в зале начинают свистеть от нетерпения, намекая ему, что пора и честь знать. Народ хочет песен. И танцев. Политик быстро закругляется, жмет мне руку, целуется со «звездочкам» и, получив свою порцию аплодисментов, покидает сцену.

Я выхожу к микрофону, Коля Завадский берет на гитаре первые аккорды «Почтальона» — и вот тогда весь зал взрывается одобрительными криками и настоящими овациями. Нам тут же начинают подпевать, благо слова очень простые:

Ten o'clock postman
Bring me your letter
Ten o'clock postman
Make me feel better

Девчонки держатся отлично, легко передвигаются по сцене, приветливо улыбаются, машут публике рукой. По Ладе так вообще не скажешь, что час назад она плакала навзрыд. А вот ребята-музыканты напряжены. Но потом, видя, как хорошо нас принимают, они тоже постепенно оттаивают и дальше уже все идет как по маслу — мы исполняем песню за песней, песню за песней… В партере молодежь бросается в пляс, а я окончательно расслабившись, чувствую себя как на сельской дискотеке. Ага, «бринг ми холеру».

Первое отделение мы отыграли на одном дыхании, идем в гримерку, чтобы немного передохнуть и переодеться. Гор с Клаймичем делают нам пару мелких замечаний — не подходить близко к краю сцены, не перекрывать друг друга перед камерами… Мы дружно обещаем учесть их во втором отделении. В комнату врывается довольный Марков, рот до ушей, глаза сияют — Каллаген в восторге от нашего выступления, желает лично поблагодарить. Он просит нас задержаться после концерта и приглашает в полном составе на фуршет для VIP-персон, который состоится после его окончания. Наше согласие даже никто не спрашивает — Марков мысленно уже на этом фуршете раздает свои визитки членам британского правительства. Я просто киваю и начинаю стягивать пиджак. Мы допиваем чай, Светлана быстро поправляет наши прически, и мы снова отправляемся на сцену…

…Только добравшись поздно вечером до самолета и упав в

его мягкое удобное кресло, я наконец понимаю, насколько устал физически и вымотался морально за этот долгий день, который, я смотрю на часы, уже завершился. Но эта усталость не может затмить радости от нашего успешного выступления, Пожалуй, это самый тяжелый концерт из всех, что у нас были до этого. Два часа близкого контакта с публикой — это ни разу не «генеральная репетиция Уэмбли»…! Это самый настоящий полноценный сольный концерт безо всяких поблажек, и мы на сцене честно выложились на все 100 %. А теперь вот растеклись амебами по креслам, словно из нас вынули все кости. Бедная Лада — так вообще сразу же провалилась в сон, как только ее голова устало коснулась подголовника. Только Анна по инерции продолжает восторгаться и самим концертом, и горячим приемом манчестерской публики. Первый экзамен сдан, надеюсь, что дальше станет легче…

Я очень благодарен Анне за то, что на фуршете для VIP-персон она смогла оттянуть большую часть внимания на себя. У меня лично сил после концерта хватало лишь на то, чтобы улыбаться и кивать головой, отвечая на чужие восторги. Только Вера почему-то недовольно хмурилась, наблюдая, как англичане водят хороводы вокруг дочери итальянского премьера. Видимо считала, что Анна привлекает внимание из какого-то женского тщеславия. Но я-то был уверен — итальянка делает это для нас, давая время прийти нам в себя после концерта…

Вместо Коли Завадского и Лехи с нами сейчас летят Гор и Клаймич. Все остальные заночуют в Манчестере и вернутся автобусом в Лондон ближе к обеду. Так что от Биггин Хилла до отеля нас будут охранять бодигарды Анны. Что естественно вызвало мрачное покачивание головой «мамонта» и волну жуткого недовольства у Сергея Сергеевича. Ну, да… Вдруг мы со звездочками и Григорием Давыдовичем коварно рванем в Италию вместе с Анной?!

8 апреля 1979 года, воскресенье, 10.15
Лондон, отель Савой

Воскресным утром я пытаюсь отоспаться за все прошедшие дни. И, наверное, я бы так и проспал до обеда, но меня будит звонок Анны. Итальянка приглашает меня на поздний завтрак к себе в номер. Подкрепиться мне не точно мешает, я не ел со вчерашнего обеда — вот как-то не лезла в меня еда на ВИПовском фуршете после всех пережитых волнений. Я только отпаивался там теплым чаем, спасая свое бедное саднящее горло. Поэтому я искренне благодарю Анну за ее заботу, и для начала отравляюсь в душ. В зеркале отражается осунувшееся лицо — да уж… дорого

мне далось вчерашнее выступление. Я даже не ожидал, что мы так выложимся. Ну, да ладно, до Уэмбли время еще есть — восстановлюсь, надо только голосовые связки поберечь. Быстро привожу себя в порядок, оставляю записку Лехе, где меня искать, и иду завтракать к Анне.

Там меня ждет очередной сюрприз. Анна отправила кого-то из бодигардов в холл за свежей прессой, и сейчас на столе лежит ворох воскресных газет со статьями про наше вчерашнее выступление в Манчестере. Анна уже все их пересмотрела и отложила для меня самое интересное. Но моя попытка схватить газету решительно пресекается.

— Нет! Сначала мы будем спасать твое горло. Я проконсультировалась с Силивино, и он приготовил кое-что специально для тебя.

На сервировочном столике стоит высокий фужер с чем-то подозрительно напоминающим гоголь-моголь, и стеклянный заварной чайник, накрытый специальным стеганым чехлом, оттуда исходит тонкий аромат шалфея.

— Откуда у Сильвино такие глубокие познания в восстановлении голоса?

— А ты хоть представляешь, сколько оперных знаменитостей перебывало в Савойе за время его работы?! И у каждого был свой метод спасения голосовых связок. К тому же есть еще и рассказы прежних шеф-поваров. Например, ходит легенда, что ваш Федор Шаляпин лечился смесью коньяка, лимонного сока, яйца и мёда, взятых в равных количествах. Но Сильвино коньяк не советовал, он сказал, что твои связки сейчас похожи на струны расстроенной скрипки, и чтобы привести их в тонус, тебе нужно сначала полоскать горло травяным отваром, а потом выпить его фирменный коктейль. И только после этого приступать к еде.

Я пытаюсь ей возразить, но мой рот решительно закрывают нежным поцелуем — Не спорь. И меньше говори сегодня, твой голос сейчас нуждается в отдыхе. А газеты я тебе сама почитаю.

Нет, итальянцы это что-то…! Надо же такое сказать: «твои связки похожи на струны расстроенной скрипки». Но противиться таким аргументам невозможно, и я послушно выполняю все предписания. В высоком фужере действительно оказывается гоголь-моголь. Я чувствую привкус меда и апельсинового сока. Анна намазывает для меня кусочек хлеба сливочным маслом, наливает в чашку куриный бульон, подвигает поближе тарелку с нежным суфле из мяса птицы. Пока завтракаю, девушка зачитывает для меня обзор британской воскресной прессы. Скорость, с которой в английских газетах печатают новости — поражает. Хотя понятно — быстрая реакция это залог успешной

конкуренции, и все спешат опередить друг друга, а интернет сейчас заменяет телетайп. Анна шутит над моей неосведомленностью и говорит, что воскресные выпуски газет продаются даже лучше ежедневных, поэтому крупные ежедневные газеты издают отдельный толстый выпуск именно в воскресенье, и у некоторых из них есть даже свое отдельное название с приставкой «Sunday». Газет со статьями о нас могло бы быть и гораздо больше, но консервативные газеты, такие как «The Daily Telegraph» и «The Daily Mail» скорее напишут о королевской семье и тори, чем о митинге лейбористов и советской группе. А «The Sunday Times» для начала сто раз проверит всю информацию — они печатают только достоверные новости и очень дорожат своей репутацией.

«The Sunday Mirror» и «The Observer» — воскресные выпуски серьезных газет, поддерживающих лейбористов, напечатали большие статьи о прошедшем митинге, в которых Красным Звездам уделено особое внимание. Нас там хвалят, сдержанно восторгаются песнями, называют первой советской группой мирового уровня. А вот таблоиды «The Daily Express» и «The Sun» такой сдержанностью не отличаются — они посветили нам отдельные статьи с фотографиями. «Sun» вообще напечатало большое фото с концерта на первую страницу, сопроводив ее очень красноречивой подписью «Русские идут!». Это ключевая фраза, бывшая в 50-е страшилкой для западного обывателя, красной нитью походит через всю огромную статью, в которой от души намешана откровенная ложь о нас пополам с правдой. Все те же слухи о моем родстве с Романовым, о страшном КГБ, которое двигает группу на Запад… Анна с большим энтузиазмом зачитывает мне оттуда некоторые перлы, и мы с ней от души смеемся над буйной фантазией автора. Остается только догадываться, откуда у автора взялась такая фантастическая информация. Конечно, чего-то подобного я ожидал, но реальность превзошла все мои ожидания — такого вымысла о себе я не читал даже в Америке…

Наш завтрак со стороны выглядит почти семейным, и я ловлю себя на странной мысли, что, наверное, хотел бы почаще встречать так новый день. С Анной мне комфортно, и ее забота приятна — мы с ней словно на одной волне… Но нашу идиллию прерывает звонок Гора. Надо же, и тут он меня нашел! Майкл радостно ставит меня в известность, что сегодня вечером у меня участие в известном ток шоу на BBC. Угу… бедное мое горло!

Итальянка обещает, что не бросит меня в беде. Вечером, по возвращению в отель меня будет ждать тёплое молоко с медом и сливочным маслом, а так же ингаляция с отваром эвкалипта.

Оказывается, и у Роберто Кальви были проблемы со связками после бесчисленных митингов во время предвыборной компании. Целую моего доброго ангела и, прихватив газеты, прощаюсь с ней до вечера. Дела не ждут, до вечернего ток шоу мне еще нужно побывать в нашем посольстве. Заодно и газетами кое-кому в нос ткну…

Захожу переодеться в номер и застаю неожиданную картину: обозленная Вера терзает только что вернувшегося Леху, требуя от него сказать, куда это я отправился. «Мамонт» держит оборону, и молчит как партизан, хотя мою записку он явно прочел. Увидев меня в дверях с пачкой газет, Вера бросает Леху и переключается на меня

— Витя, где тебя носит? Мы тебя обыскались!

— Кто «мы»? И зачем «обыскались»?

— Ну… я, Альдона, мама… Мы хотели узнать, когда ты поедешь в посольство. Надо же спасать Ладу!

Судя по ее неуверенности, вопросы я задал правильные. А раз Альдоны и Лады тут нет, то настоящей причины объявления меня в международный розыск я так от нее и не услышу. Похоже, просто кто-то собрался спасать меня «из лап итальянской хищницы», как за глаза называет Анну Верина мать. И я даже догадываюсь, кто именно с утра накрутил девушку. Устраивать разборки при «мамонте» я не собираюсь, а уж тем более давать кому-то отчет о том, где я был. Покупал газеты. Завтракал. И на этом все. А теперь уезжаю в посольство. С Лехой. От моего сдержанного тона у Заи начинают дрожать губы и она уже готова заплакать, но сегодня на меня это не действует. Из-за своей глупой ревности она выставила себя перед Лехой дурочкой, а заодно и меня разозлила. Мамонт от греха подальше сбегает в душ, Вера же уходит, громко хлопнув дверью.

* * *

В посольстве нас, конечно, никто не ждет. Охранник на воротах придирчиво проверяет документы, после чего все-таки пропускает на территорию посольства. И вскоре я жму в дверной звонок. Долго жму. Леха стучит кулаком в дверь. Наконец, наружу выглядывает какой-то воскресный клерк.

— Вот ду ю вонт? — нас не узнают и приходится поднять на уровень груди английский газету с моей фотографией

— А… Селезнев. Красные Звезды — молодой дипломат переходит на русский и наконец, начинает соображать — Вы к кому?

— К послу

— Так никого нет, воскресенье же — парень пожимает плечами и начинает потихоньку закрывать дверь — Приходите завтра.

Я ногой не даю ему закрыть дверь.

— Открывай и вызывай посла. Мне надо срочно позвонить в Союз

— Перестаньте хулиганить! — клерк пытается вытолкнуть меня, Леха резко дергает дверь на себя

— Звони послу или начинай собирать вещи! В МГИМО как раз не хватает преподавателей английского

Ради Лады я не просто клерка, я самого посла на британский флаг порву.

Мы входим внутрь, побледневший парень жмет тревожную кнопку. На первый этаж по большой лестнице сбегают два охранника. Они то как раз нас сразу узнают. Я не удивлен. Посольство стерегут «бурильщики», а они по должности обязаны все знать.

— Николай, что случилось? — высокий подтянутый мужчина с интересом рассматривает меня, засовывая пистолет в кобуру подмышкой

— Да вот… рвутся в посольство. Хотят посла

— Селезнев? — охранник протягивает мне ладонь для рукопожатия — Есть на ваш счет инструкции. Николай, пропусти. Я сам позвоню товарищу Лунькову.

Нас отводят в одну из комнат на втором этаже, наливают чаю. Сидим, ждем у моря погоды. Пока ждем, зачитываю Лехе самые смешные пассажи из воскресных газет. «Мамонт» неделикатно ржет. Опять вспоминает анекдот про «Слава богу, мы Романовы».

— Вить, а у тебя с Анной все серьезно? — Леха отставляет в сторону чашку с чаем, начинает оттирать салфеткой руки от газетной краски

— Серьезнее некуда — вздыхаю я — Обручиться хотим

— Да ты что! — «мамонт» от избытка чувств хлопает ладонью по столу, после чего глазами показывает мне на потолок, намекая на прослушку

— «Они» все знают — я пожимаю плечами — И уже даже одобрили.

— А как же… — тут Леха осекается, но я хорошо его понимаю с полуслова. Как же Вера? И Альдона. Действительно, как? Ситуация меня мучит все больше и больше. Собрал вокруг себя гарем, но я то ни разу не падишах. Советское общество, что бы ни говорили про построение развитого социализма — по своей сути

патриархально. Многочисленные связи с женщинами в нем не приветствуются. Парткомы регулярно ломают карьеры людей за «аморалку». Мне пока многое сходит с рук, но вечно это не продлится. Той же Татьяне Геннадиевне достаточно подождать меньше года до моего 16-ти летия, после чего поднять шум насчет своей дочери. Соблазнил, бросил… А бросил ли я Веру? Пожалуй, нет. «Зая» все еще меня привлекает. Просто на фоне Анны любая девушка меркнет. Мнда… совсем я запутался в своих дамах.

— Эх… — Леха чешет в затылке, понимая мое состояние — Прилетит тебе от матери.

— От деда прилетит еще больше — я отбрасываю в сторону газету и также начинаю оттирать руки.

В комнату заходит посол. Николай Митрофанович одет неформально — светлые брюки, рубашка с темным пуловером. Впрочем, дипломат причесан, чисто выбрит…

— Ну что боец — улыбается Луньков — Навел шороху в посольстве?

— У меня солистку хотят выслать в Союз! — я хмурюсь, но все-таки встаю и жму послу руку — Можно позвонить по защищенной линии Романову?

Ну а что? Если ходить, то с козырей.

Николай Митрофанович если и пугается, то не показывает вида.

— Пойдем ка в мой кабинет, переговорим. И газеты свои захвати.

Профессионал! Возникла конфликтная ситуация при посторонних? Первым делом ее надо изолировать.

— Леш, подождешь меня тут? Мы быстро

Посол на это лишь хмыкает.

В большом, светлом кабинете Лунькова в специальном уголке с декоративным столиком и креслами, первым делом включает электрический чайник. Ну, да… Английский же посол. Кивает мне на кресло рядом с собой, начинает быстро просматривать газеты.

— Молодцы! Отличный как говорят в Штатах пиар!

— Ага, «сын Романова» — поддакиваю я

— Ерунда, желтая пресса — отмахивается посол — Их, конечно, читают, особенно если что-то случается в королевской семье, но всерьез никто не воспринимает. Подождем как отреагирует, Дейли Телеграф и Таймс, но ты меньше чем за неделю уже сделал больше, чем некоторые за годы. А это правда, что «Мы мир» вы дважды на бис исполняли?

— Правда. Меня, кстати, сегодня на ВВС зовут — я

рассматриваю кабинет Лунькова, особое внимание уделяя потолку, стенам… Посол это воспринимает по-своему.

— Не волнуйся, меня не слушают. Через день на жучки проверяют. Так что там с Бибиси?

Ага. Те кто проверяют — они же и слушают.

— Шоу Майкла Паркинсона

— О! Это сильно — посол впечатлен, задумчиво трет лоб рукой — Такое надо согласовать с Москвой. Где Марков?

— Только приехал в Лондон из Манчестера. Отдыхает, наверное. Николай Митрофанович, мне бы в Москву позвонить!

— Насчет Лады? Виктор, ты умный парень. Давай лучше так поступим. Я решу все сам, по своим каналам. Зачем нам дергать Григория Васильевича, тем более в воскресенье. Работай спокойно, я позвоню министру.

— Щелокову?

Луньков усмехается.

— Нет, Примакову. Евгений Максимович тебе очень симпатизирует. Специально меня инструктировал насчет Красных Звезд и помощи лейбористам. Как тебе кстати, Каллаген?

— Себе на уме товарищ — вздыхаю я — Боюсь, проиграет он эти выборы

— Это еще почему? — посол морщится — У нас на него большие надежды в плане политики разрядки

— Николай Митрофанович, да вы посмотрите, что на улицах творится. Митинги, забастовки, массовое банкротство и закрытие магазинов. Коммунальные службы нормально не работают — мусор везде…

— Трудящиеся борются за свои права! — Луньков хмурится, но все-таки снисходит до разъяснений — Прижмут как следует капиталистов, буржуазию и правильно сделают!

— Каких капиталистов?? — меня начинает раздражать зашоренность посла — Тут половина населения владеет акциями разных компаний. Значит, тоже капиталисты. Сколько пролетариата осталось в Англии? Десять процентов, двадцать?

— Витя, в Англии одних только шахтеров сто пятьдесят тысяч! Они если захотят, легко к власти приведут даже не лейбористов, а коммунистическую партию Великобритании!

— Чего же не приводят? — я все больше злюсь. Какие же дебилы делают нашу внешнюю политику! Надеюсь, Примаков наведет порядок.

— Сейчас не тот политический момент — снисходительно разъясняет мне Луньков — Время коммунистов еще придет!

Ага, щаз… Кто там писал, что Британия придет к коммунизму парламентским путем? Ленин? Сталин? Уже полвека ждем, а все

никак… Сейчас в руках профсоюзных лидеров, которые шантажируют крупных предпринимателей угрозами забастовок, оказалась огромная власть, но только они все чаще используют ее, руководствуясь личными интересами.

Поняв, что меня не переубедить, посол напоминает мне о важности эфира на Бибисях. Никаких «итальянских» выходок, как с Кальви. Второй раз разоблачить ЦРУ не получится — шоу идет в записи — а в лужу сесть вполне возможно. Киваю с умным видом.

— И опасайся провокаций! — поучает меня Луньков — От англичан можно всего ждать. Возьми с собой на телевидение музыкантов группы. Если что, выступят свидетелями…

— Главная провокация, Николай Митрофанович — отвечаю я — Это во время важнейших гастролей пытаться забрать из группы ключевую солистку!

— Я же сказал, что решу этот вопрос — припечатывает ладонь к столу посол. Чашки и блюдца жалобно звенят.

* * *

Из посольства мы выходим молча, ловим такси, также молча едем в отель. Наконец, Леха не выдерживает. Косится на водителя и тихо спрашивает меня

— Ну, как…?

— Посол обещал сам все уладить.

— Правда? А ты ему веришь?

Я киваю. Хотя 100 % уверенности у меня, конечно, нет. От этих партайгеноссе всего можно ожидать… Наше такси притормаживает на светофоре, и в витрине книжного магазина я вижу сразу два больших плаката. На первом изображена Европа, половина которой выкрашена в красный цвет. Подпись гласит «Европа не может быть наполовину свободной». Я мрачно хмыкаю. На втором плакате мне улыбается усатый индус. Под ним вижу до боли знакомые слова «Don't worry, be happy!». Это известный мистик и философ Мехер Баба, духовный учитель очень многих известных музыкантов, актеров… Эх, тебе, индус, легко говорить, а вот побыл бы ты сейчас в моей шкуре… Такси трогается, мы едем дальше, но прилипчивые слова никак не хотят покидать мою голову, так и крутятся, так и крутятся…

После посещения посольства я все еще злой как собака. Очень хочется кому-нибудь дать в репу или хотя бы кого-то жестоко покусать. «Не волноваться и быть счастливым» упорно не получается. Возвращаемся с Лехой в отель, чтобы переодеться перед ток шоу, и в холле Савойя натыкаемся на Гора, который

уже в нетерпении поджидает нас. Извиняюсь за задержку, прошу у него двадцать минут на сборы и для начала иду проверить готовность группы. С этим, слава богу, все в порядке. Григорий Давыдович в мое отсутствие держит все под строгим контролем, и группа уже полностью готова к выезду. Осталось собраться только мне, но и мою одежду для шоу Львова уже приготовила, так что дальше я действую быстро, как новобранец в армии. Бегу к себе в номер, принимаю душ, переодеваюсь, пшикаю на себя парфюм. Гримировать меня будут в студии, так что я уже практически готов… Прихватываю из шкафа подарок для Паркинсона и вскоре присоединяюсь к группе.

По пути к автобусу, Гор сообщает мне, что запись передачи пройдет в студии TC4 на территории Телевизионного Центра в Уайт-Сити, в Западном Лондоне. Этот комплекс зданий сейчас является штаб-квартирой BBC, и практически все передачи медиа холдинга записываются именно там. Запись начнется в 15,00, но в эфир выйдет в прайм тайм — в 20.00. Формат этого ток шоу, или как говорят англичане «чат шоу» — интервью с гостем. Типичный выпуск включает три интервью, каждое продолжительностью около 15 минут. Первые два гостя остаются после своих чатов, чтобы участвовать в беседе с теми, кто приходит после них. Иногда в шоу все 45 минут фигурирует один гость, но это бывает редко — если только субъект считается очень достойным. Сегодня я иду номер один, потом сам Гор, а кто будет гостем в третьей части шоу, мы пока не знаем. Если гости Паркинсона как-то связаны с музыкой или кино, в шоу иногда включают кадры из фильма или отрывки из выступлений. В студии есть даже рояль и небольшой оркестр, который может подыграть гостю.

— Вообще, Майкл — парень не конфликтный, а серьезные вопросы о политике он задает крайне редко. За этим присматривает координатор, чтобы тот не отбирал хлеб у новостных передач и политических шоу BBC. Его же шоу носит чисто развлекательный характер, и вмешательство самого ведущего минимально, он лишь направляет течение беседы. Но иногда Паркинсон может и взбрыкнуть — задать гостю неприятный вопрос. И тогда пощады от него не жди!

— Ну, мне к этому не привыкать…

— Паркинсон любит, когда его гости соревнуются в остроумии, поэтому часто приглашает известных комиков. Если ты хочешь, чтобы твое участие запомнилось зрителям, оно тоже должно пройти живо, весело. Или закончиться большим скандалом.

Ага… А лучше и то и другое вместе! Чтобы потом меня прибили на Родине за мое очередное самоуправство.

* * *

На шоу я надел белую футболку и стильный темно-синий пиджак. Львова превзошла себя, и он у нее получился что надо: прямые плечи, свободный покрой, узкие длинные лацканы и белоснежная подкладка в тонкую полоску. Но самое главное — у него эффектно закатаны рукава до трех четвертей. Такие пиджаки и стиль войдут в моду только в самом начале 80-х, но я-то сам себе икона стиля, и пусть теперь Европа равняется на меня. В той же манере одеты и «звездочки». На них брючные костюмы, под пиджаками которых видны крохотные шелковые топы, расшитые пайетками, что придает звездочкам весьма пикантный вид. Майкл Паркинсон увидев, как мы с девочками заходим в зал студии, замирает на минуту, приоткрыв рот, а потом, придя в себя, бросается к нам навстречу… Ведущий уже не молод, ему точно за сорок, и в его светлых волосах видна седина. Он производит очень приятное впечатление и располагает к себе дружелюбным тоном.

Мы усаживаем музыкантов и Клаймича в первом ряду среди зрителей, обговариваем с Паркинсоном и Гором некоторые детали шоу. У Майкла заготовлен список вопросов к нам, но скорее всего, будет и экспромт — без этого в популярном ток шоу никак. Режиссер по свету в последний раз поправляет осветительные приборы, и мы возвращаемся за кулисы. Меня припудривают, чтобы под жаркими софитами не появился пот. Звучит музыкальная заставка — «The Michael Parkinson Show» начинается…

Майкл приветствует зрителей и сообщает им, что у него сегодня в гостях советская группа, которая устроила переполох сначала в Италии на конкурсе Сан-Ремо, потом в Америке, а теперь, наконец, добралась до Англии. Звучат первые аккорды нашего «Почтальона», и под них мы все вместе спускаемся в зал по ярко освещенной лестнице. Звездочки ослепительно улыбаются и обнявшись поочередно с Майклом, рассаживаются на диванчике вокруг ведущего. Я приземляюсь в кресле напротив. Паркинсон представляет всех девушек по имени, затем закатывает глаза к небу, складывает ладони в молитвенном жесте и шутливо обращается к воображаемому богу

— Спасибо, Боже! Я наконец-то попал в рай! Какой цветник!

В зале смеются, у девчонок появляется румянец на щеках, я лишь вежливо улыбаюсь в камеру. Майкл тут же разворачивается ко мне.

— Итак, Виктор. Начнем по порядку. Сначала был Сан-Ремо…

— Нет, Майкл. Сначала все же было мое знакомство в Москве

с синьором Кальви, которому я показал песню, написанную мною на итальянском языке. И именно благодаря Роберто, мою песню услышали и полюбили в Италии, а уже потом нас пригласили на конкурс в Сан-Ремо.

— Вы говорите про песню «Felicita»? — раздается сигнал, извещающий нас о том, что здесь потом на монтаже будет музыкальная вставка. Мы делаем небольшую паузу.

— Но на конкурсе вы ведь победили с совсем другой песней?

— Да, сейчас в нашем репертуаре уже три песни на итальянском языке. Конкурс мы выиграли с песней «Soli».

— И после этого вас сразу же пригласили в Америку?

— Нет. В Америку я поехал для участия в международном турнире по боксу. А уже потом девочки прилетели в Нью-Йорк, и там мы записали «Мы — мир».

Еще один звуковой сигнал и новая пауза.

— То есть: ты сам пишешь песни на трех языках, возглавляешь популярную группу, а еще и боксируешь. Кстати, тоже удачно?

— Вполне. Ни одного боя я пока еще не проиграл.

— Уважаемые зрители, давайте посмотрим на спортивные достижения нашего гостя

На большом экране позади нас появляются финальные кадры моего боя с Маккракеном. Мне стоит большого труда сдержать удивление. Чертов Гор мог бы и предупредить о такой подставе. В зрительном зале одобрительно аплодируют и обсуждают мой коронный удар, после которого Маккракен так и остался лежать на ринге. Но тишину в зале быстро восстанавливают ассистенты Паркинсона, и шоу продолжается.

— Впечатляет…! Виктор, пообещай мне, что если один из моих вопросов тебе не понравится, меня не постигнет участь этого бедняги!

— Обещаю! Я просто сочиню про вас веселую песню, которую будут распевать на всех углах.

— Ого! Да ты опасный тип! Теперь я понимаю, почему лейбористы позвали тебя на подмогу.

— Думаю, мистер Каллаген вполне справился бы с тори и без нашей помощи. Но мы очень благодарны ему за приглашение и возможность познакомиться с вашей замечательной страной.

— Как вас принимали вчера в Манчестере?

— Прекрасно! Публика была настроена очень благожелательно, и я, пользуясь случаем, хочу сказать спасибо манчестерцам за такой теплый прием. Надеюсь, на предстоящем концерте в Уэмбли зрители будут встречать нас ничуть не хуже.

— Концерт в Уэмбли — это ответственно… А до Манчестера у

вас были сольные концерты такого масштаба?

— Нет, мы группа молодая и только начинаем гастролировать. Приглашаем всех на наш сольный концерт, который состоится послезавтра, и просим поддержать нас. Обещаем вам незабываемое шоу! Там будет много нового — то, что мы не смогли показать по ряду причин в Манчестере и оставили до Уэмбли. Приглашаем и вас, Майкл! А чтобы вы появились на нашем концерте во всеоружии, позвольте вручить Вам скромный презент…

Я достаю из пакета припасенный подарок — футболку с изображением Ленина и подписью «No pasaran! — „Они не пройдут!“». Майкл разворачивает подарок и через секунду начинает хохотать

— Это ваш намек для Маргарет Тэтчер?!

— И для нее тоже! А вообще, это еще и наш ответ все тем, кто пишет про нас разные глупости, которые не имеют ничего общего с действительностью.

— Ты сейчас про тех журналистов, что написали, якобы правительство лейбористов оплатило ваше проживание в Савойе и заплатило вам крупную сумму за участие в их митингах?

— И про это тоже. Понятно же, что эта чушь появилась не на ровном месте, просто кто-то очень хотел опорочить премьер министра Каллагена. Но поверьте, Майкл, наша помощь лейбористам не имеет никакой коммерческой подоплеки, группа зарабатывает достаточно, чтобы нам хватило денег и на поездку в Англию, и на оплату приличного отеля.

— Но ведь в Савойе проживают не только солисты группы, пишут, что там же разместился и весь обслуживающий группу персонал?

— Да. У нас в СССР как-то не принято разделять коллектив на людей первого и второго сорта. Все мы вносим важный вклад в общее дело, и вклад звукорежиссера или стилиста ничуть не меньше, чем наш с девушками.

— Кстати о стилистах… — Майкл разворачивается к девушкам — На вас с Виктором очень элегантные и необычные костюмы. Вы их купили здесь, в Лондоне или в Нью-Йорке?

— Не-ет. Все сценические костюмы и ча-асть нашей повседневной одежды сшита модельером студии Татьяной Львовой и ее помощница-ами.

Умница Альдона! Английский у нее хороший, и она хладнокровно подхватывает беседу, переключая внимание Паркинсона с Веры и Лады, которые немного растерялись от быстрой английской речи.

— Это какой-то известный модельер в вашей стране? Она

участвует в неделях моды?

— Нет, на модные показы за границей у Татьяны просто не хватает времени — наконец в разговор включается «зая» — Все ее силы уходят на нас. Думаю, зрители по достоинству оценят наши сценические костюмы, которые увидят на предстоящем концерте в Уэмбли…

Вера замечательно ввернула про стадион! Билеты и так продаются отлично, но дополнительная реклама не помешает.

— Хорошо. Но вернемся к вашему творчеству, Виктор. У Красных Звезд очень много песен для начинающей группы, и они высокого качества. Ходят упорные слухи, что на ваш проект работает целая группа советских поэтов и композиторов.

Мы со «звездочками» дружно смеемся. Паркинсон наоборот хмурится.

— Я бы все-таки хотел получить ответ на свой вопрос. Мои знакомые музыканты говорят, что невозможно одному написать столько хитов всего за полгода.

— Так считают, наверное, не очень одаренные музыканты — отбриваю я Майкла

— Как вы можете доказать, что сочиняете песни самостоятельно, да еще так быстро?

Ведущий начинает меня выбешивать. Я вижу в глазах девушек точно такой же вопрос. В студии повисает пауза.

— Очень просто. Дайте мне время, и в самом конце шоу я исполню для вас в живую совершенно новую песню, которую я напишу, не выходя из здания ВВС.

— На английском?

— На английском.

— Я не вижу у ваших музыкантов инструментов с собой

— Они не понадобятся.

Тут у Майкла челюсть то и отпала.

— Песня без музыки?

— Музыка будет.

— Без инструментов

— Да.

Все на меня смотрят открыв рот.

— Сегодня по дороге к вам мы остановились на светофоре на перекрестке Кэнсингтон роуд и Квин Гейт. В витрине книжного магазина я увидел плакат с каким-то индусом и замечательной фразой: «Не беспокойся, будь счастлив». И я подумал: «Отличные слова для песни!»

— О, да! — тут же оживился Паркинсон — Это известный индийский философ Мехер Баба, и его фраза широко известна в нашей стране. Виктор, а ты не находишь, что несколько

самонадеянно давать такое громкое обещание на камеру?! Нет…? Что ж, я ловлю тебя за язык. В твоем распоряжении ровно час, пока идет запись нашего шоу. В конце мы все с удовольствием посмотрим, что у тебя получится.

У Майкла такой довольный вид, как будто он выиграл в лотерею. Да, ты азартен, «Парамоша»! Небось, втайне надеешься, что будет громкий скандал? Похоже, точно также думают «звездочки», которые смотрят на меня квадратными глазами.

***

Стоило нам зайти в небольшую музыкальную студию, куда нас привел ассистент Паркинсона, как Клаймич с ребятами дружно набросились на меня с упреками

— Виктор, он же вас на слабо взял! — директор хватается за голову — Опозоримся…

— Невозможно написать песню за час — вторит Клаймичу Завадский — Ты конечно, талант и даже гений… Но

Коля пожимает плечами.

— Это бе-езответственно — Альдона смотрит на свои идеальные ногти. Ей кивают Вера и Лада.

— А я верю в Витю!

Единственный, кто меня поддерживает — Роберт. Вот так. Друзья познаются даже не в беде, а в стрессе.

Ассистент, который не понимает ни слова по-русски интересуется, чем он может нам помочь. Прошу простую акустическую гитару для отвода глаз и писчую бумагу, а получив от него и то и другое, вежливо выставляю его за дверь.

— Так! Слушайте меня внимательно. Я все продумал. Песня будет акапелльной, в стиле регги. Всего два куплета и очень простой припев. Я сейчас набросаю слова, начинайте их сразу заучивать.

Быстро пишу куплеты знаменитой и действительно, очень простенькой песни Бобби Макферрина Don't Worry Be Happy. Мне не нужен айфон, чтобы вспомнить текст. Песня настолько «села на уши» еще в «прошлой» жизни, что я даже сначала думал в студии дать полный вариант. Но поверят ли мне?

— Так Коля, я слышал, что ты пробовал художественный свист?

Дождавшись кивка Завадского, продолжаю.

— Я сейчас напою слова, а ты постарайся просвистеть мелодию. Лады? Теперь ты, Роберт. Надо будет простучать ритм. Сможешь ладонью по столу? Отлично!

Мы начинаем репетировать. Я вижу, как разглаживаются морщины Клаймича, мне пританцовывая, подпевают девушки. Коля насвистывает, Роберт отстукивает ритм, а я пою спокойно и расслабленно, копируя манеру Бобби Макферрина. В его песне четыре куплета, но экспромт должен выглядеть правдоподобно — и двух небольших куплетов будет вполне достаточно. В конце мы просто повторим слова первого. Изюминка этой песни в другом — в необычной манере исполнения, вот на этом и нужно акцентировать внимание зрителя…

— Надо позвать операторов на репетицию — соображает Клаймич — Вставят потом фрагменты на монтаже

Директор уходит договариваться, а мы продолжаем разучивать песню.

* * *

Все происходящее в студии шоу после моего ухода, я увидел только вечером по телевизору, когда ужинал в номере Анны. Вот ухожу я, вот камера выхватывает растерянные лица Роберта и Николая. Зато мое собственное лицо светится ехидством, словно я задумал диверсию мирового масштаба. После заставки в студии появляется Майкл Гор, здоровается с ведущим, усаживается на мое место. Вопросы, которые ему задает Паркинсон, касаются в основном проекта «Мы — мир», записи этой песни в Штатах и последующего концерта. Идет заставка с кадрами съемки в нью-йоркской студии, нам показывают Джона Леннона и Рода Стюарта. Паркинсон грустно шутит, что Англия давно уже не видела живьем своих некоторых кумиров, все лучшее теперь стремится осесть за океаном. Гор в ответ шутливо замечает, что американский континент тоже присылает в Старый свет своих представителей, например, из стран Карибского бассейна. В зале понятливо смеются — эти упомянутые Гором «представители» буквально заполонили европейский шоу бизнес, там уже не протолкнуться от черных.

Дальше разговор у них переходит на Фонд «Мы — мир», обсуждается открытие европейского филиала, успешный сбор средств и первоочередные цели, на которые эти средства будут тратиться. Глядя сейчас на ведущего со стороны, я вдруг понимаю, что главный секрет его успеха — исключительное умение слушать собеседника и быть при этом доброжелательным. Вот вроде и ничего особенного в нем нет, но Паркинсон остается популярным на протяжении многих лет.

На экране телевизора все происходит довольно быстро, и 15

минут беседы Паркинсона с Гором пролетают незаметно. Самое интересное, что новый гость в третьей части так и не появился, остается только догадываться, кто это был, и куда его дели. Оставшийся эфир своего шоу Паркинсон отдает нам с Гором. Звучит короткая заставка из нашей «I Wanna Hear Your Heartbeat», и мы с Колей и Робертом снова спускаемся в зал. На лицах Лады и Веры улыбки, Альдона, как всегда невозмутима, Паркинсон и Гор — все в предвкушении… Будет вам сейчас шоу…!

— Виктор, вы готовы? — ведущий вскакивает и показывает куда нам встать перед камерами

— Готовы. Песня называется «Не волнуйся. Будь счастлив». Исполняется впервые. Специально для зрителей BBC

Мы с ребятами приступаем к исполнению «только что» написанной песни. Коля начинает виртуозно насвистывать мотив, Роберт отстукивает ритм ногой и щелкает пальцами, я затягиваю незамысловатые слова первого куплета.

Here is a little song I wrote
You might want to sing it note for note
Don't worry be happy
In every life we have some trouble
When you worry you make it double
Don't worry, be happy.
Don't worry, be happy now…

Доходит дело до куплета и тут ребята на пару эффектно завывают в стиле регги, а я расслабленно, несколько раз повторяю ключевую фразу, меняя лишь интонацию своего голоса. Камера выхватывает лица Гора и Паркинсона. На них изумление и полная растерянность — абсолютно понятно, что они первый раз в жизни слышат подобную песню. Да еще в таком жанре — акапелло-регги. Второй куплет мы исполняем еще увереннее, уже почти как сам Бобби Макферрин.

Ain't got no place to lay your head
Somebody came and took your bed
Don't worry, be happy
The land lord say your rent is late
He may have to litigate
Don't worry, be happy

Содержание теста вызывает одобрительные смешки в зале, и я добавляю

Look at me I am happy.
Don't worry, be happy

И снова завывания в стиле регги, снова ключевые слова, произносимые мною на все лады речитативом. Потом мы с ребятами просто повторяем первый куплет, и весь зал начинает дружно хлопать нам в такт мелодии. А в конце взрывается аплодисментами. Ага… переходящими в бурные овации…

Ну, что сказать… Майкл Паркинсон в отпаде. У него явно не хватает слов, и он просто разводит руками, признавая свое поражение. Ассистенты безуспешно пытаются восстановить тишину в зале, но зрители замолкают, только когда сам Паркинсон призывает их к порядку. До окончания шоу еще несколько минут, и у Майкла есть время высказать мне свое искреннее восхищение и задать несколько вопросов

— Виктор, я потрясен! Столько дарований в одном молодом человеке! Сейчас дорогие зрители, мы покажем вам как создавалась эта песня

Идут фрагменты нашей репетиции, врезанные на монтаже. Причем организаторы шоу даже успели перевести некоторые наши реплики с русского на английский — внизу кадра появляются титры.

— Друзья! — врезки заканчиваются и ведущий возвращается к интервью — Мы стали свидетелями настоящего чуда. Я уверен, что эта песня возглавит все европейские музыкальные чарты уже совсем скоро!

Зал отзывается новыми аплодисментами.

— Виктор, скажи. Творчество не мешает твоей учебе в школе? — Паркинсон переводит дух и задает мне последний вопрос

— К сожалению, мешает. На ежедневное посещение школы элементарно не хватает времени, и учиться мне приходится экстерном. Но поверьте, на моих оценках это совсем не сказывается.

— Охотно верю! Видимо действительно прав был Фейхтвангер — талантливый человек талантлив во всем…

Глава 4

9 апреля 1979 года, понедельник, 8.15.
Великобритания, Лондон

Утро понедельника я в кои-то веки решил начать с пробежки, а то совсем запустил свои тренировки. Киселев и так со скрипом отпустил на длинные гастроли, а если по возвращению увидит мою физическую форму — прямо скажем не саму лучшую — так вообще из сборной отчислит. И не видать мне Чемпионата Европы. А за ним и Олимпиада тоже в пролете.

Сегодня я наконец-то отлично выспался…на шикарной кровати в номере Анны. Проснулся рано, едва за окнами рассвело, поцеловал сонную хозяйку и отправился к себе. Думал поспать еще, но понял, что бодр, свеж и вполне готов к пробежке по набережной Виктории. Погода в Лондоне наладилась, за окном светит солнце. Пробегусь-ка я вдоль Темзы и быстренько вернусь, вряд ли кто-то из папарацци или фанатов поджидает меня там ранним утром.

В душе я с удовольствием вспоминаю замечательное завершение вчерашнего дня — мы поужинали с Анной в ее номере, посмотрели вместе по телевизору шоу на BBC, устроившись в обнимку на диване. Посмеялись над реакцией Майкла Паркинсона, когда он услышал нашу новую песню. Ну, а после, не сговариваясь, отправились в спальню. Анне скоро уезжать, и когда мы теперь с ней увидимся — одному богу известно. В следующее воскресенье — католическая Пасха, и в Италии на страстной неделе будут церковные официальные мероприятия, где Анне необходимо присутствовать, сопровождая отца. Так что в среду моя синьорита улетает домой…

Выйдя из душа, я немного прислушиваюсь к мощному храпу Лехи. После чего открываю шкаф, чтобы достать спортивный костюм и кроссовки. Мой взгляд утыкается в пакет с распятием. Что же все-таки с ним делать? Отдавать Анне или нет? Позвонить Романову по защищенной линии мне не дали — а я планировал между делом обсудить и этот вопрос. Часики уже тикают, надо что-то решать.

Спускаясь в припрыжку по лестнице. На первом этаже натягиваю капюшон на голову и неузнанным выхожу холл Савойя… Несмотря на раннее время, у стойки с газетами толпится народ. Постояльцы отеля с энтузиазмом расхватывают свежую прессу. Несколько человек агрессивно спорят, тыкая друг в друга пальцами. Я может, и не придал бы этому значения, моя голова сейчас забита совсем другим, но краем уха слышу слова

«Абвер» и «расписки», поэтому подхожу поближе к стойке и вчитываюсь в заголовки газет. Что ж, «бомба», наконец, взорвалась.

Как и все, беру «The Daily Mirror» и «The Guardian» — они первыми решили поднять шум. Это и понятно — обе эти газеты, традиционно поддерживают лейбористов. В них в довольно сдержанной форме сообщается, что редакции нескольких газет недавно получили копии расписок, в которых уважаемые представители консервативной партии соглашаются на добровольное сотрудничество с фашистским Абвером. Эти расписки датированы периодом войны, и, по словам нескольких экспертов, скорее всего, являются подлинными. Источник, из которого получены документы, пожелал остаться анонимным, но утверждает, что готов предоставить в распоряжение властей не только копии расписок, но и сами подлинники. Получить комментарий у одного из авторов расписки — Реджинальда Модлинга теперь не представляется возможным, он умер 12 февраля этого года, и можно только догадываться о мотивах побудивших этого высокопоставленного человека сотрудничать с врагами родины. А вот Эдвард Хит — второй персонаж, чье имя фигурирует в расписках, пока наотрез отказывается комментировать произошедшее и всячески уклоняется от контактов с прессой, что вызывает новую волну вопросов и обвинений. Его участие в выборах, намеченных на 3 мая, вызывает теперь большие сомнения… Как и будущее самих тори, которые — об этом пишут обе газеты — должны железной метлой вычистить предателей из рядов партии. Официальные лица пока отмалчиваются, но представитель прокуратуры заявил, что расследование будет проведено. Я потираю руки. Ну что, госпожа Тэтчер? Посмотрим, как вы будете крутиться на раскаленной сковородке. В то, что после скандальных публикаций на выборах победят лейбористы — я все-равно не верил. Но предотвратить разгромное поражение вполне возможно. А значит, у Тэтчер будет меньше поле для маневра. Да и сил для борьбы с СССР и его союзниками у нее также убавиться.

Закончив чтение газет, прошу портье положить их до моего возвращения в ячейку для корреспонденции и выхожу на улицу. После вчерашнего дождя воздух Лондона сырой, но чистый — дышится очень легко. Миную короткую Savoy Court — единственную улицу Лондона с привычным нам правосторонним движением, сворачиваю налево, пробегаю по Стренду. На перекрестке с Ланкастер-плейс снова сворачиваю, и вскоре оказываюсь на набережной Виктории. Секунду раздумываю, в какую сторону мне лучше бы направиться, и выбираю Сити.

Сейчас, в 79-м на улицах Лондона практически нет любителей бега. Мода на здоровый образ жизни только зарождается за океаном, и до Европы она еще не добралась. А для пешеходов пока рановато. Так что я бегу вдоль Темзы в гордом одиночестве, и никто не мешает моим размышлениям. Задаю своему бегу ровный, умеренный темп и погружаюсь в мысли…

Сначала вспоминаю наше короткое посещение Уэмбли после эфира на ББС. Футбольный матч к нашему приезду закончился, зрители разошлись, сотрудники убирали мусор. А рабочие начали уже монтировать сцену для нашего концерта и подиум, узким языком рассекающий будущий танцпол. Проект оформления сцены, разработанный людьми Гора, мы видели пока лишь в эскизах, но теперь смогли оценить всю его грандиозность. После установки сцены здесь сразу начнут работать звукорежиссеры Атлантик Рекордс и специалисты из известной английской фирмы, занимающейся освещением на подобных шоу. Вроде бы все должно получиться неплохо…

Потом мои мысли перескочили обратно на выборы. Дело с расписками сейчас затрудняется тем, что парламентская сессия закончена и сам Парламент распущен, а правительство подало в отставку. В Англии как бы короткий период «безвластия», и лейбористы в Палате Общин, пока она не избрана, не могут инициировать громкое расследование. Это минус. Плюс в том, что Хит сейчас не является членом Парламента и соответственно не имеет юридической неприкосновенности. Теперь она ему и не светит. Но кто конкретно может отдать МВД распоряжение начать расследование? Прокуратура? Все-таки дело идет о государственной измене, а это для англичан самое худшее и преступлений… Тем не менее, лед тронулся, господа присяжные…

Я размеренно пробегаю вдоль фасада Савойя, выходящего на Темзу. Глазами нахожу окна Анны, и в моей голове всплывает старая песня группы Секрет:

«Моя любовь на пятом этаже, почти где луна.

Моя любовь, конечно, спит уже, спокойного сна…»

Вот-вот в Японии будет выпущен первый плеер Walkman, нужно обязательно себе купить. Просто незаменимая вещь для утренних пробежек. Неожиданно рядом со мной раздается короткий гудок автомобиля. Я поворачиваю голову и вижу знакомый серый Форд Эскорт. За рулем — Петр Алексеевич.

Нелегал кивает мне сквозь стекло — мол, забирайся. Делать нечего, сажусь рядом, захлопываю дверь.

— Ну, привет звезда — нелегал жмет на газ и машина резко стартует

— Доброе утро — бурчу я. Эх, обломал мне такую пробежку. И настроение теперь испорчено на весь день.

— Доброе, доброе — кивает мужчина — Чем хорошо утро — трафика на дорогах нет. Легче хвост заметить.

Мы едем вдоль по набережной Темзы, машин, пока действительно, мало.

— Как вы меня нашли?

— За тобой приглядывают

— Следят

Он же небось и пас меня… Из-за облаков выглянуло яркое весеннее солнце. На газонах вдоль дороги приветливо качаются на ветру крупные желтые нарциссы. Красота… Нужно маме таких будет купить, пусть на даче посадит. Луковицы цветов здесь продаются в небольших пластмассовых ведерках и в сетках, как простой репчатый лук. Петр Алексеевич одной рукой достает из кармашка рядом с рулем солнечные очки и сразу же их надевает.

— Ладно, следят. — Виктор, из Москвы поступил приказ вернуть обратно распятие. Завтра перед концертом его надо передать.

Фу… Камень с души.

— Ведь ты не успел его еще вручить Анне Кальви?

— Включил режим ПВО

— Что?

— Погоди Выполнять — Отменят

Петр Алексеевич тормозит на светофоре, приподнимает очки. На его лице — широкая улыбка.

— Повеселил. Откуда про ПВО знаешь? Ты же в армии еще не служил

Я благоразумно молчу.

— Ладно, поступим вот как. Что такое тайниковая операция знаешь?

— Ну в тайник что-то положить незаметно.

— Точно. Встречаться больше не будем. В правом крыле Уэмбли на втором этаже есть мужской туалет. Засунешь сверток с распятием под крайнюю левую раковину — там есть небольшая ниша. Запомнил?

— Так точно товарищ капитан! — я прикладываю руку к виску

— К пустой голове руку не прикладывают — усмехается Петр Алексеевич и сворачивает к обочине — Свободен. Удачи на концерте

— Спасибо! — я вылезаю из машины и вижу, что нелегал фактически вернул меня к Савою. До отеля осталось всего два квартала. Серый Форд Эскорт уезжает, а я вижу справа

закусочную Beshoffs. Она уже открыта и оттуда вкусно пахнет свежим кофе. Желудок отзывается призывным урчанием. Я опускаю руку в карман и понимаю, что не взял на пробежку ни фунта. Мелочи тоже нет. С грустным видом встаю перед витриной. Красивая девушка в фирменном фартуке обслуживает у стойки клиентов — наливает кофе, выкладывает на тарелки булочки и бисквиты. Желудок повторно урчит.

Вдруг я слышу стук. Какой-то древний старичок стучит по витрине набалдашником трости, призывно махая рукой. Я захожу внутрь и после небольших сомнений, все-таки присаживаюсь за столик дедули. Выглядит он вполне ничего. Седые волосы аккуратно подстрижены, небольшие усики завиты наверх. Дедок одет в серый костюм с желтой, стильной бабочкой. Глаза умные, живые.

— Доброе утро — здороваюсь я по-английски

— Угадал! — отзывается по-русски старичок — Ты из Союза

— Точно — киваю я, косясь глазом на стойку и девушку-официантку

— Люба, лапушка, принеси молодому человеку чаю и… пару сэндвичей с ветчиной.

Я сглатываю слюну.

— Уже бегу, Иван Алексеевич — тут же отзывается официантка

— Дело в том, что у меня нет с собой денег — я развожу руками — Так что…

— Ну а имя, молодой человек, у вас есть? — дедок мне подмигивает

— Виктор. А вы…

— Бешов. Иван Алексеевич. Решил угостить соотечественника и расспросить о новостях с Родины

Тут Люба приносит на подносе чашку с черным чаем и тарелку с сэндвичами. Переставляет на наш столик, попутно стреляя в меня глазками. Девушка явно меня узнала, но вежливо молчит.

— Постойте ка! — тут до меня доходит — Закусочная называется Beshoffs, а ваша фамилия…

Тут официантка прыскает от смеха, Иван Алексеевич также улыбается.

— Я владелец этого заведения. А также еще с дюжины закусочных в Ирландии и Англии.

— У вас собственная сеть! — соображаю я — И как же наш соотечественник стал владельцем такого предприятия?

— Люба, ты свободна — старичок строго смотрит на девушку, но та молитвенно складывает руки

— Иван Алексеевич, это же Селезнев! Красные Звезды!! Разрешите, я попрошу автограф

— Красные Звезды? — Бешов не сразу понимает в чем дело

— Самая модная советская поп-группа! — лицо официантки заливает яркий румянец

— А… вот оно что — дедок подвигает ко мне салфетку и достает из внутреннего кармана Паркер — Сделаете приятно девушке, молодой человек?

Звучит двусмысленно, но я послушно расписываюсь на салфетке, желая Любе всяческих успехов. Официантка прикладывает автограф к высокой груди, еще больше краснеет и убегает обратно за стойку.

— Узнаю, советских музыкантов — вздыхает Бешов — Популярные, но без рубля в кармане.

Я бы ответил, что у меня на банковском счете больше пятнадцати миллионов долларов лежит, но уже занят поглощением бесплатного сэндвича.

— И как вам Лондон, Виктор?

— Замечательно — отвечаю я, хватая второй бутерброд — Иван Алексеевич, а как вы попали в Англию, да еще стали владельцем сети закусочных?

И тут Бешов рассказывает мне такую историю — хоть стой, хоть падай. Дедку оказывается ни много ни мало — 94 годика! Родился он под Одессой в Херсонской губернии Российской империи в семье мирового судьи. Поступил служить на черноморский флот и попал… на броненосец «Князь Потёмкин-Таврический»! В 1905-м году на корабле случилось знаменитое восстание, воспетое Эйзенштейном в не менее знаменитом фильме. Матросы захватили броненосец, убив при этом часть офицеров. Не имея чёткого плана дальнейших действий, восставшие повели корабль в Одессу, где намеревались пополнить запасы угля, воды и продовольствия. Они полагали, что Черноморский флот поддержит их бунт, но жестоко ошиблись. Власти ввели в порт войска, после чего матросы увели «Потёмкина» в румынскую Констанцу. Где и сдались властям. Те их интернировали, но отказались выдать России. Часть матросов все-равно самостоятельно решила вернуться на Родину. Их арестовали, судили. Троих приговорили к казни, остальных сослали на каторгу на 15 лет. Другая часть восставших, спокойно жила в Румынии и уже в советские времена были награждены орденами Красной Звезды, а двое — орденами Красного Знамени. Но интересней всего сложилась судьба у Бешова.

— Я сразу решил ехать к сестре в США — Иван Алексеевич пригубил кофе из чашки — По поддельным документам выехал в

Турцию, откуда добрался до Великобритании и Ирландии. Думал в Дублине сесть на корабль до Нью-Йорка. Но в Ирландии меня арестовали по подозрению в шпионаже — как же социалист с «князя Потёмкина» — и посадили в тюрьму. Спустя полгода выпустили. Адвокат хороший попался. И я осел в Дублине. Женился, родились дети. Мы в Одессе всегда ели много рыбы, а тут тоже море рядом. Решил открыть закусочную Fish and Chips.

— И дело пошло хорошо — догадался я

— Более чем. Народ пошел, я стал прилично зарабатывать. Открыл вторую закусочную, третью… И вот уже доросли до Лондона. Тут у меня несколько друзей-эмигрантов живет — Бешов отставил чашку с кофе в сторону — Помогаю. Взял их внуков на работу.

— Как же вы в таком возрасте руководите таким большим бизнесом? — удивился я

— Да я уже отошел от дел. Лет десять как. Дети управляют. Попросили съездить в Лондон, по старой памяти посмотреть как тут ситуация. Не дай бог в мае победят лейбористы… Опять налоги поднимут.

Иван Алексеевич тяжело вздыхает.

— Как же так — вновь изумляюсь я — Вы же социалистических взглядов, восстание поднимали на броненосце…

— Молодой был, дурной. Да и накрутили нас старшие товарищи. «В борще тухлое мясо, а офицеришки шустовский коньяк распивают». Вот и забунтовались. А потом пошло поехало… Агитаторы, революционеры, чтоб им пусто было…

Я в обалдении качаю головой. И это икона революции? Это про них Эйзенштейн снимал кино?? Мы еще немного болтаем о том о сем. Я рассказываю о Союзе, реформах Романова. Ничего такого, чего бы Бешов не знал — английские газеты довольно подробно пишут о ситуации в СССР. А сам Иван Алексеевич, кстати, уже трижды в качестве туриста бывал на Родине. Я допиваю чай, благодарю за еду. Бешов только отмахивается. Приглашает заходить в закусочную, после чего мы прощаемся и даже обнимаемся.

* * *

Я в задумчивости иду обратно в отель. Как же все-таки извилиста человеческая судьба. Бунтовщик с «князя Потёмкина» попадает в Англию. Успевает в Лондоне встретится с Лениным и Троцким (видимо, все-таки не просто так в Дублине его сажают в

тюрьму). После чего открывает сеть закусочных, становится миллионером. И как же сразу меняются взгляды!

В лобби Савоя я падаю в кресло у рецепции и закрываю глаза. Надо спланировать день.

— Ах, вот ты где!

Вздрогнув, я прихожу в себя. На меня сердито смотрит Альдона. Как же красива латышка в гневе. Волосы развиваются, на скулах — румянец. Позади девушки стоит хмурый «мамонт».

— Я тут всех уже на ноги поднял — ворчит Леха — Восемь утра, а тебя нигде нет.

«Старший брат» глазами мне показывает вверх, намекая на люкс Анны. Значит и у нее побывал. На каком же языке он с ней объяснялся?

— Мы же договаривались, что ты один никуда не ходишь! — к «мамонту» присоединяется Сергей Сергеевич. Безопасник хмур и раздражен моей безалаберностью. Я равнодушно пожимаю плечами, откидываюсь в кресле.

— Виктор, ты меня слышишь? — гэбэшник присаживается рядом

— Да он просто перетренировался — успокаивающе произносит «мамонт» — Вить, пошли уже в номер, примешь душ. А потом завтракать. Вон уже все наши собираются.

Действительно, в холл спустились «звездочки», Клаймич… Вера перешептывается с Альдоной, наш директор нервно смотрит на часы.

— Извините, правда, перетренировался, голова закружилась.

Все облегченно кивают.

— А где Марков?

— В посольство с утра уехал — Клаймич подходит ближе, тревожно разглядывает меня — Пришло письмо из компании Burberry. Хотят сделать Красных Звезд «лицами» новой линии молодежной одежды. Когда мы с ними сможем устроить переговоры?

— Когда они будут готовы заплатить миллион долларов

Окружающие улыбаются. Витя шутит, значит, все в порядке.

— Кстати, слышали анекдот? На уроке русского языка дети пишут сочинение на тему «Что бы я сделал, если бы выиграл миллион рублей». Вовочка смотрит в свою тетрадь, исписанную колонками сложных вычислений, и тянет руку вверх: — Марья Ивановна! А еще 100 рублей добавить можно?

Тут уже даже Сергей Сергеевич не может удержаться от громкого смеха. Что же… Пора народ остудить.

— Я абсолютно серьезен! Вы пока просто не представляете размеров нашей популярности. Оглянитесь вокруг. Где бы мы не

были на нас все смотрят, фотографируют, просят автографы

Звездочки повернули головы, оглядываясь. И действительно, движение в лобби отеля замерло. Все пялятся на нас. А пара туристов — скорее всего американцев — уже во всю щелкают затворами фотокамер.

— После Уэмбли мы станем по-настоящему всемирно известными. И пока этого не случилось — модные бренды хотят нас получить по дешевке. Так вот! Этому не бывать. Нашему государству очень нужна валюта.

Контракт с брендом не спрячешь — фотографии будут во всех модных журналах. Поэтому просто попробуем заработать очки у номенклатуры. Стать лицом Дома Высокой моды — это такой геморрой, что значительную часть нашего драгоценного времени будут сжирать бесконечные съемки рекламных роликов и фотосессии. Поэтому насчет долгосрочного контракта я бы еще десять раз подумал. К тому же бренд наверняка обяжет нас носить их одежду на каждом официальном зарубежном мероприятии и согласовывать с ними наши концертные костюмы. А вот этого нам точно не нужно. Может, для начала лучше подписать краткосрочный, разовый контракт? Ведь кроме рекламы в лучших журналах мира и на ТВ, контракт с Burberry — это для меня все равно еще и дополнительная возможность съездить за рубеж и поделать там свои дела, о которых властям знать совершенно не нужно…

— Так, товарищи — Клаймич еще раз смотрит на часы — Нам пора на завтрак и ехать на репетицию в Уэмбли.

* * *

В сопровождении «мамонта» я поднимаюсь в номер, привожу себя в порядок. Делаю звонок в Союз маме на работу. В Москве все нормально, меня с нетерпением ждут домой. Концерт в Манчестере показывали по отечественному ТВ, но в записи и в урезанном виде. Фрагменты также пустили в программе Утренняя почта. Дед просит привезти из Лондона хороший видеомагнитофон, чтобы записывать мои выступления. Идея хорошая, сразу говорю о ней Лехе. Спускаясь вниз, мы некоторое время обсуждаем аппаратуру и сходимся во мнении, что проще заказать видак по каталогу в 200-й секции ГУМа или купить в Березке, чем тащить на себе, трясясь как бы там внутри от тряски не сломались головки.

За завтраком группа разбирает по косточкам утренние газеты. Хоть наш вчерашний успех на шоу затмила «история с

расписками» — публикаций все-равно много. Альдона зачитывает нам выдержку из статьи: «Майкл Паркинсон уже много лет торгует одним и тем же безобидным, устарелым форматом, и эпизод last nights поначалу не был исключением. Но Майклу удалось в очередной раз удивить своего зрителя. Вчера все мы испытали настоящий культурный шок, когда он представил нам известную советскую группу, и ее лидер Виктор Селезнев прямо в студии сочинил новую оригинальную песню, которая обещает стать настоящим хитом. Не удивительно, что после вчерашнего шоу на BBC Паркинсон резко обошел в рейтинге своего извечного конкурента с ITV — Рассела Харти…».

— Кстати — Клаймич отставляет в сторону чашку с чаем — Я разговаривал с Гором — наш продюсер настроен выпустить сингл Don't worry, be happy максимально быстро. Сможем мы уже сегодня сделать пробную запись?

Музыканты дружно кивают.

Угу. Как там говорил Папанов в Бриллиантовой руке? «Куй железо, не отходя от кассы»? Молодец, Гор, ничего не скажешь.

— Товарищи! — Сергей Сергеевич тихонько стучит ножом по бокалу с соком — Поступила информация, что сегодня в обед в наш отель заезжает видный деятель американской республиканской партии, конгрессмен Магнус. В его окружении, могут быть и представители разведывательных служб США. Так что прошу усилить бдительность! Возможны провокации, попытки вербовок.

Народ задумался.

— Надо будет навестить конгрессмена, поздороваться — я спокойно мажу тост маслом, глядя в окно

Немая сцена. Марков пучит на меня глаза, безуспешно пытаясь что-то сказать.

— Виктор… — Клаймич укоризненно качает головой — Нас ведь только что предупредили насчет него

— Ну и что? — я пожимаю плечами — Конгрессмен присутствовал на моем бое с Картером в Лас-Вегасе. Мы знакомы — нас Синатра представил друг другу. Будет просто не вежливо не поздороваться. Потом я хочу позвать его на наш концерт

— На концерт!?! — Марков наконец, приходит в себя, набирает воздух в легкие

— Именно. Магнус нормально настроен по отношению к нашей стране, никогда не позволял себе выпадов против Советского Союза. Разве плохо иметь «своего» человека в Конгрессе США? Нам в Америку еще на гастроли ехать.

— На гастроли в Штаты?? — нет, куратора из ЦэКа сейчас точно кондратий хватит. Лицо покраснело, вены вздулись. Наш

же гэбист спокоен. Умеет владеть лицом, ничего не скажешь. Звездочки же смотрят на меня с удивлением. Львова задумчиво разглядывает стакан с чаем, Татьяна Геннадиевна не сводит глаз с Веры. Уже что-то прикидывает в голове. А вот «тяжи» и музыканты оживились. Всем хочется побывать в Нью-Йорке, залезть в факел Статуи Свободы.

— Вообще-то, Гор уже заговаривал со мной об этом — смущаясь, произносит Клаймич — Но я ему ответил, что такие вопросы решаются на уровне ЦК

— Решим — я беззаботно махаю рукой — По приезду встречусь с Григорием Васильевичем, он мне не откажет.

Это соломинка ломает хребет верблюда. Марков с Сергей Сергеевичем быстро переглядываются, безопасник стучит пальцем по столу:

— После встречи с Магнусом сразу ко мне.

* * *

Позавтракав, мы снова едем на Уэмбли. По дороге Клаймич коротко рассказывает Гору, который ждал нас в холле, про письмо от Burberry. Гор со мной полностью солидарен: нужно немного потянуть время. После успеха английских гастролей — а в том, что он будет, уже никто из нас практически не сомневается — разговор с представителями бренда пойдет совсем в другом ключе. Клаймич немного смущаясь, предлагает отправить наших звездочек вечером в бассейн при отеле, купив перед этим для них модные купальники — это послужит нам дополнительной рекламой и вызовет лишний интерес публики. Гор тут же подхватывает его идею: а дальше некие негодяи — папарацци сделают там фото скрытой камерой и этим же вечером сольют их таблоидам. У меня натурально отвисает челюсть… Ай да Клаймич, ай да сукин сын! Надо же такое придумать. Набрался уже у Гора всяких американских фокусов, и как быстро они спелись…!

Но сама идея в принципе неплоха… Если впереди у нас переговоры с модным брендом — а Burberry это наверняка только первая ласточка — публике стоит увидеть наших звездочек во всей красе. Девочкам есть чем гордиться — фигурки у них спортивные, подтянутые, лица свежие, симпатичные — короче, они мечта любого рекламщика и модельера. Эх, как бы по возвращению в Союз мне не прилетело от отцов девушек… Я тяжело вздыхаю.

У самого Гора для нас тоже отличные новости. С ним вчера

связался известный итальянский продюсер. Кроме трехнедельных гастролей по Италии он предлагает заключить контракт на выпуск сольного диска с итальянскими и англоязычными песнями, в поддержку которого гастроли и пройдут. Они планируются на самый конец августа — начало сентября, когда вся Италия вернется из отпусков, жара немного спадет, но курорты еще будут полны отдыхающих. Маршрут такой: Сан-Ремо, Милан, Верона (там нам вообще предлагают выступить на древней Арене-ди-Верона), Венеция, Флоренция и Сардиния. Ну и Рим естественно, там мы закончим свой гастрольный тур. Короче, нам предлагают самые лучшие концертные площадки и ночные клубы Италии. Я не тороплюсь говорить «да». Сначала нужно обсудить финансовую сторону дела. Сколько получит студия официально и я неофициально. Но поскольку рядом с нами сидит Сергей Сергеевич и ловит каждое наше слово, радости своей я не показываю, и как можно равнодушнее пожимаю плечами.

Громко предлагаю Майклу Гору самому позвонить Щелокову и согласовать с ним новый контракт. Он наш «генерал Манагер»[1] — вот пусть сам и обговаривает все детали. Мое дело — тихо потом предъявить Гору свой личный денежный интерес. Но в любом случае к детальному обсуждению этого контракта мы тоже перейдем только после Уэмбли, чтобы итальянец хорошо понимал уровень популярности нашей группы. Поэтому Гор для начала пригласил его на наш завтрашний концерт, чтобы показать «товар» лицом. Ох, чувствую, завтра на ВИП трибуне соберется очень интересная публика! Как бы все наши кураторы на пару с посольскими не умерли там от разрыва сердца…

Выгружаемся из автобуса и, пройдя через фойе, выходим на трибуну, обозреваем поле предстоящей битвы… Оно еще пустое, траншеи не отрыты, воронок от разрывов снаряд нет, санитары не несут тела убитых.

Сцена практически смонтирована, на ней уже вовсю работают оформители и светотехники. Подиум тоже готов, на нем осветители устанавливают подсветку. А сегодня вечером сюда привезут главные украшения сцены — большие неоновые буквы «Red Stars» и гигантскую «рубиновую» звезду — копию кремлевской. Судя по эскизу, она будет главным акцентом в оформлении сцены. Гор рассказывает, что по углам еще здесь будут установлены стробоскопы, вращающиеся зеркальные шары и пушки следящего света, а также генераторы дыма и тумана. С помощью последнего в воздухе создается легкая дымка, и луч света, проходя сквозь туман, становится ярче и лучше виден. Я всей этой красоты насмотрелся еще в прошлой жизни, видел, конечно, аппаратуру и покруче этой. Но мои орлы заворожено

слушают Гора, для них все это недостижимая, заоблачная высота, о которой в Союзе можно только мечтать.

Ладно, пора ехать на очередную репетицию в студию. Судя по разговору Клаймича с Гором — наш продюсер решительно настроен презентовать «Don't worry, be happy» прямо завтра здесь, на Уэмбли. Только записывать песню придется сегодня. И мне срочно нужно вспоминать оставшиеся слова песни, ну или хотя бы еще один куплет. Так что пока все наши обсуждают ход работ на арене, я, забившись на заднее сиденье автобуса, снова терзаю бумагу. Какие-то слова я, наверное, все же слегка переврал, но в целом текст близок к первоисточнику и на музыку ложится безупречно.

Уже в студии я вручаю этот исчерканный лист Клаймичу с Гором.

— Это третий куплет, и больше я точно не потяну. В конце повторим первый, слегка изменив речитатив.

Гор изумленно рассматривает лист, а у Григория Давыдовича при этом такой гордый вид, словно он это сам и написал. Порой мне даже стыдно, что я дурачу его со своей «гениальностью», но, увы, отменить это я уже не в силах… Потом был разбор полетов — мы все вместе смотрели запись манчестерского концерта. Ошибок, конечно, нашлось немало. Пусть крупных проколов у нас не было, но зато мелких вполне хватило, и Гор нам на них безжалостно указывал по ходу просмотра. Может, зрители их даже и не заметили, но мы-то сами видели их на экране. Под конец у Клаймича набрался целый список таких неприятных мелочей, которых завтра нужно избежать на Уэмбли. Затем до вечера мы с ребятами занимались новой песней. Спокойная, расслабленная манера исполнения позволяет мне беречь мои голосовые связки для завтрашнего концерта, мучаются в основном Коля с его художественным свистом и звукорежиссеры, пытающиеся при монтаже добиться идеального наложения всех партий. Сотрудники студии уже и сами не на шутку увлеклись сложной задачей, оригинальная идея нашей новой песни им очень нравится.

А девчонки в это время наконец-то встретились с английским хореографом и подтанцовкой, нанятой Гором. Посмотрел я, как они работают, и окончательно понял, что танцоры, найденные Татьяной Геннадьевной это полная лажа. Придется в Москве искать им замену, но в первую очередь нужно найти профессионального хореографа. Думаю, сейчас даже Вера понимает, что ее драгоценная маман на эту роль категорически не годится. Гоняет английский хореограф девчонок так, что они бедные взмокли, зато уже через час начинает постепенно

вырисовываться приемлемый результат. Потом звездочки репетируют свой коронный проход по подиуму, доводя его до полного совершенства, а Львова в это время подгоняет сценические костюмы на девушках из подтанцовки и придирчиво отбирает привезенный реквизит. Костюмы для танцовщиц как и реквизит, конечно, пришлось брать напрокат, но зная упорный характер Львовой, можно даже не сомневаться, что к следующим гастролям костюмы она сошьет ничем не хуже этих, а то и на порядок лучше.

После обеда в студию позвонила Анна. В Савой заселился Магнус и они даже успели случайно пересечься в ресторане отеля. Конгрессмен узнал итальянку — как никак она присутствовала на нашей знаменитой игре в баккара в Лас-Вегасе. На той самой игре, где американец проиграл больше миллиона долларов. Ну что ж… Карты вновь розданы, пора и мне выдвигаться.

* * *

— Ну что, теперь можно и в казино? По маленькой? — я хрустнул суставами, потянулся к горящему камину. Магнус рассмеялся каркающим смехом. Схватил кочергу, резко пошуровал ее в огне. Конгрессмен с нашей последней встречи совсем не изменился. Такой же худой, высокий и лысый как бильярдный шар. Лишь густые брови, которые впрочем, не дотягивают до брежневских, выделяются на его породистом лице. После ужина в ресторане отеля, мы поднялись в президентский люкс американца. Тут уже был раззожен камин, на небольшом столике рядом с креслами были разложены сигары в коробках.

— А у тебя красивая девушка. Дочь премьер-министра Италии? — Магнус тщательно выбрал сигару, обкусил ее на декоративной гильотинке и начал тщательно раскуривать

— Вы же и так все знаете. Наверняка ваши помощники составили вам нам меня подробное досье — я взял со стола одну из коробок и начал ее разглядывать. Судя по этикеткам, это были самые знаменитые кубинские сигары — Cohiba Robustos. В своей «прошлой» жизни я пробовал их и мне они показались слишком крепкими. С непривычки сильно бьют в голову.

— А зачем Анна повела мою жену в бассейн? — конгрессмен помахал рукой, разгоняя клубы дыма. Супруга Магнуса в ходе ужина не произвела на меня никакого впечатления. Сухая вашингтонская вобла. Загорелая, такая же высокая как ее муж. Манеры ее были безупречны, но музыкой женщина не увлекалась

и совершенно не понимала, зачем Магнус потащил ее срочно в Лондон. В то, что муженек загорелся сходить на концерт советской поп-группы она не верила, а правду ей, разумеется, никто не говорил.

— На сегодняшний вечер у моей группы запланирована диверсия против британских обывателей. Анна узнала о ней и решила посмотреть.

— Ну ка — заинтересовался Магнус — Что за диверсия?

— Солистки будут плескаться в бассейна в откровенных купальниках. А папарацци — все это тайком снимать.

Ох, прилетит мне по приезду в Союз. Английскую прессу в ЦК мониторят будь здоров и полуголых «звездочек» на обложке точно не пропустят.

— Ха… Маргерет тоже в кадр попадет? — конгрессмен закашлял от неожиданности

— Ну это как повезет — я пожал плечами — Уорен, раз мы с вами одни, может быть обсудим наш проект.

— А у нас есть проект? — Магнус заломил бровь

— Разумеется — я широко улыбнулся — Ваши векселя в обмен на избрание президентом США. Вы еще помните, что должны мне миллион с лишним долларов?

— Как такое забудешь — конгрессмен плеснул себя из графина виски в широкий стакан — Это все происки КГБ? Ты там работаешь?

— Я подросток, Уорен, о чем вы… КГБ сделало бы из вас пусть и высокопоставленного, но обычного агента. Вы же возглавляете комитет по надзору палаты представителей за работой спецслужб?

Мужчина мрачно кивает.

— Если бы я был из КГБ — вы бы уже таскали мне секретные документы папками. Но мне это ничего не нужно.

— Что же тебе нужно?

— Сделать из Америки друга. Хватит уже этой холодной войны, балансирования на грани ядерного апокалипсиса. Я имел возможность завести друзей в вашей стране, посмотреть на жизнь обычного народа. Трудолюбивые, порядочные люди. Нам нечего с вами делить.

Как раз делить нам есть, что со Штатами — целый мир. Но конгрессмену напоминать об этом не обязательно.

— Ты очень необычный парень, Виктор — покачал головой Магнус — Тебе об этом говорили?

— Неоднократно. Так вот. Недавно я получил на свои счета значительную сумму за песню Мы — мир

— Да, отличный сингл, мой водитель каждый раз подпевает

вам, когда на радио ставят этот хит. А ставят его часто. Прости, что ты сказал про деньги?

— Пятнадцать миллионов — четко произнес я — В американских долларах. Их я готов вложить в вашу избирательную кампанию. Деньги абсолютно честно заработанные, разумеется, придут в ваш предвыборный фонд из оффшора — никто ничего разузнать не сможет.

Магнус задумался. Пробормотал едва слышно «советский школьник с оффшором». Покачал головой, налил себе еще виски. Выпил залпом. Ну, же давай, решайся… Я перед отлетом в Лондон изучил в айфоне цифры по американским избирательным кампаниям. Никсон в 69-м потратил 20 млн. долларов. Рейган при переизбрании в 84-м уже 40 млн. Значит, выборы в 80-м году обойдутся примерно миллионов в тридцать. Половину я даю. Вторую половину Магнус соберет со спонсоров. Если не хватит — добавлю. Благо за пластинки и новые песни продюсеры платят аккуратно и регулярно. Плюс гастроли. Плюс игра на бирже…

— С неграми ты угадал — задумчиво произносит конгрессмен — В партии были не очень довольны, что я ношусь с черномазыми, но рейтинги действительно выросли. Некоторые спонсоры уже подходили, зондировали почву. Но в партии все еще пока делают ставку на Рейгана. Для него уже собрали много денег, в первую очередь с оружейного лобби… Мнда… Деньги, это еще не все. Нужны идеи.

— И они у меня есть. Кроме цветного населения, вам нужно сделать ставку на опасность ядерной энергетики. После Три-Майл-Айленд это будет не трудно.

— Допустим — Магнус встал, подошел к окну. Темза все также спокойно и величественно несла свои воды в Северное море.

— Но и это еще не все. Я смотрю новости и похоже, американская администрация потеряла контроль над ситуацией в Иране.

— Это так — кивнул конгрессмен — Бардак полный

— Если все пойдет по наихудшему сценарию, то бардак может обернуться кровью. В том числе американских граждан. Это будет болевая точка Белого дома на ближайший год точно.

Магнус покачал головой. Мужчина пребывал в растерянности, разглядывая меня как какое-то диковинное животное.

— Хорошо, я могу критиковать Картера по Ирану — это не трудно. С ядерной энергетикой сложнее — не все спонсоры будут довольны, но и тут можно придумать что-нибудь. Кокусы избирателей начнутся зимой, есть группы, которые с радостью

выдвинут меня на праймериз. Подберем вице-президента, какого-нибудь популярного политика на взлете…

Ага, Буша-старшего. Но эту идею я пока приберегу на будущее.

Магнус опять задумался. Начал мерить комнату быстрыми шагами. Какой он, конечно, все-таки страшный. Настоящий Кощей в исполнении Георгия Милляра. С избирателями-женщинами будет трудно. Надо будет им предложить какую-нибудь замануху.

— О`кей — наконец, решился конгрессмен — Давай попробуем. В мае я объявлю о начале кампании. Но первый транш в размере пяти миллионов нужно будет сделать уже в конце апреля. Ты готов?

Я встал и протянул руку. Магнус сделал шаг вперед и мы крепко сцепили наши ладони.

* * *

И снова я начинаю свой день с утренней пробежки. Только этим утром компанию на набережной Темзы мне уже составляет «мамонт» — мчится рядом, задавая темп моему бегу. Не дает филонить. В каком-то пустом еще скверике мой персональный мучитель заставляет меня отжаться раз сто от скамейки, а потом с самым невозмутимым видом протягивает мне скакалку. Где он только ее нашел…! Но в принципе Леха прав. Сегодня у нас самый важный день в нашей музыкальной карьере, и уже с утра у меня начался нехилый мандраж. Так я не волновался даже когда песню «Мы — мир» записывали с мировыми звездами. А лучшее средство от нервов, как известно, это физические нагрузки. Вот он меня и нагружает по-полной. Зарядка заканчивается душем в номере и сборами. Кладу распятие в рюкзак, сверху наваливая разные вещи и полотенца.

После Манчестера каждый завтрак у нас начинается с чтения местных газет. И что не день, то новые сюрпризы, просто расслабиться не дают честным людям! Дело с расписками продолжает набирать обороты. Таблоиды «The Daily Express» и «The Sun» пишут уже о панике, царящей в рядах тори — Эдвард Хит это вам не какой-то рядовой член партии, а один из ее лидеров. Даже респектабельная «The Times» вынуждена написать о скандале, правда она сдержанно призывает дождаться результатов расследования. Но главный сегодняшний сюрприз, от которого у Маркова из рук выпадает вилка — это фотографии в таблоиде «The Sun» наших звездочек. На фото бассейн Савойя и

девчонки в модных купальниках — хоть сейчас на подиум. Причем купальники — мини-бикини из трех лоскутков. Фотографии, надо сказать, получились отличные, звездочки на них засняты в самых выигрышных ракурсах и позах. Выглядят они просто божественно — возбудят тысячелетнюю мумию. Вот Вера веселее плещет водой в Альдону. А вот Лада томно изгибается у бортика бассейна. Видимо Гор сам лично отбирал самые удачные кадры. Мужская половина коллектива с моим мнением согласна, зато Татьяна Геннадьевна полна святого негодования.

— Григорий! Что это за порнография?? Зачем нужно было отправлять девочек в бассейн и так их подставлять?!

— Татьяна Геннадьевна — хитрый Клаймич пожимает плечами — Девочкам нужно было расслабиться, чтобы хорошо выспаться перед сегодняшним концертом. Кто же знал, что даже в Савой могут пробраться репортеры из желтой прессы?

— Но ты же должен был такое предусмотреть! Что теперь скажут на это в Москве?!

Татьяне Геннадиевне поддакивает гэбэшник и Марков. Каждый произносит прочувственный спич о чести и достоинстве советских женщин, престиже комсомола, который может быть подорван подобными фотографиями.

Ах ты, боже мой, какие мы правильные!

— Товарищи, прекратите накручивать коллектив перед важным событием! — я хлопаю ладонью по столу — Ну, сколько можно… Предъявляйте свои претензии дирекции отеля, которая допустила на свою территорию папарацци. Это их промах, пусть они за него и отвечают!

И что интересно, оба куратора сразу же заткнулись. Получили новые инструкции из Москвы?

Мы быстро собираемся и грузимся в привычный автобус. Вся дорога проходит у нас в полной тишине. Только Вера шепотом зло отчитывает свою мать, которая затихла, как мышь под веником. Вот то-то же…

А на Уэмбли нас ждут приятные новости, и все претензии наших кураторов сразу же забыты. Гор сообщает нам, что руководство Би-би-си подписала контракт с Атлантик Рекордс на показ концерта, правда, пойдет он не в прямой трансляции, а в записи. Но и это неплохо, сумма контракта на право показа, по словам Гора, вполне приличная. Двадцать тысяч фунтов стерлингов. Мало того, англичане еще и заинтересовались нашим документальным фильмом о визите Моники в СССР, про который им рассказал продюсер. А в Би-би-си ребята не промах! Они хорошо подняли себе рейтинги на шоу Паркинсона с нашим

участием, и теперь на волне интереса к нашей группе готовы заплатить и за фильм. Марков на радостях обещает Гору доставить фильм в Англию диппочтой хоть завтра.

Да уж, посольские товарищи с большим удовольствием поучаствуют в этом — одним махом заработают галочку и у Примакова, и у Романова. А какая отличная реклама Фонду, Олимпиаде и стране в целом! И главное, как все в кассу — показ фильма на ведущем английском канале в свете предстоящей в Лондоне нашей национальной выставки. Это действительно большая удача для советской пропаганды, чего уж скромничать. От таких захватывающих дух перспектив Андрей Иннокентьевич только что не приплясывает на месте и вскоре ожидаемо сваливает в посольство, утрясать вопрос с Москвой. Ну, а нас ждет работа.

Когда мы появляемся на сцене, там уже все практически готово к нашему выступлению. Единственное, что огорчает — Гору не разрешили устроить фейерверк над стадионом. Ну, да… это тебе не Америка. Продюсер дает нам последние пояснения по аппаратуре, показывает, кто и где будет стоять на сцене во время выступления. Слушая его, я согласно киваю головой. Работа проделана колоссальная — если у нас получится все задуманное, это будет поистине триумфальное шоу. Гор обещает провести весь концерт у режиссерского пульта, чтобы лично контролировать процесс, в сегодняшнем успехе он заинтересован не меньше нас. Если сегодня все пройдет, как нужно, это будет выступление, с которым можно смело отправляться в мировое турне. Прояснив кучу деталей, приступаем к генеральному прогону. В основном, эта последняя репетиция нужна нам для того, чтобы правильно выбрать на сцене наиболее удачные позиции для солистов, музыкантов и подтанцовки, потому что сцена большой Арены Уэмбли и манчестерского Apollo — это две огромные разницы.

Занимаем исходные места, ассистенты размечают сцену, Клаймич мелом зарисовывает за нами схемы движения для отдельных номеров. Музыканты и звукорежиссеры занимаются настройкой привезенной со студии аппаратурой, подтанцовка под строгим надзором хореографа репетирует свои номера, звездочки под фонограмму снова отрабатывают свое эффектное дефиле, теперь уже по настоящему подиуму. К обеду Гор с Клаймичем окончательно убеждаются, что все до конца поняли свою задачу и полностью готовы к выступлению. Теперь можно пообедать и немного отдохнуть перед концертом. Пока же народ насыщается, мне пришла пора посетить тайник и избавиться, наконец, от распятия.

* * *

Избавиться не получилось. В туалете постоянно кто-то был. Рабочие сцены, сотрудники стадиона… Я уже устал руки мыть, но остаться одному никак не получалось. Плюнул, ушел. Забрался обратно на сцену, сел на краю, свесив ноги. Постоянное мельтешение людей вокруг утомило так, что я начал понимать «битлов» и прочих звезд, которые накуривались травкой, сваливали в Индию — лишь бы отключиться от этой беспокоящей реальности. А у меня еще бонусом к ней шла моя миссия. Каждое утро я просыпался и спрашивал себя — что сделано для спасения СССР? В копилке у меня было начало экономических реформ, избавление Родины от главных «могильщиков» — Андропова, Громыко… Спас приличное количество людей — авиакатастрофа во Внуково, сибирская язва, жертвы маньяков… Неплохие подвижки по выборам в Великобритании и США. С Италией и Польшей так вообще все отлично вышло. Возможно, удастся ослабить удавку по линии международных отношений. И совесть меня ни разу не мучила — сколько раз американцы и англичане вмешивались в дела моей страны? До прямых интервенций доходило. Итальянские дивизии так вообще воевали против СССР во Второй мировой войне, а поляки… Нет, мы не забыли Лжедмитрия, осаду Смоленска, оккупацию московского Кремля.

А что не удалось сделать? Пока не ясна ситуация с Афганистаном. Уже летом Картер подпишет первую резолюцию о помощи моджахедам. Новое Политбюро с Романовым во главе, возможно, и не полезет в Афганистан так грубо, как это сделали Брежнев и Ко. Только вот гражданская война у границ СССР все-равно случится. И начнет подрывать мощь страны. Опять придется отвлекать средства на помощь союзникам, принимать беженцев… Мало нам всяких «просоветских» африканских режимов.

Еще две реперные точки, которые никак не миновать — землетрясение в Армении и Чернобыль. И если по первому бедствию я уже закинул Романову удочку, то к атомной аварии пока даже не знаю, как подступить. Подождать ибо не горит? Или устроить очередное «озарение», что западные спецслужбы готовят акты саботажа и теракты в Чернобыле? А замаскировано все это будет под научные испытания реактора? Почему бы, кстати, и нет? После такого «откровения свыше» — КГБ получит такой пинок и устроит такие проверки, что ученые навсегда забудут играться с реакторами в рабочем режиме. Хочешь устроить моделирование разных режимов? Делай это на компьютерах. Благо каждый год появляются все более мощные процессоры.

* * *

В семь вечера, с небольшой лишь задержкой, которая в порядке вещей для таких грандиозных концертов, мы начинаем наш лондонский марафон. От группы на разогреве сразу и единодушно решено было отказаться. Нет смысла приглашать незнакомых музыкантов и ждать от них непонятно что, да и времени для тщательного подбора не оставалось. Поэтому будем разогревать публику своими силами.

Передо мной колышется толпа из десятка тысяч людей. Море голов, машущих рук… Очень много девушек сидят на плечах своих парней. Вижу десяток симпотных красавиц. Ну я вас заведу сейчас! Будете мне лифчики на сцену бросать! Я кошу взглядом на вип-ложу. Нет, Анечка точно ничего бросать не будет, но смотрит влюблено. Рядом сидит надменный Магнус с женой, наш посол с Марковым, еще ряд официальных лиц. Но самый большой сюрприз в королевской ложе. Наш концерт почтили вниманием не только премьер-министр Леонард Джеймс Каллаген, но и наследный принц Чарльз в компании с какой-то дамой. Сколько я не вглядываюсь — узнать не могу. Это и не Камилла Паркер и не Диана Спенсер.

Начинаю с того, что традиционно приветствую зрителей:

— Привет, Лондон! — Дожидаюсь ответного приветствия и весело спрашиваю — Слышал, вам очень понравилась наша новая песня, которую мы сочинили на шоу Майкла Паркинсона?

— Да-а!!!

— А хотите услышать ее новую полную версию?

— Да-а!!!

— Ваше желание — закон для нас! Итак: сегодня впервые исполняется полная версия песни «Don't Worry, Be Happy», и вы, друзья — ее первые слушатели.

Наша задача — с самой первой минуты установить хороший контакт со зрителем, настроить его на одну волну с нами и не отпускать внимание до самого конца. Колин виртуозный свист заставляет публику мгновенно затихнуть. Роберт, вторя ему, отстукивает за барабанной установкой ритм и щелкает пальцами, создавая неповторимый рисунок мелодии. Я одет в простые потертые джинсы и серую толстовку с красной звездой на спине. В распахнутом вороте виднеется белая футболка, и мой демократичный вид как нельзя лучше подходит к незамысловатым словам этой песни. Мы с ребятами держимся очень просто, и я пою легко, не напрягаясь, произнося и повторяя ключевые слова песни в самой разной тональности. «The landlord say your rent is late»? — сочувственно спрашиваю я молодого

парня, стоящего в первом ряду. И жизнерадостно советую ему — «Don't worry, be happy!», заставляя парня улыбнуться в ответ.

Ребята в этот момент эффектно завывают в стиле регги, публика тут же начинает хлопать в такт музыке и даже подпевает нам. С открытой улыбкой смотрю в лица людей, стараюсь завести слушателей своим хорошим настроением и заставить их на время концерта забыть о своих проблемах. Это то, что сейчас необходимо людям, и они должны настроиться на одну волну с нами. К концу песни мы уже вполне находим с публикой общий язык, огромная арена, заполненная людьми, ловит каждое мое слово и движение. Есть контакт!

Не давая никому опомниться и не дожидаясь окончания бурных оваций, мы тут же переходим к «Ten O'clock Postman». «Почтальон» уже хорошо раскручен и в США, и в Европе, он по-прежнему занимает первые строчки в разных чартах, и в каком-то смысле эта песня стала нашей визитной карточкой. Публика живо откликается на знакомую задорную мелодию, а я сразу начинаю притоптывать, а потом и пританцовывать в такт заводной музыки. С началом припева я уже срываюсь со сцены и, двигаюсь по подиуму через весь танцпол. По дороге озорно подмигиваю молодым девушкам, приветственно машу рукой группе студентов, на которых прямо поверх джемперов надеты футболки с логотипом нашей группы. Ленин Forever!!

Не знаю как на трибунах, а на танц-поле молодая публика одета очень демократично, и звездочки в своих узких брючках, высоких сапогах и модных свитерах с рукавами а-ля летучая мышь, ничем не отличаются от английских девушек. Ну, если только красивыми славянскими лицами, да безупречными белозубыми улыбками.

Дальше мы исполняем «Valerie». И я снова подвижен, и снова весело скачу по сцене, прикладывая руку к своей груди и жестом изображая, как сильно бьется мое сердце. На последнем припеве я вновь бегу по подиуму, прикладывая ладонь козырьком к глазам и словно отыскивая в толпе эту неведомую Валери. Выхватываю взглядом из толпы симпатичную девчонку, стоящую в первых рядах и неожиданно бухаюсь перед ней на колени, протягивая ей огромную красную розу, прихваченную за кулисами. Публика в восторге от моего экспромта, и ее рев практически заглушает последние аккорды песни. Растроганная девушка смущенно прижимает к своему лицу мою розу. Ее глаза полны слез… Сердца женской половины арены дрогнули, еще немного и они будут завоеваны мной безоговорочно. Награждаю всех женщин воздушным поцелуем и еще раз показываю, как пылко бьется для них мое сердце.

После двух быстрых песен, прыжков и беготни по сцене я уже взмок, как мышь. Но сейчас нам нужно исполнить еще одну очень динамичную песню — «I Wanna Hear Your Heartbeat». Звукорежиссер подает мне знак, что все готово, и звучит проигрыш, который в 90-х годах благодаря Олегу Газманову узнала вся наша страна. Сегодня же пришло время позаимствовать кое-что у самого Олега. Конечно «I Wanna Hear Your Heartbeat» — это не совсем «Эскадрон», и роднит их только заводной проигрыш. Текст у «Воскресной девчонки», как мы ее прозвали между собой, романтичный, темп вообще другой, но чтобы поставить эффектную точку, мы снова повторяем проигрыш в самом конце песни. Перед этим я быстрым движением сбрасываю свою толстовку, оставаясь лишь в футболке и джинсах. Ну, поехали… И под задорную музыку завершающего песню проигрыша я практически в точности повторяю трюк Газманова: сначала динамично приплясываю, а потом разбегаясь, делаю двойной(!) фляк назад, завершая его обратным сальто. Приземляясь я замечаю квадратные глаза о у Маркова в вип-ложе. На стадионе же творится что-то невообразимое! Восторженный мужской рев и истеричный женский визг сливаются воедино, и я понимаю, что английская публика окончательно пала к нашим ногам…

Пока народ приходит в себя и пытается успокоиться, я скрываюсь за кулисами и быстро переодеваюсь в сухую белую футболку и свой стильный темно-синий пиджак с красными жар-птицами. Света успевает причесать мои торчащие после фляков вихры и поправить потекший от пота грим, в то время как на сцене гаснет яркое освещение и звучит вступление самой сладкой песни 80-х «You're My Heart, You're My Soul». Хоть мы значительно и сократили ее затянутое вступление, но время привести себя в порядок мне вполне хватает. И стоит мне появиться на сцене, как вспыхивает софит и выхватывает из темноты меня красивого. Шедевр Львовой отлично виден в лучах прожекторов, направленных на меня с разных точек, и что-то подсказывает мне, что вскоре он станет частью сенсации по имени «Красные Звезды». Звездочки тоже успели сменить сапоги на туфли на высоких шпильках, а джемпера на стильные пиджаки, и камеры снимают их не меньше, чем меня.

Я от души затягиваю хит всех времен и народов. Патока льется из моих уст, я пою с легким придыханием, старательно повторяя интонации, что свели с ума мир в 80-х. Даже интересно, заглотят сейчас лондонцы эту наживку или нет?…Заглотнули, как миленькие! Стрескали и еще добавки попросили. Овации мы этой песней сорвали такие, что мне абсолютно ясно — Европа вполне

готова и к следующим моим смелым экспериментам на ниве поп музыки. Вслед хитом Модерн Токинг следует их же «Cheri Cheri lady». От сладкого пения у меня уже порядком сводит мышцы лица, но я старательно выдерживаю образ страдающего от любви парня. На сцене теперь вовсю работает подтанцовка, так что мне остается только спокойно стоять у микроволна, достоверно изображая сердечные страдания. Затем идет «Take On Me» группы А-На, которую англичане тоже принимают на ура. Ну, а потом мы исполняем «Soli» на итальянском, чтобы немного снизить накал страстей на танцполе, а то некоторые фанатки уже начали раздеваться понемногу.

До перерыва нам нужно поставить яркую точку, завершая первое отделение, и это будет известный публике хит «Still loving you». Только сегодня его исполнит Альдона. Это эксперимент чистой воды, но на репетициях девушка отлично справилась. Все наши замерли за кулисами, наблюдая за ее сольным дебютом и держа пальцы в кулаках. Над сценой сейчас в темноте горит огромная кремлевская звезда и неоновая надпись «Red Stars». В перекрестке лучей на сцене стоит стройная женская фигура, затянутая в черный стильный смокинг, надетый прямо на голое тело. Белые, как бумага волосы Альдоны, собраны в высокий конский хвост. Глаза ее прикрыты, пальцы нервно сжимают серебристый сверкающий микрофон, все мужские взгляды прикованы к ее губам, накрашенным ярко-красной помадой. Она поет так, словно вкладывает в песню что-то глубоко личное, и сейчас от ее привычной холодности не осталось и следа — сумасшедшая атмосфера, витающая в огромной чаше арены Уэмбли, захватила и нашу «льдышку». Скулы Альдоны алеют, пластика и движения сдержаны, но через эту сдержанность, как огонь сквозь толстый слой пепла, пробивается ее внутренняя суть. На словах «I'll fight, babe, I'll fight…» ее синие глаза широко распахиваются, голос взлетает, наполняясь страстью, и стадион взрывается неистовыми воплями. Исполняя припев, Колька Завадский творит со своей гитарой что-то невообразимое. Вдвоем они просто «рвут» Уэмбли, заставляя публику визжать и сходить с ума…У Альки сегодня просто чумовой сольный дебют! За кулисами она падает в наши жаркие объятья, ее губы дрожат, она продолжает растерянно оглядываться на сцену… и, кажется, сама еще не верит в свой триумфальный успех.

* * *

Всей толпой мы отправляемся в гримерку — не смотря на

царящее в наших рядах воодушевление, нам нужно срочно перевести дыхание, отдохнуть немного и сменить сценические костюмы перед вторым отделением. А я еще хочу принять душ и освежиться после всех моих сумасшедших плясок на сцене и акробатических кульбитов. Песни второго отделения будут уже более спокойные, и мне не придется так выкладываться на сцене, но нагрузка на голосовые связки меньше не станет. Татьяна Геннадьевна тут же наливает нам всем из термоса теплый травяной отвар, запрещает остальным беспокоить нас разговорами. Ведет себя как заботливая наседка. Что с ней случилось?

Пока мы приводим себя в порядок, переодеваемся, и гримеры поправляют наш грим, Григорий Давыдович кратко напоминает нам дальнейший порядок выступления. Неожиданно его прерывает появление Гора. Полураздетые девчонки с визгом бросаются за ширмы, но продюсер бросается первым делом ко мне. Крепко жмет руку, говорит в каком он восторге от концерта. Больше всего американца воодушевил соло Альдоны. На репетиции результат выглядел немного скромнее, и нам с Клаймичем пришлось даже уговаривать его пойти на риск. Как оказалось не зря…

Вслед за Гором прибегает Марков. Цэкашного товарища эмоции разрывают напополам. С одной стороны он мне скороговоркой выговаривает за кривляние и прыжки на сцене, с другой — захлебываясь от восторга, сообщает, что в королевской ложе находится не только наследный принц Чарльз со своими друзьями, но и бельгийский принц Филипп, с которым мы живем в одной гостинице. Меня так и подмывает спросить его: с кем же пришел, но Андрей Иннокентьевич уже переключился на ложи для ВИП гостей — там тоже сегодня персоны первой величины. Кроме Анны и Магнуса пришел мэр Лондона, Майкл Паркинсон, Кейт Буш…

И вот начинается второе отделение… Гаснет свет, по стадиону разносится хорошо узнаваемый шум аэропорта. Слышен рев взлетающих и садящихся лайнеров, монотонный женский голос объявляет о прибытии самолета японских авиалиний, сначала на английском, потом на японском языке. Мигают «бортовые огни самолета», вдоль «языка» подиума, рассекающего танцпол, зажигаются и переливаются лампочки, имитируя посадочную полосу аэропорта. Вспыхивают софиты, освещая меня в форме командира экипажа. Одновременно раздаются первые аккорды песни «Japanese Girls», и софиты выхватывают из темноты трех звездочек, стоящих в центре сцены. Они в форме стюардесс — узкие юбки длиной по колено, приталенные

пиджаки с нашивками, яркие шейные платки и короткие белоснежные перчатки. На головах девушек пилотки и черные парики. Звучит приветствие на японском языке. Девушки, ослепительно улыбаются, синхронным жестом вскидывают руку к пилотке, приветствуя зрителей, и с первыми словами песни начинают свое движение, шествуя модельным шагом по светящемуся подиуму. Лада идет чуть впереди, за ее спиной клином держатся Вера и Альдона. Дойдя до конца подиума, они посылают публик воздушный поцелуй и синхронно разворачиваются на высоких каблуках. Перестраиваются, снова пропуская Ладу вперед, и гордо шествуют назад, демонстрируя публике свои шикарные попки, обтянутые узкими юбками. Припев они поют уже вместе со мной.

Подтанцовка в этом номере состоит из трех девушек тоже загримированных под японок, одетых в традиционные кимоно и японские сандалии на платформе. В их руках яркие японские бумажные зонтики. Мелко семеня, они, то выстраиваются в одну линию, вращая свои зонтики, то встают за спиной друг друга, синхронно отклоняя их в разные стороны в такт звучащей музыке. Плавные движения их рук завораживают, временами они застывают, становясь похожими на разрисованные фарфоровые статуэтки. К началу второго куплета звездочки выстраиваются в ряд и под музыку изображают предполетный инструктаж пассажиров, сопровождая его профессиональными жестами рук, хорошо известными всем авиапассажирам. Их жесты отточены, синхронны, с лиц не сходят сияющие улыбки. В их руках, словно из воздуха появляются ремни безопасности, с которыми они устраивают настоящее шоу. Снова припев, и снова в центре внимания «японки» в кимоно, только теперь в их руках японские веера, расписанные цветущими ветками сакуры. В конце песни наши «стюардессы» опять совершают свой триумфальный проход по подиуму, вскидывая руки к пилоткам в прощальном жесте. Публика, предчувствуя финал песни, взрывается восторженными криками, даже не дожидаясь последних аккордов песни.

Пока публика беснуется, требуя еще одного прохода «стюардесс» по подиуму, я успеваю за кулисами скинуть китель с рубашкой и натянуть на себя свою знаменитую черную футболку с Лениным. Несколько быстрых глотков минералки и я готов к выходу. Девчонки отправляются переодеваться и готовиться к новому номеру — до окончания концерта они будут в длинных платьях. А я занимаю место рядом с музыкантами. Беру в руки микрофон и толкаю короткую проникновенную речь о том, как хрупок этот мир, о том, что мы должны беречь его не только для себя, но и для будущих поколений. А значит, настал час сделать

шаг навстречу друг другу…

Снова гаснет свет на арене, с тихим шелестом включаются генераторы дыма, и по сцене медленно стелется туман, слегка подсвеченный синевой. Тут мне не вовремя приходит в голову шутка про два килограмма анаши в дым-машинах. Смех так и рвется из меня — сказывается нервное напряжение. И лишь огромным усилием воли, я сохраняю на лице возвышенное выражение.

Сразу вместе с туманом на заднике вспыхивает рубиновая звезда и раздаются первые аккорды «Wind Of Change». Их сопровождает печальный и виртуозный свист Коли Завадского. Публика затихает, внимательно вслушиваясь в грустную красивую мелодию… Мягкий свет софитов выхватывает меня и группу музыкантов — Роберт за ударными, клавишник и два гитариста. Эта песня — звездный час Николая… Наша версия скорпионовского хита более лирична и спокойна, в ней нет надрыва, но в ней и нет места женским голосам, это чисто мужская и немного печальная баллада…

А потом рок балладу сменяет уандеровская «I Just Called To Say I Love You», ее мы исполняем…вместе со зрителями. Нет, я, конечно, знал от Гора, что эта песня очень популярна в Европе, ее постоянно крутят по радио и все такое… но вот чтобы петь ее всем огромным стадионом…?! Как-то неожиданно это, хоть и очень приятно… Но что есть, то есть — публика начинает подпевать нам практически с первых же слов. Нужно было видеть глаза Завадского, Роберта и остальных музыкантов. Звездочки-то после Нью-Йорка уже привыкшие к причудам западной публики, а вот для парней это явилось настоящим сюрпризом. Наверное, именно в этот момент они по-настоящему и осознали популярность нашей группы и наших песен. Да, парни… это вам не на деревенской дискотеке лабать… Нанятая Гором подтанцовка выкладывается на сцене на все 100 % и служит прекрасным дополнениям к нашим песням. Видно, что девушкам-танцовщицам и самим очень нравится музыка, под которую они пляшут.

Следом за «I Just Called» идет «Remember the Time». В нашем варианте ее слишком длинный текст немного сокращен, и часть «голосовых украшательств» Майкла Джексона убраны. Зато антураж… Я опять меняю одежду — на мне черная куртка, ворот и лацканы которой расшиты пайетками, которые сверкают в лучах стробоскопа, словно зеркальная чешуя. А на руке, держащей микрофон…на ней знаменитая «зеркальная» перчатка Джексона. На словах припева я замираю на несколько секунд, приподнявшись на носках кроссовок. Протягиваю руку в

сверкающей перчатке к звездочкам, а потом начинаю скользить по сцене лунной походкой, оставаясь лицом к девушкам, но при этом все больше и больше отдаляясь от них. Проскользив так метра три, я несколько раз проворачиваюсь на пятках вокруг своей оси и замираю. Еще раз подняв руку в сверкающей перчатке вверх, приподнимаюсь на пару секунд на носках кроссовок, снова замираю и тут же начинаю скользить в обратную сторону к микрофону. Конечно, до клоунских выкрутасов Майкла мне далеко, да и не ставил я перед собой такой задачи. Но неискушенной публике этого фрагмента лунной походки хватило с лихвой, чтобы последние аккорды песни утонули в восторженном реве и визге толпы… В первых рядах у людей слезы на глазах! Вот она сила искусства. Нет, не зря я столько мучился разучивал «лунную походку»!

Мы возвращаемся к нашему привычному репертуару. В поток сладких хитов органично вливается «Феличита» — самый первый европейский хит, положивший начало зарубежной известности Красных Звезд. Ее мы, как всегда исполняем с Верой. Народ на арене понимает, что дело идет к завершению концерта, и отпускать нас со сцены не хочет, требует продолжения «банкета». С танцпола несутся выкрики с просьбой повторить «Почтальона» и «Японских девушек» молодежь хором скандирует название наших песен. Ну что ж… Это было предусмотрено. Половина второго отделения специально выделена «на бис». Бисируем Почтальона, I Just Called To Say I Love You, Remember the Time. Приходится еще раз пройтись «лунной походкой» под крики и вопли.

Внезапно на сцену начинают лезть возбужденные подростки обоих полов. Народ не выдерживает и рвется к своим новым кумирам. Но наши «тяжи» во главе с Лехой работают четко. Выскакивают на сцену и по двое утаскивают фанатов за кулисы. Причем делают это вежливо, безо всяких заломов рук и хватания за шей. Просто за счет своей комплекции и внушительного вида. Никто не сопротивляется, лишь одна девушка в рывке вешается на меня с оглушительным визгом, но и ее уводят.

А торжественным, завершающим аккордом нашего концерта, стало исполнение «We are the World». Но сначала был, конечно, мой проникновенный спич о том, как сильно нуждаются в нашей помощи дети Африки и стран третьего мира, и об открытии филиала благотворительного Фонда «Мы мир» в Лондоне. О том, что значительная часть средств, полученных от проведения сегодняшнего концерта, будет перечислена в этот Фонд, а значит и зрители, присутствующие сейчас на концерте уже внесли сегодня свой первый вклад в дело помощи голодающим детям. И

я очень надеюсь, что этот их вклад будет не последним. Благодарю лично премьер министра Каллагена за то, что он поддержал идею и обещал оказать всяческое содействие нашему проекту. Идет вступление, зрители начинают раскачиваться в такт музыке, их руки парят над головами, как волны. Первый куплет пою я и музыканты, припев исполняют звездочки, которым подпевает весь стадион. Это что-то фантастическое! Несколько нанятых Гором людей в толпе поднимают руки вверх. Они держат горящие зажигалки. И тут же окружающие начинают к ним присоединяться. Над Уэмбли уже совсем темно. Солнце давно зашло, режиссеры притушили свет прожекторов. Тысячи огоньков раскачивается по всем стадиону под звуки песни. Феерическое, незабываемое зрелище!

А потом нам устраивают такие овации, что их, наверное, слышит весь Лондон. Кажется еще немного и от них рухнет крыша стадиона. Эмоции переполняют и нас, и зрителей. На глазах у многих блестят слезы. Даже Альдона теряет все свое хваленое самообладание и кусает губы, чтобы не заплакать вслед за Ладой и Верой. Но это слезы счастья. Мы первая советская группа, добившаяся такого ошеломительного успеха на Западе… Да, это наш настоящий триумф…!

* * *

После концерта по традиции фуршет для ВИП персон, для этого на Уэмбли есть специальные помещения, и даже пара ресторанов. Мероприятие сугубо закрытое, но перед закрытыми дверями зала толпятся репортеры, пытаясь заглянуть туда и заснять хоть кого-то из знаменитостей. Мы со звездочками уже переоделись, смыли с лиц сценический грим и Светик привела нас в порядок. Наше появление в сопровождении охраны вызывает шквал фотовспышек. Останавливаемся, давая заснять себя во всей красе на фоне задника с логотипом Уэмбли. И на мне и на девчонках черные смокинги, но если в моем смокинге необычна только бабочка, расшитая сверкающими пайетками, то одежда звездочек вызывают настоящий фурор, и не только у репортеров. Стоит нам переступить порог зала, и мы оказываемся в центре внимания. Звучат многочисленные приветствия и тосты в наш адрес, шампанское течет рекой, столы ломятся от закусок и изысканных десертов. Даже я в небольшой растерянности от масштабов происходящего, это торжество мало похоже на рядовой фуршет. Каждый из гостей хочет пообщаться с нами и сказать в каком восторге он или она от концерта. Из-за этого

создается легкая неразбериха и толчея.

Но сначала нас подводят к главной ВИП персоне этого мероприятия — принцу Чарльзу, который изъявил желание познакомиться с советской группой. Смотрю на него и хихикаю про себя — вытянутое лошадиное лицо, залысины уже в таком молодом возрасте, и ни малейшего признака породы, в кого только уродился такой…блеклый ушан. Будущие сыновья на его фоне просто настоящие красавцы, и королева должна быть благодарна Диане Спенсер, которая значительно улучшила королевскую кровь Виндзоров. Но сейчас он не с ней, и даже еще не с Сарой — сестрой Дианы — а с какой-то Амандой Натчбулл. Анна шепчет мне на ухо, что королева желает видеть ее своей невесткой. Угу… пусть желает дальше. Эта невзрачная Аманда пошлет ее сыночка куда подальше и на горизонте тут же нарисуется роскошная Диана… Которая, впрочем тоже окажется с большими тараканами в голове.

А вот бельгийский принц Филипп оказался намного приятнее Чарльза, и кажется, очарован нашей Ладой. Жаль, что девочке пока не до принцев…

Фуршет идет своим чередом, народ тусуется, разбиваясь на мелкие группки. Каждый пару минут кто-нибудь произносит тост в нашу часть. Чарльз довольно быстро свалил со своей компанией, за ними следом ушел и Каллаген со свитой — дышать сразу стало как-то свободнее. Я пожимаю руки мужчинам, целую в щеки женщин, голова идет кругом. Еле успеваю договориться с Магнусом пообедать. Нет, не завтра, конечно. Конгрессмен понимает как тяжело нам дался Уэмбли. Когда мне будет удобно.

В ходе фуршета я понимаю, как же мне все-таки помогает Анна! У нее врожденный навык управлять подобными мероприятиями. Ненавязчиво, всего лишь одной улыбкой, она сортирует гостей вокруг меня. Кого-то подзывает, перед кем-то извиняется… Усталость уже дает о себе знать. Я уже намекаю взглядом на выход, но мы попадаем в цепкие ручки Грейс Мирабеллы — главного редактора «Vogue». Настырная тетка рвется пообщаться, ее очень интересуют смокинги звездочек и вопросы сыплются на меня один за другим. Этот допрос с пристрастием уже тянет на полновесное интервью. Нет, мадам! Такие важные вопросы на ходу не задаются, хотите получить серьезное интервью — назначайте нам встречу, и мы с госпожой Львовой с удовольствием с вами пообщаемся. Грейс Мирабелла согласно кивает. Если завтра днем организовать в Савойе фотосессию, то статья про нашу группу войдет в ближайший номер «Vogue». Заманчиво… Рискнув, даю свое согласие, надеясь, что не порушу планы Гора и Клаймича. Статья в «Vogue» за

подписью самой Грейс — это отличный аргумент на предстоящих переговорах с Burberry.

Отделавшись от Грейс, прячемся с Анной за колонной. Завтра днем ей улетать домой и сегодня у нас осталась последняя ночь. Обещаю, что проведу ее с ней. Но поговорить нам толком не дают, наше уединение опять нарушают. Девушка с незаметным вздохом представляет мне известного итальянского продюсера Серджио Рицоли, который явился в Лондон по нашу душу. Именно о нем и рассказывал нам Гор. Красивый высокий мужик лет сорока с профилем римского патриция и гривой темных волос оказывается очень приятным в общении. От концерта итальянец в полном восторге, единственное пожелание — добавить в репертуар несколько новых песен на итальянском языке. До осени, на которую планируются гастроли, времени еще много и я осторожно обещаю постараться. А пока веду его знакомиться со звездочками и тихо фыркаю, наблюдая, как у бедного итальянца разбегаются глаза от женской красоты. Он целует дамам руки, заливается соловьем, взволнованно мешая итальянские слова с английскими и теряет дар речи, когда наши девушки довольно сносно отвечают ему на его родном языке. Все! Итальянец сражен наповал и немедленно развивает бурную деятельность, пытаясь ухаживать за всеми сразу. Казанова блин…

Анна смеясь рассказывает, что Серджио по молодости умудрился жениться на редкостной стерве, и лишь три года назад ему удалось развестись с ней. Скандал был на всю Италию, и он долго приходил в себя после развода, но сейчас мужик снова в поиске и активно ищет себе подходящую жену. Прошу Анну намекнуть ему, чтобы он закатал свои итальянские губы. У меня для него даже есть специальная губозакатывательная машинка. Мои девчонки на пике музыкальной карьеры и замужество пока не входит в планы. В мои планы!

Глава 5

11 апреля 1979 года, среда, 8.15.
Великобритания, Лондон, Уайтхолл

— Надо ускорить операцию, ситуация начинает выходить из-под контроля — раздраженный шеф МИ6 Дик Фрэнкс быстро вышагивал вдоль стены, на которой висела карта мира. Над ней красным огоньком мигала лампа, сигнализирующая о включенной системе электронного подавления в защищенной комнате.

— Но кто же знал, что русские окажутся способны на ТАКОЕ! — пожал плечами Говард Смит. Аристократичный директор МИ5 поправил шелковый галстук и налил себе из графина воды.

— Да еще эти чертовы расписки, будь они не ладны!

— Концов не нашли? — Дик вытер пот со лба платком и уселся рядом с Говардом

— Ищем. Но наши источники в окружение Каллагена в один голос заявляют, что для него это тоже стало большим сюрпризом. Похоже, действует какой-то Робин Гуд — одиночка, и что у него еще в рукаве можно только догадываться.

— Знаем мы этих «Робин Гудов» с Лубянки…

— И тем не менее. Судя по последним опросам, Каллаген начинает уверенно догонять Тэтчер. Еще неделя, другая и они сравняются по рейтингам. А пока Маргарет пытается железной рукой навести порядок в своих рядах, лейбористы могут и уйти в отрыв

— М-да… а впереди еще несколько митингов с участием Каллагена в разных городах… Концерт этих русских в Бирмингеме…

— И выставка Советов 18-го…

— И выставка… Хорошо. Видимо действительно придется ускорить события — сейчас это единственный способ переломить ситуацию. Русских нужно заставить убраться домой.

— Да. Иначе бешеный успех их группы тоже припишут Каллагену.

— Но какого черта на Уэмбли поперся Чарльз?! Неужели не понятно, что его появление в одной ложе с Каллагеном сейчас недопустимо?

— С этим упрямым бараном бесполезно спорить! Он любую нашу просьбу воспринимает в штыки. В результате еще и на фуршет после концерта заявился. Сфотографировался с премьер-министром и этими Красными Звездами. Идиот. Ты понимаешь,

что даже консервативно настроенная пресса не может замолчать все это?

— Понимаю. Но с прессой мы как-нибудь разберемся, а вот русских нужно припугнуть. И поскорее.

Дик Фрэнкс тяжело вздохнул.

— Исполнители уже прибыли в Лондон. Мы ждали, когда из Савоя уберется бельгийский принц и американский конгрессмен. Ты кстати, не знаешь, зачем он прилетел в Лондон?

Директор МИ5 покачал головой. Мужчины помолчали, каждый думая о своем.

— Нельзя проводить акцию в таком месте — шеф МИ6 достал сигарету, закурил — Все должно пройти аккуратно… Надо подобрать другую локацию

— У нас больше нет времени ждать! — припечатал ладонью к столу Говард Смит — Как там русские говорят? Лес рубят — щепки летят?

* * *

— Витья!

— У?

— Витья, просыпайся!

— Аня, дай поспать

— Я не поняла, говори по-итальянски

— Воглио… черт… как же там… дормиле

— Витья, там деньги принесли!

— Какие деньги?

— Целый мешок

Тут я, конечно, просыпаюсь. За окном позднее утро, светит солнышко. Рядом с нашей кроватью, действительно, стоит черный холщовый мешок.

— Консьерж принес — Анна потягивается и сквозь прозрачную ночнушку просвечивает идеальная грудь с торчащими сосками. Я с трудом сглатываю, кладу руку на бедро девушки. Провожу ладонью по шелковистой коже, задирая вверх ночнушку. Девушка поворачивается ко мне попкой и… до мешка дело доходит только спустя полчаса.

В нем и правда деньги. Фунты, доллары, немецкие марки и даже экзотические ямайские купюры.

— Принесли какие-то негры с утра на рецепцию. В фонд помощи африканским детям. Консьерж не хотел брать, но толпа начала скандалить

— Какая толпа? — я запихиваю деньги обратно в мешок и

смотрю на итальянку

— А ты выгляни в окно

Мама родная! Я смотрю вниз и вижу, что вся улица перед Савоем запружена толпой народа. Автомобильное движение остановлено, вход в отель патрулируют полицейские. В руках у молодежи самодельные плакаты. Вижу надписи «Red Stars», «I love you, Victor!» и разные другие милые приветствия.

— Сколько же тут фанатов…

— Вот-вот. Тебе теперь никуда не пройти без охраны

— Почему мешок принесли к тебе в номер?

— Не знаю. Может персонал видел, как ты поднимался ко мне?

Эх… Спалили нас. Консьерж сольет в газеты, те раструбят на весь мир. Вера и Альдона устроят мне бойкот. Это минимум. Или в респектабельном Савое персонал хранит молчание? Я подхожу к столу, наливаю себе апельсиновый сок. И что теперь делать? Не стоит еще забывать о распятии, что Леха вчера увез в моем рюкзаке обратно в номер. С ним что делать? Да за мной теперь куча фанатов и папарацци будут ходить по следам — тут уже не до тайников. Тяжело вздыхаю.

Анна умывается в ванной, я же быстро одеваю свой смокинг, а экзотическую блестящую бабочку бросаю на стол. Эх, помялась то как… Перезавязать бы ее, ну да ладно. Черт, как же неудобно перед Львовой. Ну что мне стоило повесить ее вчера вечером, а не бросать в порыве страсти на пол. Ведь это же раритетная вещь, через пару лет можно будет продать на аукционе. Да даже сейчас фанаты с руками оторвут. Из ванной появляется Анна. Девушка выглядит так свежо и невинно, что у меня опять появляются посторонние мысли.

— Дорогая, а нам не пора подкрепиться?

И снова у нас совместный завтрак, снова заботливый уход Анны за моим горлом, и чтение утренних газет. Только теперь на первых полосах всех без исключения газет — вчерашний концерт Красных Звезд на Уэмбли. Даже консервативные «The Daily Telegraph» и «The Daily Mail» были вынуждены написать о нас в связи с посещением мероприятия наследным принцем Чарльзом. Пусть и скупо, но они похвалили группу, отметив, что молодые советские артисты держались непривычно раскованно, и музыка была выше всех похвал. Ну, вот дожили…! Анна старается казаться веселой, шутит, но в глазах ее печаль. Я не знаю, чем мне утешить. После завтрака устраиваемся в обнимку на диване в гостиной и долго сидим молча. К чему слова, если и так все понято… Я задумчиво перебираю ее тонкие пальцы, унизанные кольцами — два из них мои, и Анна носит их теперь, не снимая…

— …Знаешь, когда вчера я увидела тебя в форме летчика, я вдруг подумала, что моя жизнь теперь стала похожа на жизнь невесты военного. Ты как будто постоянно в командировках, а я живу от встречи до встречи с тобой…

— Похоже… Единственное, что радует — мои выезды за границу становятся все более частыми…

— Да, наверное… Но мне так не хочется с тобой разлучаться…

— Зато, какие у нас с тобой жаркие встречи!

— Это да! — Анна тихо смеется и трется носом о мою щеку — Всегда хотела закрутить роман с летчиком, и теперь моя мечта практически осуществилась.

— В следующий раз я обязательно приду к тебе на свидание в форме. — Я целую Анну в висок, и она довольно вздыхает — И вообще, я стану для тебя кем ты захочешь: сегодня летчиком, завтра сержантом армии, послезавтра парнем из римского пригорода. Для тебя я готов на все.

— Но не уехать из Союза в Италию?

— Нет. Этого я даже не буду тебе обещать. Пока я нужен своей стране.

— Витья, иногда мне кажется, что ты старше меня. Мудрее. И ты как будто с другой планеты…

— Так оно и есть. Я засланный шпион-инопланетянин и собираюсь захватить весь этот мир!

Мы начинаем хохотать и тискать друг друга, и наша возня закономерно заканчивается поцелуями, а потом и изумительным прощальным сексом в спальне, приправленным горчинкой расставания.

* * *

…Возвращаюсь в номер и узнаю от Лехи, что наши все только проснулись и теперь собираются пойти в ресторан на одиннадцатичасовой чай. А еще мне недавно звонила Грейс Мирабелла, оставила телефон, просила срочно перезвонить.

— Вить, а что это у тебя за мешок в руках? — интересуется «мамонт»

— Да вот, решил устроить сердечный приступ Маркову. А заодно Сергей Сергеевичу — я вываливаю на кровать кучу смятых купюр. На кровати деньги не помещаются — часть падает на пол. Глаза у Лехи становятся квадратные

— И сколько тут??

— Без понятия. Надо считать. Какие-то негры принесли.

Собрали для африканских детей. Зови Клаймича и Маркова. Пусть приходуют все и обязательно акт составят с подписями. «Опись, прОтокол, сдал, принЯл, отпечатки пальцев»… Чтобы комар носу не подточил.

— Может Давыдыча не надо? — Леха задумчиво перебирает купюры

— Это еще почему?

— Вспомни, какую статью ему шили…

— Мнда… Об этом я не подумал. Тогда Сергей Сергеевича…

— Ничего, прорвемся — я хлопаю «мамонта» по плечу — Сдадим деньги по акту в Фонд Мира — еще и поблагодарят

Леха уходит, а я перезваниваю редактору Вог. Ассистент Грейс сообщает мне, что съемки и интервью пройдут в одном из люксов Савойя на пятом этаже. Сбор назначен в полдень. Не успеваю положить трубку — звонит Гор. «Радую» его осадой отеля, и как из него выбираться сегодня — я ума не приложу, улица практически перекрыта фанатами. Гор после недолгих раздумий предлагает встречу с представителями Бербери тоже провести в Савое, но ближе к вечеру, после съемок для «Vogue». А музыкантов он ждет в студии — нужно срочно заканчивать запись альбома.

Расслабляться некогда. Жизнь продолжается и бьет ключом… И все по голове и по голове. Иду на завтрак, а передо мной по коридору консьерж толкает вешалку на колесиках, на которой развешаны многочисленные плечики с одеждой из химчистки при отеле. С удивлением узнаю в ней наши сценические костюмы. Консьерж стучится в номер Львовой. Нет, она у нас все же настоящее сокровище — все предусмотрела, и даже вещи успела сдать в химчистку!

* * *

Съемки Vogue начинаются минута в минуту, и я воочию убеждаюсь, что мир моды — это сборище зубастых акул. Грейс Мирабелла улыбчива, но в ее глазах стальной блеск. Эта леди высоко ценит свое время и не намерена тратить его понапрасну. Все происходит четко по заранее составленному плану. Ее сотрудники серьезны и сосредоточены, можно подумать, что это не работники модной индустрии, а солдаты под предводительством генерала. Приказы «леди Vogue» отдает четким командным голосом, и исполняются они неукоснительно. Если кто-то из нас наивно считал, что эта фотосессия будет приятным времяпрепровождением, он жестоко ошибся. Это

оказалось нудным и довольно утомительным делом, и я рад, что у девчонок не осталось иллюзий на этот счет. После этой фотосессии контракт с модным брендом предстал перед нами несколько в ином свете, и мне нужно хорошо подумать, стоит ли вообще тратить на это свое время и главное силы.

Когда мы появляемся на пороге номера, в большой гостиной шикарного люкса уже вовсю кипит работа. Ассистенты фотографа заканчивают выставлять софиты и светоотражатели, сам фотограф занят настройкой аппаратуры, рабочие под руководством Грейс передвигают диван и кресла, выбирая наиболее выигрышное положение в интерьере. А визажисты и парикмахеры уже оборудовали свой уголок с переносными столиками и зеркалами. Грейс отвлекается на наше появление и приступает к придирчивому отбору принесенной нами одежды. Как мы и предполагали, она сразу отвешивает в сторону наши смокинги — кадр с ними украсит разворот журнала и будет центральным в статье. Все остальные кадры будут второстепенными и меньшими по размеру. Со смокингов мы и начнем. Звездочек отдают в безжалостные руки визажистов и парикмахеров, нашей Светке милостиво разрешено понаблюдать за работой профи. При этом у нее такое выражение лица, словно она получила пропуск в рай.

Мы тем временем беседуем с Грейс и Львовой. Татьяна Леонидовна не слишком сильна в английском, так что мне приходится помогать с переводом, хотя некоторых их профессиональных терминов не знаю и я. Тем не менее, дамы прекрасно понимают друг друга, и по мере разговора Грейс все больше посматривает на нашу Львову с уважительным удивлением. Видимо до этого она считала, что у нас по улицам ходят медведи, а народ носит ватники. В результате кроме смокингов и летной формы Грейс решает снять звездочек в вечерних платьях, а меня в двух знаменитых пиджаках и наряде а-ля Джексон.

— И обязательно «зеркальную» перчатку! — Мирабелла обаятельно мне улыбается — Виктор, вы же сможете встать в ту же позу, что вчера на сцене? На цыпочках, подняв руку вверх?

— Разумеется

А дальше начинается изнурительный процесс съемок, к концу которых я уже готов повеситься. Нас снимают в разной одежде и в самых разных ракурсах, обращаясь с нами как с бесправными куклами и заставляя, то беспрерывно улыбаться, то делать загадочное выражение лица. При этом Грейс постоянно спорит со своим фотографом, но каким-то непонятным образом им неизменно удается достичь консенсуса. Сразу понятно, что эти

двое работают бок о бок не один год. В перерывах между съемками Грейс ненавязчиво беседует со мной и звездочками, но кажется, быстро понимает, кто у нас в группе главный двигатель прогресса и дальше общается только со мной и Львовой. А потом она и вовсе велит Татьяне Леонидовне сесть в кресло к визажисту. Надо так понимать, что фото нашей Львовой тоже будет в этой статье. Отщелкав сеты в смокингах и летной форме, Грейс переходит к вечерним платьям. Потом спрашивает нас про купальники. Но здесь я непреклонен. Если хочет, пусть воспользуется кадрами папарацци — ей их не составит труда добыть. Но студийных съемок в бикини не будет. Этого мне в Москве точно не простят.

На этом звездочек отпускаем, и дальше все мучают только меня. Самыми трудными стали для меня съемки в джексоновском прикиде. Меня заставляли застывать в разных сложных позах и бесчисленное количество раз изображать лунную походку. Что интересно, Грейс сразу же, еще при отборе, сказала, что в этом сценическом костюме не хватает шляпы. И ее мигом привезли! Поняв, что от нее мне не отвертеться, я быстро припомнил все джексоновские трюки со шляпой и довольно убедительно изобразил их перед камерой, чем вызвал у группы бурный восторг. Вообще-то, конечно, я получил бесценный опыт на этих съемках, работая с профессионалами экстра класса, и теперь хотя бы представляю, чего мне ожидать от Burberry. Пока группа собирала свои вещи и аппаратуру, мы еще немного поговорили с Грейс. Обсудили с ней новые тенденции моды, целесообразность контракта с модным брендом и многое другое. Как ни странно, она тоже посоветовала мне не связывать себя долгосрочными контрактами и вообще обратить свое внимание на итальянских дизайнеров — за ними будущее. Я мог только подивиться профессиональному нюху «леди Vogue» и поблагодарить ее за добрый совет. Расстались мы если и не друзьями, то добрыми знакомыми…

* * *

Переговоры с представителями Burberry мы с Гором очень удачно совместили с поздним обедом в ресторане Савойя. Модный бренд прислал на встречу руководителя отдела рекламы и креативного директора, отвечающего за развитие нового молодежного направления. Оба довольно приятные люди среднего возраста, в типичных английских клетчатых костюмах, без малейшей чудинки в одежде или в поведении. Классические

менеджеры высшего звена и вели они себя соответственно. Весь обед меня не оставляло ощущение, что меня аккуратно пытаются загнать в стойло. Их послушать, так предлагаемый контракт — это просто мечта любого молодого артиста, и мне оказана небывалая честь представлять прославленный бренд. Угу… Без лоха и жизнь плоха.

Я слушал, молча кивал и ел, предоставив Гору отдуваться самому. А что? Мы же на обеде или где? Мой молодой растущий организм в первую очередь должен хорошо питаться. Довольно скоро я понял, что и сам Майкл Гор не в восторге от предложений «клетчатых». Нам такой тотальный контроль со стороны третьих лиц совершенно не нужен, кураторов и советчиков у нас и так уже выше крыши. И главное — никто там не собирается делать из меня икону стиля — Burberry тупо собираются использовать Красные звезды в качестве манекенщиков, или как говорят в народе — вешалок. А еще эти господа, кажется, держат меня за малолетнего лоха, пытаясь прельстить тем, что мои фото будут во всех модных журналах. Наконец, я не выдерживаю и замечаю:

— Да я собственно и так там буду, куда я денусь-то…! Грейс Мирабелла, например, готовит большую статью о нас в ближайшем номере.

— А сегодня вечером у Виктора интервью с популярным журналом Music Week, и завтра часовой спецвыпуск в эфире Radio 1, посвященный «Red Stars».

Я укоризненно смотрю на Гора — ты меня совсем загонять решил, отец родной?! Тот незаметно подмигивает мне — значит, или блефует, или опять в ход американские хитрости пошли. Но отношение ко мне «клетчатых» меняется просто на глазах. А вот уж нет. Поздно. Не нужны мне ваши буржуинские милости, перебьюсь без них… Я хорошо поел, все было вкусно, но пора закругляться.

— Господа, в общих чертах все ваши предложения нам понятны. Но я думаю, что и вам, и вашему руководству нужно еще раз хорошо обдумать условия предлагаемого нам контракта, а затем прислать его в Москву на рассмотрение. К своему руководству я уже должен идти с совершенно конкретными предложениями. Думаю сумма — тут я беру ручку, пишу на салфетке миллион долларов прописью и подвигаю ее к менеджерам — Будет вполне уместна

Надо было видеть лица «клетчатых». Шок. Я пожимаю плечами. Не хотите? Найдем другие бренды.

— Разумеется, это в расчете на три года — Гор приходит на помощь представителям Burberry — Таким образом, в год получается чуть меньше трехсот тысяч, если учесть налоги…

На этом мы и прощаемся. «Клетчатые» уходят в некотором обалдении. Думают, что я сошел с ума. Или словил звездочку. Ведущие мировые исполнители себе такого не позволяют. Ничего, вот выйдет бибисишный фильм про концерт — они по-другому запоют.

— Эй, Майкл, что еще за интервью такие?! — я дождался пока менеджеры откланяются и повернулся к Гору

— Даже не переживай, это пустая формальность — из Music Week заедут вечером на час, задать пару вопросов и сделать несколько твоих фото. В статье в основном будут рассуждения музыкальных критиков о новизне стиле «Red Stars». Издание серьезное, так что подвоха ждать не стоит.

— А эфир на Radio 1?

— Там все еще проще. Это подразделение Би-би-си, а они сейчас выжимают из вашей популярности, все, что только возможно. Часовой музыкальный спецвыпуск — это очень престижно, но с нас требуется только новая запись «Don't worry, be happy», а само твое присутствие на эфире не обязательно. Просто чтобы ты понимал всю кухню — музыкальная редакция Radio 1 при составлении своих хит парадов руководствуется мнением именно влиятельного Music Week, а раз твои песни возглавляют чарты, в этом журнале должна быть большая статья про «Red Stars».

— Как все сложно…

— Кстати — оживился Гор — Если хочешь, я пристрою тебя и в «Программу поп-музыки из Лондона». К Севе Новгородцеву. Это ваш выходец из СССР, вещает на страны соц. лагеря.

Я поморщился. Вот чего-чего, а передач с антисоветским подтекстом, пусть даже и околомузыкальных — мне совсем не нужно. Сева и так про нас расскажет — деваться ему некуда. Популярность Красных Звезд будет только расти, наши песни уже на первых местах во всех мировых чартах. Но встречаться с ним лицом к лицу и отвечать на вопросы с подлянкой, а потом уже и на претензии Щелокова… Нет уж, увольте. Гор выражению моего лица сразу все понял:

— Не бери в голову. Нет так нет. Сейчас нам нужно сосредоточиться совсем на другом — завтра у нас съемки клипа по Почтальону, а потом Бирмингем.

* * *

В четверг, прямо с утра зарядил типичный английский дождик. Небо покрылось тучами, поднялся ветер. Рассаживаясь в

автобусе, который на всякий случай подогнали к черному входу, вся группа обсуждает историю с деньгами в мешке. Марков с безопасником насчитали двадцать три тысячи фунтов. Причем ямайские доллары и другие валюты пришлось переводить по текущему курсу, который нам прислали телефонограммой из посольства. Деньги оприходованы и уже переданы в секретариат посла для перевода в Фонд Мира. И нам даже успели выдать благодарственную грамоту. Жаль на вымпел поскупились.

Тут я себя одергиваю. Не стоит плевать в идеалы. Даже мысленно. И так по возвращению в Союз нам придется перестраиваться. Уж слишком сильно шикарная жизнь в Лондоне на нас влияет. Все эти фуа-груа и устрицы на фуршетах, роскошные наряды, английская богема с принцами — до добра не доведут. Нам не стоит забывать, как живет простой советский народ. А мне стоит помнить, ради чего собственно, вся история с группой и гастролями нужна. Расписки очень удачно выстрелили, западников своей культурной экспансией мы тоже очень здорово расшевелили. Теперь если МИДовцы не будут хлопать ушами — можно здорово укрепить наши позиции в Англии, да и во всей Европе тоже. А завтра у меня еще финальные переговоры с Магнусом за обедом. Так победим!

Пока я раздумываю над внешнеполитической ситуацией, Гор проводит «предполетный» инструктаж. Мы едем на студию Elstree, где в 3-м павильоне есть декорации обычной английской деревушки. Наш продюсер за недорого арендовал их и именно там пройдут съемки клипа Почтальона. Сюжет незатейлив. Главный герой — ваш покорный слуга — каждый день выглядывает в окно дома и поджидает почтальона с письмом от любимой девушки, но письма все нет. Тогда он выходит на улицу и идет на почту. По дороге он так заводно поет, что к нему присоединяются прохожие — наши звездочки. Плюс актеры подтанцовки. На полпути нам встречается местный Печкин и вот ура, письмо получено, все пускаются в пляс. Мне это напомнило клип Vaya con dios «Nah neh nah». Все наряженные и веселые куда-то идут толпой — певица впереди. Периодически кто-нибудь забегает перед ней и делает какие-нибудь «па». Не шедевр, конечно, но для 79-го года, в котором музыкальные клипы только-только появились — это вообще космос. У Гора уже есть предварительная договоренность о том, что премьера Почтальона пройдет на новом американском канале MTV, который моими усилиями стартанул в Штатах раньше на целый год. Я мысленно потираю руки. Наш Почтальон станет хорошим напоминанием штатовцам о Красных Звездах. Уже пора договариваться о площадках для гастролей в США и клип тут будет очень даже к

месту.

Сами съемки проходят долго и нудно. Сначала нас представляют бригаде операторов, целую вечность одевают и гримируют. Мы несколько раз проходим по локации и продюсер объясняет куда смотреть, где поворачивать. После небольшой репетиции начинаются дубли. Всё разумеется, делается под полную фонограмму — я лишь раскрываю рот. По неопытности звездочки и массовка периодически «вываливаются» из кадра, операторы ругаются сквозь зубы. Я тоже несколько раз лажаю — не попадаю в музыку и слова, спотыкаюсь и сталкиваюсь с танцорами. Постепенно втягиваемся и десятый по счету прогон выходит вполне удачным.

Наступает время обеда. Нам привозят сэндвичи и пакеты с соком. Оголодавшие сотрудники студии и звездочки бросаются на еду, пробуют разные виды бутербродов. Чего только в коробках нет — и бокадильо с сыром и ветчиной, и датские смёррebрёды с буженинoй… Гор решил выпендреться перед группой и ему это удалось.

После обеда народ разбредается по декорациям, разбившись на группки. Марков что-то втолковывает Клаймичу, музыканты собрались в группу и Коля наигрывает на гитаре, Леха садится играть в домино с «тяжами». И откуда они его только взяли?

Вдруг из-за двери павильона раздается громкий женский визг. Я нахожусь ближе всех к выходу и первым выскакиваю наружу. И у меня глаза лезут на лоб. Рядом с кричащей Ладой на двух ногах стоит… высокая волосатая обезьяна, покрытая густой бурой шерстью. Из морды торчат приличные клыки, лапы вскинуты вверх. Я отталкиваю побледневшую Ладу в сторону и резко бью двойкой в голову. Еле достал — высокий — но попал сильно. Под костяшками кулаков что-то лопается, клыки отлетают прочь, обезьяна отлетает в сторону и садится задницей на бетонный пол. Из ее рта слышатся вполне человеческие стоны.

Нас тут же окружает толпа людей. Из павильона первыми вылетают Леха с Альдоной, за ними «тяжи». И дальше уже все сотрудники вместе с оставшимися звездочками. Из соседнего павильона тоже вываливает куча людей, среди которых я узнаю… молодого Джорджа Лукаса! Он похож на Хемингуэя — черные вьющиеся волосы, густая борода с усами… Джордж с руганью подбегает к обезьяне и… начинает стаскивать с нее бутафорскую голову. И тут я внезапно понимаю, что влепил двойку не кому-нибудь, а Чуббаке из Звездных Войн. Той самой обезьяне-собаке, что в компании R2D2 сопровождала Хана Соло в его космических путешествиях.

— Питер, ты как?? — Лукас помогает подняться на ноги

актеру с худощавым, вытянутым лицом. Под глазом у того наливается синяк. Вокруг накаляется атмосфера. «Лукасовские» напирают, возмущенно крича — наши их отталкивают.

— Господа — вперед протискивается Гор — Это чудовищное недоразумение, я прошу нас извинить

— Лада закричала, я выскочил — смотрю рядом с ней стоит какое-то чудовище — я покаянно развожу руками — Кто же знал, что тут фильм фантастический снимается

— Звездные Войны. Империя наносит ответный удар — Лукас раздраженно тыкает на постер, что приклеен к двери соседнего павильона. На плакате Харрисон Форд в образе Хана Соло целует принцессу Лею. Ее играет актриса Кэрри Фишер, которая стоит в толпе, еле сдерживая смех. Я вспоминаю, что на съемки она приходила под кайфом и из-за этого у нее не ладился тандем с Фордом.

Постепенно все успокаиваются, на лицах появляются улыбки и даже раздаются смешки. Покачивающегося «Чуббаку» уводят под руки, а Лукас сдавшийся от нашего совместного с Гором напора, соглашается выпить мировую. Продюсер его тут же тащит в пустующий кабинет начальника третьего павильона. Я плетусь следом, раздумывая над идеей взять у Лукаса автограф. И у Чуббаки тоже. Можно сказать, вошел в историю мирового кинематографа.

В кабинете Гор уже наливает из фляжки виски в два стакана. Мне алкоголь никто не предлагает, да я и не прошу.

— Черте что происходит — Лукас залпом выпивает напиток — То кукла мастера Йоды ломается, то теперь Питер в глаз получил. Съемочный день испорчен

— Я еще раз извиняюсь — присаживаюсь рядом с режиссером — Но и вы поймите… Наша солистка рядом с этой волосатой обезьяной…

— Отличный грим, правда? — Лукас взглядом показывает Гору на пустой стакан. Булькает виски. Мужчины не чокаясь еще раз выпивают.

— Ты же Виктор Селезнев, так? — Лукас внимательно меня разглядывает — Кое-кто из съемочной группы был на твоем лондонском концерте. Хвалят. Да что там, просто в восторге. Не хочешь сняться в кино?

— У вас?? — тут я окончательно выпадаю в осадок

— Ну, в какой-нибудь эпизодической роли — поправляется захмелевший Лукас — Хочешь имперским штурмовиком?

Угу… это одним из тех, которые всегда в масках? Очень щедрое предложение! Хорошо, что еще не в роли Дарта Вейдера. А дальше каждый раз, увидев этот фильм, я буду рассказывать

своим внукам, что вон тот злодей на летающем скутере — это их дедушка. И войду я в семейные хроники, как имперский штурмовик, чуть не убивший Люка Скайвокера…! Нет уж, воздержусь от такой чести… А вот как обернуть неожиданное знакомство с Лукасом в свою пользу — над этим нужно хорошенько подумать. Кроме меня никто ведь еще не знает, какой грандиозный успех ожидает V эпизод Звездных Войн…

— Джордж — Гор аккуратно вытаскивает из рук режиссера пустой стакан — Спасибо за предложение, мы правда, польщены, но у нас очень плотный график.

Я жестом останавливаю встающего с кресла Гора и вкрадчиво обращаюсь к Лукасу

— Джорж, а почему бы нам не помочь друг другу…?

— Каким образом?

— Ну… я слышал, что критики настроены очень скептично насчет вашего продолжения, и непонятно, ждет ли вообще успех этот фильм.

— Любой фильм это большой риск… — Лукас морщится, но не отрицает очевидного

— А давайте разделим этот риск. Ну, или успех. Как получится. Но я готов рискнуть и поставить на вас.

— Разделим риск?! Каким образом?

В глазах Лукаса наконец-то появляется настоящий интерес

— У меня есть новая классная песня «Remember the time» с совершенно нейтральным текстом. И мне нужен клип на эту песню. Давайте объединим наши усилия. Пусть клипом станет нарезка кадров из вашего фильма. История любви Хана Соло и принцессы Леи. И тогда этот клип станет чем-то типа трейлера для Империя наносит ответный удар. А поскольку продвижением клипа займемся мы, то лично вам это практически ничего не будет стоить. Вся реклама и пиар за наш счет.

— Скорее уж за счет друг друга… А сроки?

— Любые удобные для вас. Мы готовы подождать. Содержание тоже полностью на ваше усмотрение.

Лукас задумался. Было понятно, что он сейчас не в силах оценить мое предложение и ему нужно время на раздумья. А я что?! Я не спешу. Не выгорит со Звездными Войнами — придумаю что-нибудь еще. Хотя было бы здорово закончить этот клип диалогом Леи и Соло: «Я тебя люблю! — Я знаю.» За такими эффектными клипами будущее, и нам нужно заниматься их выпуском, невзирая ни на какие затраты.

— Я не тороплю вас, Джорж. Послушайте нашу песню, обдумайте, как следует мое предложение и если надумаете — свяжитесь с Майклом.

* * *

Всегда думал, что пятница 13-е — это обычное суеверие, которое укоренилось в народных массах благодаря тамплиерам. Именно в пятницу 13-го король Филипп IV приказал арестовать членов ордена, включая всё его верховное руководство. В результате последовавшего процесса по обвинениям в ереси и богохульстве члены ордена были подвергнуты пыткам и позднее казнены. Видимо именно с этого момента в Европе стали относится настороженно к подозрительной дате. Позже в пятницу 13-го умер всемирно известный композитор Россини. Газеты вышли с соответствующими мрачными заголовками — и понеслось, поехало…

Ну, мало ли у человечества случайных суеверий? Рассыпал соль? К ссоре. Оно и понятно — соль в древности была очень дорогая, периодически случались соляные бунты. Теперь утилитарное значение утеряно, но человеческая память осталась. Черная кошка перебежала дорогу? И тут то же самое. В средние века разбойники часто ночью поджидали торговцев у обочин дорог. Спугнули случайно кошку, она перебежала дорогу, а в темноте все кошки выглядят черными. Те, кто проигнорировал примету — попали в лапы преступников. Те же, кто повернул обратно — спаслись и передали знания детям. Теперь, разумеется, разбойники редко когда поджидают путников у обочин дорог — но память, это такая субстанция, которая просто так не исчезает. А третьим не прикуривать? В англо-бурскую войну появились первые снайперы. Если вы закуривали в темноте — он вас засекал. На второго — прицеливался. Третьего убивал. И вот этот огромный груз народной памяти…

— Виктор, тысяча извинений!

Внезапно за моей спиной раздается гнусявый голос Магнуса и я «выныриваю» из размышлений в реальный мир. Вскакиваю из-за ресторанного столика, пожимаю руку.

— Прости, что опоздал на наш обед, говорил по телефону с Вашингтоном.

Конгрессмен усаживается на стул, заправляет белую салфетку за ворот сорочки. Сегодня нам накрыли центральный столик в «The Thames Foyer». Сидим мы на самом виду, в декорированной, приподнятой над полом беседке, зато рядом с нами нет других столиков. Лучшее место во всем ресторане. И еда лучшая. Лобстеры, черная икра, суп из черепахи… Сильвино Тромпетто расстарался, когда узнал, что я заказал здесь столик на пятницу. Шикарный ресторан заполнен наполовину. Публика сплошь почтенная, в костюмах с галстуками. Респектабельные дельцы,

лощеные банкиры, я даже не вижу тут обычных лондонских туристов. Оно и понятно, цены не способствуют. Разговоры все сплошь тихие, важные…

— …Есть трудности — Магнус дождался пока официант нальет суп и слегка поклонившись, уйдет — Последние годы предвыборное законодательство в США ужесточили, и прямой перевод большой суммы в мой фонд вызовет подозрения.

— Что же делать? — я намазал кусочек французского багета маслом и с удовольствием откусил

— О… Я все продумал. В Америке есть Национальная стрелковая ассоциация. Заключаем между ней и твоим фондом фиктивный договор на консультационное обслуживание. Переводим пять миллионов. Они эту сумму дробят между оружейными магазинами — членами ассоциации, например, предоставляя скидки на какие-нибудь конференции. Те делают тысячи пожертвований в мой предвыборный фонд.

Я подивился изяществу схемы. Да… англосаксы нам конечно, сто очков форы дадут в плане хитрости и махинаций. И с этими людьми мне придется играть за одним столом. На кону — не только спасение СССР, а весь мир!

Я серьезно задумался. Если между мной и Магнусом будет прокладка в виде NRA, то доказать мое участие в избирательной кампании конгрессмена будет уже невозможно. Единственный оставшийся рычаг влияния — векселя. Но их можно выкрасть. Если не получится — меня можно просто убить или похитить. Игра с высокими ставками позволяет все. Вон, Кеннеди грохнули, Мерлин Монро отравили, а уж какой-то русский — это вообще тьфу. Раздавленный комар на лобовом стекле гоночного автомобиля под названием США. А ведь под ударом будут все мои родственники, звездочки…

Я так глубоко погрузился в мысли, что пропустил начало захвата. Какие-то хлопки на периферии вроде открытого шампанского, крики, даже квадратные глаза Магнуса не сразу меня пробудили от тяжелых раздумий. Только когда рядом что-то разбилось, и я увидел бегущего через ресторан официанта, на белом кителе которого расплывалось красное пятно — очнулся. И тут же заметил мужчин в зеленых куртках с автоматами. Они спокойно шли по залу, стреляя из автоматов вверх. С потолка посыпалась штукатурка и полилась вода — нападавшие перебили какую-то трубу.

Все, что мне пришло в голову — это в падении свалить Магнуса со стула и прижать его к полу беседки. Тут же на нашем столе шальная пуля разбила супницу, и горячий бульон полился прямо на наши костюмы.

— Да что, черт возьми, происходит!? — конгрессмен попытался выбраться из под меня, но я только еще крепче его прижал к полу

— Вооруженные люди стреляют в ресторане — я ногой оттолкнул столик и суп перестал литься на нас — Лежите тихо!

— В Лондоне?!? В Савое?!?

— Да тихо ты! — я невежливо заткнул ладонью рот Магнуса

Крики в ресторане прекратились, выстрелы тоже. Раздавался лишь шум льющейся воды, да чей-то тихий плач. И шаги, которые все ближе приближались к нам. Я скрипнул зубами. Вот тебе и пятница 13-е. Суеверие, ага… Мне в спину уткнулся какой-то предмет:

— Вставай!

Мужской голос с каким-то тягучим акцентом. Я отнял руку ото рта Магнуса, встал сначала на колено, после чего взял себя в руки и все-таки поднялся на ноги. Рядом со мной встал растрепанный конгрессмен. Вокруг нас стоит несколько человек в джинсах и куртках, подпоясанных белыми ремнями. На голове у всех — зеленые береты. Лица обычнее, европейские, есть даже двое рыжих. И одна женщина — в темных очках и красной косынке. В руках бандитов маленькие Скорпионы с пистолетной рукоятью, пара АКмов, пистолеты непонятной марки.

Рядом с нами стоят трое, остальные уже рассредоточились по ресторану и сгоняют посетителей на небольшую ресторанную сцену, с которой скинули рояль и несколько стульев для музыкантов. Рассаживают там людей на пол, заставляя их держать руки за головами. Двое мужчин заваливают обе двери — центральную и для персонала — мебелью, создавая перед ними баррикады. Вот уже и бедный рояль, жалобно тренькнув, тоже пошел в дело вслед за столами, креслами и тумбами. Блин… да это самый настоящий теракт с захватом заложников…!

— Кто такие? — вперед вышел крепыш лет сорока со шрамом над бровью и ярко-голубыми глазами.

— Я американский гражданин, член Конгресса США — Магнус с испуга поднял руки вверх, хотя его об этом никто и не просил — У меня дипломатическая неприкосновенность! Иммунитет, понимаете?

— Ну давай проверим твой иммунитет — крепыш лениво, без замаха бьет прикладом автомата в живот конгресмена. Тот с каким-то всхлипом складывается и падает обратно на пол. Я дергаюсь к нему, пытаясь помочь, но меня тут же перехватывают подельники крепыша. Лишь большим усилием воли, я сдерживаю себя. Нет, это не албанские мафиози — тут работают профессионалы. Или около того. И мои апперкоты против их

автоматов не играют.

Мне грубо заламывают руки назад, наклоняя головой вперед. Теперь я вижу лишь пол и обычные серые кеды террористов.

— Ну а ты кто? — крепыш подходит ко мне вплотную, тыча дулом автомата в голову

— Русский я.

— Русский или советский?

Хороший вопрос.

— И русский, и советский. Селезнев. Может быть слышали

— Да, Красные звезды, кажется — кеды обходят меня по кругу и снова встают передо мной — И где же твои звезды? Мне сказали, что вы все вместе спустились в ресторан.

Ух ты, какой информированный террорист…! Значит, целью теракта все-таки были мы. За нашей группой следили, и как только я появился в ресторане — кто-то на радостях поторопился и дал команду на его захват. Черт… Да, они же приняли за звездочек двух симпатичных девушек, с которыми я вышел из лифта…! Мы с ними направлялись в одну сторону и я даже вежливо придержал для них дверь. Их наблюдатель просто перепутал со «звездочками»!

— Где солистки?! — мне начинают еще больше заламывать руку. Я терплю боль, лишь скрипя зубами. Чувствую, как левая рука уже трещит и вот-вот сломается в локте. Еще немного, и прощай бокс с Олимпиадой.

— Моих солисток даже нет в отеле, ваши люди перепутали девушек.

Мужик орет мне в лицо, брызгая слюной. А я почему-то успокаиваюсь. Хотели бы убить — не устраивали весь этот цирк. Краем глаза вижу, как террористы, закончив с дверями, начинают опускать шторы на окнах. Снаружи здания слышу первые завывания сирены. Ясно. Похоже, прискакала кавалерия. Голубоглазый мне еще что-то кричит, но я стараюсь не обращать внимание. Глазами пересчитываю террористов. Десять человек. Заложников вижу не всех — декоративная ширма закрывает от меня дальнюю часть зала — но их видимо около сорока, включая персонал. И похоже у нас уже есть раненные или убитые. Недалеко от нашего столика лежит раненый официант, он без сознания. Его кровь смешивается с прибывающей водой и розовыми разводами растекается по полу ресторана.

— Значит, не хочешь говорить?! — крепыш хватает меня за волосы и рывком поднимает мою голову вверх — Где остальные?!

Мне в рот упирается дуло пистолета, раздирая губы в кровь

— Я тебя прямо здесь сейчас прикончу! Мозги на потолке будут!!

А я на него как раз и смотрю. На потолке нарисованы библейские сцены. Христос в луче прожектора возносится на небо. Апостолы с восторгом ему аплодируют…Или это они так молитвенно сложили руки? Просто шоу какое-то… Меня точно также как на концерте, начинает разбирать нервный смех. Я давлю его в себе, но он прорывается наружу. Террористы удивленно смотрят на меня — видно зрелище еще то. Заложник с пистолетом в окровавленном рту хохочет, глядя на потолок.

— Оставь его — единственная дама в нашем обществе берет за руку крепыша — Он сейчас крышей поедет. Нам тут только полоумных не хватает…

Меня толкают на ближайший стул и пристегивают наручниками правую руку к декоративной решетке. То же самое делают с Магнусом. Рядом остается сторожить нас самый широкоплечий из террористов. Он словно елка обвешан патронными лентами для пулемета и гранатами. А вот и сам пулемет. Его устанавливают на одном из столиков, направив ствол в сторону центрального входа. Из коробки вверх торчит большой магазин. Необычная конструкция времен второй мировой войны. Зачем тогда ленты? Пулеметное гнездо укрепляют мебелью, сваливая ее вокруг.

— Эй, парень — я обращаюсь к нашему охраннику, вяло жующему жвачку — Вон тот официант — я указываю свободной рукой на парня, лежащего рядом с нашей беседкой — Он жив еще. Разреши перевязать его.

— Ща поможем — здоровяк достает из кобуры Зиг-Заур и стреляет официанту в голову. Череп разлетается в ошметки. В зале раздается женский визг, Магнус нагибается над стулом — его рвет. Я тоже с трудом сохраняю обед внутри.

— Эй, Стэн — крепыш-начальник подскакивает к нашему охраннику и выдергивает у него из руки пистолет — Совсем охренел?!

— Льюис, да этот доходяга все равно был не жилец!

— Заткнись! Не смей никого называть по именам — ты же был на инструктаже

В зале раздается звонок телефона. Аппарат стоит на столике хостесс — единственный предмет мебели, который террористы не тронули. Люис берет трубку:

— Говорите… Что тут происходит? Я скажу тебе, что тут происходит. Ирландская республиканская армия проводит военную акцию. Пора уже лондонским толстосумам понять, что значит свобода и независимость для Ирландии… Нет, я не пьян. С кем разговариваете? С патриотом Ирландии. Да… Нет… Ну тогда позови того, кто МОЖЕТ вести переговоры. Я озвучу наши

требования. У вас есть час. Дальше мы начнем убивать заложников. И да! вырубите, наконец, эту долбанную систему пожаротушения!

Я закрываю глаза, пытаясь отключиться от реальности. Опять по краю нарезаю. Но теперь хоть в одиночку. Рядом нет ни звездочек, ни Лехи с Анной. И за то спасибо. Может, еще выкарабкаюсь как-нибудь… Отрываю глаза, с жалостью смотрю на Магнуса. Тот совсем плох. Кожа посерела, глаза остекленевшие от ужаса, конгрессмена бьет крупная дрожь.

— Эй, Уорен! — я трогаю свободной рукой мужчину за рукав и морщусь от боли, пронзившей мою руку — Вы как?

— Ужасно — Магнус вытирает пот со лба — Нам конец. ИРА не оставляет заложников в живых

Конгрессмен кивает на труп официанта.

— Посмотрите на это с другой стороны

— С какой же?

— Тут могли бы быть ваша жена, Анна и солистки группы

— Да… умеете вы, Виктор, поднять настроение…

13 апреля 1979 года 23.00.
Москва, Кремль

Помощник на цыпочках зашел в комнату отдыха Генерального секретаря. Зажег настольную лампу. Спокойный зеленый свет разбудил Романова.

— Григорий Васильевич, пора. Малое Политбюро собралось — помощник подал Генеральному пиджак — Товарищ Веверс тоже приехал

— Хорошо, я сейчас иду.

Романов налил себе боржоми в стакан, выпил залпом. Взял с тумбочки у дивана несколько папок, вышел в рабочий кабинет. Там уже за длинным овальным столом для совещаний собралось малое Политбюро. Самые верные и преданные сторонники нового Генсека — министр МВД Щелоков, приехавший сегодня в Кремль почему-то в сером, парадном кителе, Машеров — бывший глава Белоруссии, которого Романов недавно перетащил в Москву, маршал Устинов, министр МЧС — Чурбанов и новый «серый» кардинал Партии — Арвид Пельше. Латыш что-то тихо выговаривал генералу Веверсу. Последний был одет в цивильный костюм и сидел в самом конце стола. Присутствующие встали, Романов с каждым из них поздоровался за руку.

— Начнем товарищи? — Генеральный сел в кресло председателя, открыл папку — Я прочитал шифрограммы нашего резидента в Лондоне. Ситуация там сложилась угрожающая. Через час у меня запланирован телефонный разговор с премьер-

министром Каллагеном. Что будем требовать от англичан?

— Допуск наших специалистов к Савою — тут же откликнулся Веверс — Группа Альфа готова немедленно вылететь в Лондон. Григорий Васильевич, люди генерала Зайцева специально тренировались освобождать заложников.

— Да, я помню. В прошлом месяце это же они работали в американском посольстве?

— Так точно. Психически больной житель Херсона Юрий Власенко зашел в консульский отдел с бомбой и потребовал немедленного выезда в США. В противном случае обещал всех взорвать. Переговоры вел заместитель Зайцева полковник Ивон. Он же и застрелил Власенко из пистолета, замаскированного под ручку.

— Здесь так легко не получится — покачал головой Устинов — Десять бойцов ИРА, с автоматами и пулеметом… Григорий, мы, конечно, дадим военный борт до Лондона, но пустят ли британцы нашу Альфу к себе?

— Пустят — Романов записал себе что-то в блокнот — Каллаген нам руки готов целовать — мы спасаем его от поражения на выборах.

— Товарищи, товарищи! — расстроенный Щелоков развел руками — О чем мы с вами говорим? Какие выборы? Там же Витя Селезнев, террористы начали убивать заложников…

— Николай, мы все понимаем — Генеральный положил руку на плечо министра — Но сейчас надо решить, что делать.

— И кто виноват — проскрипел Пельше

— Цвигун — уверенно произнес Веверс — Я предупреждал председателя о нездоровой обстановке, во-округ группы в Лондоне. Нет, начали эту глупую операцию с распятием, контрразведывательное прикрытие было сорвано. И все по прямому распоряжение Цвигуна.

— И Суслова! — многозначительно произнес Пельше

В кабинете повисло нехорошее молчание.

— Товарищи, мы, конечно, сделаем кадровые выводы — Романов тяжело вздохнул — Но сейчас мы должны взять волю в кулак и цинично решить, что можно получить с Англии за этот инцидент. А Витю… Витю мы обязательно спасем!

— Петр Мироныч — Генеральный повернулся к Машерову — Ты как думаешь?

— Рыболовство в Северном море — Машеров задумался — Но это мелко. Возврат царских реликвий? Того же Синайского кодекса… Участие в евротуннеле под Ла-Маншем. В следующем году выборы в Индии. Англичане сталкивают людей Индиры Ганди с сикхами. Я недавно был Нью-Дели, там тяжелая

обстановка.

— Да… — задумался Романов — Помочь нашему союзнику нужно… Давайте проведем в Москве международную конференцию, пригласим на нее Индиру и Каллагена. Индийцы основали свое Движение неприсоединения? Отлично, мы готовы ему помогать. За счет англичан, конечно.

Присутствующие закивали.

— Что там с эвакуацией Красных Звезд? — Романов посмотрел на Веверса

— Все-е уже в Москве. Только что приземлились. Сразу после захвата заложников в ресторане мы вывезли всю группу из отеля. И ближайшим рейсом Аэрофлота отправили в Москву — Веверс замялся — …Правда, за исключением Алексея Коростылева. Это помощник Виктора. Он отказался лететь. Парень здоровый, боксер, срочную служил в морской пехоте… Не стали устраивать скандал. Он ждет рядом с Савоем, чем все кончится… Моя дочь, Альдона…

— Ну, говори, что там с ней — Романов вздохнул — У нас у всех есть дети

— Тоже не хотела лететь. Мне пришлось пригрозить, что это будет ее последнее выступление и последний выезд группы за границу. К сожалению, пришлось говорить с ней по незащищенной линии. Сейчас в МИ5 наверняка потешаются…

— Потешаются они! — вспыхнул Чурбанов — Прошляпили такой теракт, боевики ИРА в центре столицы!

— Боевики, вооруженные советскими автоматами — поправил министра Веверс — На-аш агент «Молох» сообщил, что Уайт-холл сливает эту информацию в британские консервативные газеты.

Романов нецензурно выругался.

— Ну, тогда у меня с Каллагеном совсем другой разговор будет! В порошок сотрем, если хоть один волос упадет с головы Виктора. Матери, кстати, его уже сообщили о теракте?

— Нет пока. Но, наверное, завтра придется.

— Имант Янович, не откладывай, прямо утром поставь ее в известность. А то ужасно получится, если она узнает об этом от посторонних людей. Сам знаешь, сколько сейчас народу слушает «голоса»

— Хорошо, я лично заеду к Людмиле Ивановне и постараюсь объяснить ситуацию.

— Я с вами — Чурбанов пристально посмотрел на Веверса

В кабинете опять повисло молчание.

— Я теперь уже и не знаю, что делать с этой группой — вздохнул Романов — Контракт контрактом, но каждый их выезд

обязательно заканчивается чем-то экстраординарным. То албанцы в Италии, то ирландцы в Англии, то негры в Нью-Йорке. Виктор словно притягивает к себе неприятности! Дело он, конечно, делает важное, но какой ценой!

* * *

Что удивительно, наше с Магнусом перешептывание совершенно не волнует жующего отморозка, который нас охраняет. Такое ощущение, что этот убийца впал в анабиоз. Я обещаю себе, что его отправлю в ад первым. Еще не знаю как, но обязательно придумаю.

Дальше начинаются часы бесконечного ожидания, и время в зале словно останавливается. Одна радость — моя рука потихоньку отходит, значит ни перелома, ни вывиха нет. Не хватало еще маму гипсом испугать. Как там она бедная… Может, нашим хватило ума не сообщать ей пока о теракте? Я все таки не оставляю надежды выбраться живым из этой передряги.

Все клятвы расстрелять заложников оказываются враньем — каждый раз когда Льюису звонят, он обещает английским властям кровь и трупы, но каждый раз переговорщику удается его уломать. Сначала, в дверь под баррикаду просовывают питьевую воду. Потом брикеты армейского НЗ. Нам ничего не достается, но мы и ничего не просим. Льюис ругается, грозит властям. Ближе к вечеру зачитывает список бойцов ИРА, что сидят по английским тюрьмам и должны быть отпущены. В подтверждение серьезности своих намерений эти отморозки не находят ничего умнее, как выкинуть в окно труп официанта. А потом еще и поржать между собой, что заодно они прибрали в зале мусор. Поразительный цинизм, нелюди какие-то…

С потолка ресторана продолжает литься вода, видно испорченную Льюисом систему пожаротушения власти не смогли отключить. А может, просто не посчитали нужным. Звук льющейся воды — немногое, что нарушает мрачную тишину в зале. Несмотря на то, что часть воды впиталась в ковры — ее в зале уже по щиколотку. Террористы ругают Льюиса за то, что им приходится ходить в закатанных по колено джинсах. Их промокшие кеды издают при ходьбе отвратительные чавкающие звуки, вперемешку с хрустом битого стекла и фарфора. Если к этому прибавить еще вонь от туалета, под который отвели правый угол ресторана, отгороженный невысокой декоративной ширмой, этот захват заложников и вовсе превращается в какой-то гнусный, дурнопахнущий фарс.

Наступает вечер. Темнеет. В ресторане зажигается свет. Это удивительно, т. к. первое правило при захвате заложников — обесточить помещение. Власти отключают все коммуникации, как бы намекая террористам — пора на выход. Но и у Льюиса что-то не складывается. Деньги не несут, братьев-сепаратистов не отпускают, вертолета до сих пор нет. Уверен, что в соседних зданиях уже давно сидят снайперы, а спецслужбы готовят штурм. Но террористы еще хорохорятся, шутят. Даже воду на полу они теперь одобрительно обсуждают в том ключе, что из-за нее не сработают светошумовые гранаты.

Терпение у Льюиса заканчивается. Он выхватывает из числа заложников… принца Филиппа и Стэн, приставив пистолет к его голове, подводит его к окну. Черт! А я даже не заметил, что молодой бельгийский аристократ тоже здесь… Шторы поднимаются и наш охранник демонстрирует плачущего парня кому-то снаружи.

— Помаши, красавчик, дружкам своим — Стэн дергает принца за шиворот. Тот вяло поднимает руку и начинает махать. Филипп не видит, что за его спиной террорист прицеливает из пистолета и стреляет в поднятую ладонь. Звенит разбитое стекло, принц кричит от боли и пытается скорчиться, но ему это не удается. Боец ИРА буквально впечатывает заложника в разбитое окно, размазывая по нему кровь.

— Теперь подействует — Стэн оттащил Филиппа обратно к сцене, перетянул тому руку ремнем и грубо швырнул к остальным заложникам.

Демонстрация силы и правда, подействовала. С этого момента переговоры оживляются. Звонки следуют за звонками, захватчики довольно улыбаются друг другу. Ну ничего, здесь вам не тут! Я не собираюсь полагаться на милость террористов — ее вполне можно и не дождаться. А на прощанье получить от них пулю в лоб. Нет, пора брать ситуацию под свой контроль

— Уорен! — я толкаю ногой дремлющего в каком-то забытьи конгрессмена — Вы готовы?

— А? Что?

— Я говорю вы готовы?

— К чему? К смерти?

— Свалить отсюда к хренам…

— Боюсь, это невозможно. Скоро все будет кончено — живым нам отсюда уже не выбраться. Виктор, я хочу вам исповедаться

— Что?!?

— Я грешник. Страшный грешник. Изменял и продолжаю изменять жене. У меня любовница в пригороде Вашингтона и ребенок от нее. Мальчик. Роберт. Десять лет. У меня игровая

зависимость. Ну, вы знаете. Я алкоголик. Ходил в группу анонимных алкоголиков, но не помогло. Краду деньги у избирателей, обманываю их, обманываю свою страну. Боже, прости меня, грешного.

Магнус тихо плачет, размазывая слезы по лицу. Зря я конгрессмена разбудил. Толку от него не будет.

— Аминь — автоматически произношу я. А что тут еще можно сказать? Хлопаю мужчину по плечу левой рукой, сжимаю его ладонь. Магнус цепляется за меня, словно утопающий за соломинку. И как такой слабак стал политиком, да еще выиграл выборы в Вашингтоне — городе, где плавают самые зубастые акулы в мире?? Что-то я начинаю сомневаться в президентских перспективах конгрессмена. Но сейчас мне нужно как-то отвлечь его, чтобы он не распускал сопли

— Магнус, а расскажите самый забавный случай из вашей работы — он удивленно смотрит на меня, но выполняет мою просьбу.

— Пару лет назад пришлось участвовать в специальной комиссии, которая ездила в Западную Вирджинию — конгрессмен сморкается в платок — Там есть городок под названием Вулкан. Очень маленький и бедный. На подъезде к нему рухнул мост. Власти штата деньги на починку не давали и тогда мэр обратился за помощью… к СССР!

Я хрюкнул от смеха. Молодец, мэр, ничего не скажешь.

— И чем все кончилось?

— Приехали советские журналисты. Сняли репортаж об ужасах американского капитализма. И тут же губернатору настучали по голове из Вашингтона. Прислали комиссию. Собственно, я в ней и состоял от Конгресса.

— Так денег мэру дали?

— А как же! Миллион с лишним долларов. Он на них аж два моста отгрохал. Шантажист чертов.

— Эй! Что у вас тут?? — ирландец-крепыш тыкает в нашу сторону стволом — А ну тихо! Стэн, присмотри за ними

Рядом с нами опять появляется убийца официанта. Впрочем, отморозок все также находится в апатии, стоит повернувшись к нам спиной. Что ж… Самое время! Больше такого удобного момента может и не представиться. Я подмигиваю ожившему Уорену, осторожно наклоняюсь, прячась за ним… и уперевшись ногой, выдергиваю из розетки, что прикручена к нашей беседке, провод. Замираю, тихонько оглядываясь по сторонам… На сцене глухо стонет раненый принц Филипп, Льюис разговаривает по телефону, Стэн флегматично жует жвачку. Я аккуратно перехватываю провод повыше и… сую его оголенным концом в

воду.

Дальше все происходит практически одновременно. Раздается громкий треск, летят искры, террористы, стоящие по щиколотку в воде, падают на пол, дергаются и стоунт от боли. Гаснет освещение. Стэн рычит, опускается на колени, но умудряется повернуться в нашу сторону. В свете прожекторов, направленных с улицы, я вижу, как он медленно, с большим трудом поднимает свой автомат.

— Уорен!! — я вскакиваю на ноги — Пора!

Изо всех сил дергаю декоративную решетку беседки, к которой нас прикрепили наручниками. Конгрессмен присоединяется ко мне и после второго рывка, мы обрушиваем ажурную конструкцию прямо на голову Стэну. Он еще успевает нажать спусковой крючок, раздается грохот автоматной очереди и пули щелкают по полу беседки. Прямо перед нашими ногами. Я со всей силы бью ногой по решетке, доламывая ее и высвобождая руку в наручнике. Вытаскиваю провод и быстро выхватываю автомат у затихшего Стэна. Кажется, эта скотина наконец-то сдохла! Быстро оглядываю зал ресторана, пытаясь рассмотреть происходящее. Все террористы валяются в воде, а кое-кто и лицом вниз. Туда им и дорога…! И тут просыпаются заложники, сидящие вповалку на сцене. С каким-то диким, придушенным воем, они неуправляемой толпой ринулись к центральному выходу, перегороженному высокой баррикадой, и начинают хаотично, но довольно шустро разбирать ее.

— Виктор, помоги мне с наручниками! — в лучах прожекторов я вижу ошалевшее лицо конгрессмена

Мне приходится одновременно помогать Магнусу и контролировать террористов. Кое-кто из них начинает уже шевелиться. И тут британский спецназ, напуганный выстрелами, взрывает входную дверь. Недоразобранная баррикада удачно смягчает взрыв, но нас всех ударной волной валит на пол. Я отбрасываю подальше от себя автомат, т. к. понимаю, что в такой неразберихе попасть под «дружественный огонь» — плевое дело. Внутрь с криками «лежать!» врываются вооруженные бойцы в камуфляже и касках. Рассредоточиваются по залу, беря всех на прицел. Нас контролируют сразу три человека, практически воткнув стволы в лица.

Спустя десять минут, в ресторане настоящее столпотворение. Военные саперы, медики, какие-то официальные лица в сопровождении помощников с мощными фонарями. Первым из зала уносят принца Филиппа и раненых заложников. Потом вытаскивают наружу террористов. Практически все они без сознания, а парочка из них, включая отморозка Стэна, и вовсе

мертвы — из его разбитого черепа сочиться что-то белое. Ну, по крайней мере, теперь ясно, что мозги у него все-таки были.

Нас выводят последними, накинув сверху одеяла. Выглядим мы какими-то погорельцами и понимаю, что не дай бог меня таким сфотографируют журналисты. Прощайте миллионные контракты с модными брендами. Мысли о том, что я опять остался жив, как себя чувствуют мама, Анна, звездочки… — они где-то на периферии. Похоже я окончательно «выгорел».

— Уорен, стойте! — Я торможу Магнуса у зеркала и скидываю с него одеяло на диван. — Быстро приводим себя в порядок! Нам нельзя появляться в таком виде в холле, там может быть пресса.

Магнус непонимающе смотрит на меня, сопровождающий полицейский поторапливает нас, но я неумолим. Да, пошли они все к черту, подождут! Мы их дольше ждали! Сдираю с Магнуса изгвазданный пиджак, за ним летит галстук, похожий на грязную тряпку, но рубашка под костюмом конгресмена довольно чистая, и я помогаю ему подвернуть рукава до локтя. Его крепкие, загорелые руки выглядят довольно мужественно, но на правом запястье Магнуса обнаруживается огромный кровоподтек от наручников… Прекрасно! Это то, что нам нужно. Решительно отодвигаю растерянного полицейского в сторону

— Нам нужно в туалет!

Слава богу, до туалетной комнаты шагов десять, и внутри никого нет. Я захлопываю дверь перед носом обалдевшего от моего нахальства полицейского, и оттаскиваю Магнуса к дальней стене.

— Уорен, а теперь слушайте меня внимательно! Это очень важно. И для меня и для вас.

Объяснять Магнусу, почему мне не нужны лавры героя особо некогда. Да и незачем. Я еще с итальянскими спецслужбами до конца не объяснился, так что терки с англичанами мне точно не нужны. Иначе из героя меня здесь быстро превратят в агента КГБ и замучают допросами. А там негласный обыск, обнаружат проклятый крест в номере — ага, у советского комсомольца! — и здравствуй МИ5. Или МИ6 — это уж как повезет. Так что нет, никаких советских героев. Герой у нас будет один — Магнус. А я так, случайно рядом оказался и помог ему. По мере своих сил. Магнус не сразу понимает, чего я от него хочу. Таращит на меня глаза, пытаясь нащупать хоть какую-то логику в моих словах. Но я могу быть очень убедительным, когда этого хочу.

— Уорен, сегодняшний день сделает из вас президента США — я прижимаю Магнуса к стене — Вы же поняли, что целью террористов был я и моя группа? Поэтому героем-спасителем

будете у нас вы. Никто кроме меня не видел, что вы…немного растерялись и проявили слабость, а кто видел, тот уже не сможет ничего рассказать. И слабость с каждым может случиться. Итак, вот какой план. Вы хладнокровно выжидали момент, когда можно будет начать действовать, и нам повезло, что рядом с нами оказалась розетка. Вы поняли?! Вытащили провод, сунули в воду. Все просто. Потом мы вместе повалил решетку на Стэна.

Надо отдать должное — конгрессмен все понял очень быстро. Правда, для приличия посопротивлялся еще немного, уговаривая меня разделить славу хотя бы пополам. Но перспектива не только сохранить лицо, но и предстать перед миром героем, уже явно захватила его воображение. Он даже как-то подобрался весь и уже не выглядел жалко, как полчаса назад. Вот и прекрасно…! Пусть теперь политика прославляет телевиденье и пресса. Если хватит ума, то Магнус этот захват ещё долго доить сможет. Но мое странное поведение не дает ему покоя.

— Виктор, откуда в тебе такое…хладнокровие в таком юном возрасте? — Я пожимаю плечами.

— Это уже моя вторая встреча с преступниками — я снял пиджак, также закатал рукава рубашки — Про албанских мафиози читали? Читали. Соберитесь, сейчас мы идем делать из вас национального героя.

— А ты?

— А я лишь немного погреюсь в лучах вашей славы.

В холл мы уже выходим с ним совсем другими людьми. Магнус подобран, как перед прыжком, в глазах решимость спасти мир от террористов. Он идет быстрым шагом, и бедному полицейскому то и дело приходится забегать вперед, чтобы показать нам дорогу. Полиция собрала всех заложников в одном из закрытых помещений отеля и попросила разбиться по группам — кто с кем сидел в ресторане. Сейчас их опрашивали, чтобы установить личность каждого, а заодно видимо и удостовериться, что среди них не затесались пособники преступников. Мы тоже держимся вместе. Магнус безошибочно выделяет из толпы начальство и направляется к нему. Представляется и деловым тоном просит немедленно снять с нас показания. Нам есть, что сказать и это очень важно для следствия. Вокруг нас сразу начинается суета, и вскоре с нами уже беседует какой-то высокий полицейский чин.

Едва начавшаяся беседа прервана появлением в дверях посла СССР Лунькова. Несмотря на позднее время, Николай Митрофанович в строгом костюме-тройке, но вид у него такой усталый и измученный, словно это он побывал в заложниках, а не мы с Магнусом. Он порывисто бросается ко мне, неловко

обнимает.

— Слава богу, живой…!

— В Москву уже позвонили?

— Мой помощник звонит сейчас, а я сразу бросился сюда. Ну, ты как?!

— Не дождутся

— Ну, ладно, ну и хорошо, давай сейчас побеседуем с полицией, а утром в Москву. За тобой самолет выслали — и уже на ухо — Лучшую группу спецназа. Лично у премьера разрешение получал.

С появлением Лунькова наша беседа с полицией приобретает более официальный характер. Меня опрашивают первым, конгрессмена вторым. Наши показания с Магнусом практически не отличаются, лишь в каких-то незначительных мелочах и деталях, что только добавляет им достоверности. Полицейский чин два раза за время нашей с ним беседы пораженно замолкает. Первый — когда узнает, кто был целью террористов, второй — когда я в красках описываю героизм Магнуса. Луньков, слушая наши показания, вскоре лезет в карман за лекарством и в течении беседы постоянно потирает рукой грудину. Бедный мужик, ему тоже сегодня пришлось несладко…

Дальше начинается что-то невообразимое. Нас уводят в отдельный кабинет, и количество дознавателей всех мастей вырастает в геометрической прогрессии. Нам приходится еще раз и еще раз отвечать на все их вопросы. Но наши с Магнусом показания столь убедительны, что военным экспертам остается только подтвердить их. Все полностью совпадает с их предварительным заключением. Поняв, что больше нам добавить нечего, нас передают в руки медиков. Уорену обрабатывают огромный синяк от удара прикладом в солнечное сплетение и бинтуют поврежденное наручниками запястье. Ну, а мне тщательно ощупывают мою пострадавшую конечность и накладывают фиксирующую повязку, подвешивая на ней левую руку. Мы уже собираемся уходить с Магнусом, как вдруг полицейское начальство и мэр решают, не дожидаясь утра устроить брифинг для прессы. Ага… отчитаться, что террористы обезврежены, заложники спасены, а власти — большие молодцы. Ура господа! Нет, такое ответственное мероприятие нельзя пускать на самотек, мало ли чего они там сейчас наговорят журналистам на радостях? И вообще, нам с Магнусом тоже есть, что сказать акулам пера!

Ну а дальше настает наш звездный час. Мы с Магнусом в окружении начальства спускаемся в холл, забитый прессой, щуримся под яркими вспышками фотокамер. Начальник полиции

коротко описывает хронологию произошедшего теракта, добавляя подробности, неизвестные журналистам. Потом предоставляет слово очевидцам событий — то есть мне и американскому конгрессмену Магнусу. Я скорбно вещаю о происках врагов премьер-министра Каллагена, которые предприняли безуспешную попытку поссорить Англию с СССР. Магнус уверенно подтверждает мои слова — целью террористов была советская группа. Потом рассказывает о бесчеловечном поведении ирландских террористов. Выглядит он при этом очень мужественно. Кажется, Магнус и сам уже уверовал в свой героизм и забыл, как зеленел, дрожал и размазывал сопли, прикованный наручниками к решетке. Что ж, мне остается только восторженно добавить к его рассказу, как уверенно держался конгрессмен, несмотря на жестокие побои преступников. Как он подавал заложникам пример своим мужеством, и как в результате героически обезвредил всех террористов.

В завершение нас снова фотографируют на фоне эмблемы Савойя. Мы устало улыбаемся на камеру и пальцами изображаем латинскую букву V — Победа! Таким мы и появимся завтра на первых полосах всех газет — усталые, забинтованные, с синяками, но не сломленные. Луньков уезжает в посольство, чтобы доложить в Москву подробности моего освобождения и получить новые ЦУ. Вижу поверх голов, как через полицейское оцепление прорывается «мамонт», размахивая перед носами бобби ключами от нашего номера в Савойе. Его им не удержать, и вскоре Леха сжимает меня в своих медвежьих объятьях, заставляя поморщиться от боли.

— Живой чертяка! Как же ты опять напугал!

— Лех, ты сейчас доломаешь мне руку! Что у тебя там под курткой, броня что ли?!

Смущенный «мамонт» показывает мне край знакомого пакета — опять крест, будь он неладен! Но Леха молодец, его нельзя было оставлять в номере без присмотра, мало ли что… Господи, ну и куда теперь девать это ненужное сокровище? Пока Леха коротко докладывает мне, что всех наших уже переправили в Москву, я задумчиво смотрю в спину удаляющегося Магнуса. А что если…?

— Уорен, подождите! — я выхватываю у Лехи пакет с распятием и бегу за Магнусом. Еле успеваю перехватить его у лифта.

— Уорен! Я хочу сделать вам подарок на память о сегодняшнем дне. Помните, вы сказали мне, что раскаиваетесь во многих грехах? Вот. Хоть вы и протестант, пусть эта вещь напоминает вам о том, что наша жизнь быстротечна, и тратить ее

нужно только на что-то стоящее.

Магнус заинтригованно достает из пакета коробку и открывает ее. С изумлением рассматривает крест, который, не смотря ни на что, все-таки прекрасен.

— Откуда такая красота?

Из кровавых подвалов Лубянки.

— Хотел подарить распятие Анне Кальви, но в итоге презентовал бриллиантовое колье. Ну вы помните, «diamonds girl's best friends»

Магнус смеется, жмет руку мне, а потом Лехе. Он тронут моим подарком, это видно невооруженным глазом. И я очень надеюсь, что он будет хранить его, вспоминая этот день, и свою исповедь.

А я испытываю невыразимое облегчение, отделавшись от этого чертова «сувенира», который выпил из меня столько крови…

Глава 6

Из отеля нас выводили через черный ход. Но даже там полиции пришлось выставить оцепление — на улице, несмотря на ранее утро, уже собралась толпа фанатов, зевак и журналистов, которых не пустили на ночную пресс-конференцию. Оглушенные криками, мы с Лехой шустро втиснулись в микроавтобус с затемненными окнами, и он тут же с пробуксовкой стартанул с места. Впереди и сзади пристроились полицейские машины сопровождения, и под вой их сирен мы направились в аэропорт. В салоне микроавтобуса находились трое крупных мужчин славянской внешности, их короткие стрижки и спортивные фигуры не оставляли сомнений в принадлежности к спецслужбам.

— Полковник Ивон — представился один из них, с серыми глазами и небольшим шрамом над бровью — Нас прислал Имант Янович. Мы отвечаем за вашу эвакуацию.

— Виктор — я пожал руки мужчинам. Леха последовал моему примеру.

— С лондонской полицией все формальности улажены — Ивон снял пиджак, под которым оказалась наплечная кобура с пистолетом, и бросил его на спинку сидения — На одной из баз Королевских ВВС нас ждет самолет.

— Что за база?

— Станстед. Это бывшая база американских ВВС, с которой они летали во время Второй мировой.

Я рассеянно смотрел в окно. Поспать нам сегодня толком так и не удалось — только вроде прилегли, как нас уже разбудили. Покидали с Лехой вещи в сумки — благо основной багаж увезли с группой — умылись по-быстрому, и под конвоем полиции отправились на выход. Ни завтрака тебе, ни чашки кофе. Поэтому сейчас, борясь со сном, я то и дело выпадаю из разговора. Мы уже мчимся по пригороду Лондона, то там, то здесь мелькают типичные английские домики, увитые зеленым плющом.

— Слушай, Вить — такой же сонный Леха кивает на одно из зданий из серого цвета — А почему здесь так часто встречаются дома с заложенными кирпичами окнами?

— В Англии долгое время действовал закон — вместо меня отвечает полковник — Когда за окна брали дополнительный налог. Так богачи выживали бедняков из престижных районов и приличных зданий. Ну, те и придумали закладывать часть окон кирпичами, чтобы формально избежать лишних платежей.

Я удивленно качаю головой. Какие у нас образованные гэбисты пошли… Или Ивона готовили к заброске в Британию?

Пока я вяло размышлял об этом, мы добрались до военного аэродрома, проскочили двойные ворота и выехали на взлетное поле. Там в окружении транспортных военных самолетов обнаружился…ТУ-144. На фоне неповоротливых британских транспортников, окрашенных в невзрачные серо-зеленые цвета, гордость отечественного авиастроения выглядел изящным белоснежным красавцем. Ага… гордость наша — слитая в унитаз истории сразу после смерти Брежнева. Конкорд еще больше десяти лет будет эксплуатироваться, а наши вместо того, чтобы довести до ума двигатели, в очередной раз бросили все на полдороге.

— ТУ-144? Сверхзвуковой самолет?! Ради нас двоих? — у меня отпала челюсть. Это же сколько стоит пригнать в Лондон ТУ-144?! Ценит нас Романов, однако… заботится.

— Нет, конечно — мне отвечает один из подчиненных Ивона — Кроме вас в Союз эвакуируется еще и труппа Башкирского театра оперы и балета. Они здесь были на гастролях, но сейчас их присутствие в Англии Москва тоже считает опасным.

— …А я от Зои слышал, что ТУ144 снят с эксплуатации — Мамонт опасливо покосился на белоснежного красавца — После прошлогодней аварии.

— Это был испытательный полёт модернизированного варианта самолёта — успокаивающе произнес Ивон — Мы же полетим на серийной версии.

…Подхватываем сумки, выбираемся из микроавтобуса на летное поле. Нам даже не дают осмотреться — торопят, и мы с Лехой послушно поднимаемся по трапу в самолет. Стоит мне переступить порог салона, как раздаются громкие аплодисменты, и я растерянно застываю, раскланиваюсь направо и налево, разглядывая взволнованные и сочувствующие лица своих соотечественников. Такой теплый прием мне конечно приятен, но зная «непосредственность» наших людей, нас ведь сейчас замучают здесь расспросами… Словно услышав мои мысли, Ивон аккуратно перенаправляет нас в салон первого класса.

— Нет, нам туда.

Туда, так туда… Заходим в просторный салон и оглядываемся. В этом салоне, в отличие от салона туристического класса, широкие удобные кресла, и расположены они на таком расстоянии друг от друга, что можно спокойно вытянуть ноги. Две миловидных стюардессы хлопочут вокруг нас, как заботливые феи — помогают убрать сумки, рассаживают нас в кресла, не откладывая, проводят предполетный инструктаж. Похоже, здесь ждали только нас, и через несколько минут лайнер уже выруливает на взлетную полосу. Желание заснуть никуда не

делось, ради сна я даже готов пожертвовать и завтраком. Но на грани сна я вдруг вспоминаю, что так и не спросил Мамонта о Майкле Горе. Легонько толкаю локтем засыпающего Леху

— Лех, а где Гор?

— Луньков сказал, что сразу после захвата Майкла увезли в американское посольство — «мамонт» вздохнул — Тоже видать эвакуировали на родину.

В соседнем кресле ехидно усмехается Ивон.

— Мы с американцами работаем по похожим протоколам.

Ага, сионских мудрецов….

Полковник наклоняется к моему уху и тихо спрашивает:

— Виктор, а где распятие? У Коростылева? В багаже?

— Подарил конгрессмену Магнусу — так же тихо отвечаю я — В память о наших приключениях…

— И это не было согласовано с Москвой — кивает сам себе Ивон — Что ж… Тебе отвечать…

Обдумав эту мысль и не придя ни к какому мнению я, закрыв глаза, наконец, проваливаюсь в такой долгожданный сон…

* * *

Нормально выспаться, увы, не получилось. Разбудил меня громкий хлопок — самолет пробил звуковой барьер и судя по мелькающим облакам, здорово ускорился. Что ж… часик, полтора и мы будем в Москве. Я опять задумался над тем, какой прием меня там ждет. Если не брать теракт — гастроли прошли на пять с плюсом. Группа теперь уже точно — звезды мирового масштаба. Валютные контракты с брендами, новые гастроли, пластинки и альбомы — не каждый завод и даже целая отрасль приносит стране такие деньги.

За распятие, меня, конечно, отругают, но вряд ли слишком сильно. Я по-прежнему нужен Романову в качестве «карманного» пророка. Кстати, что мне ему в этот раз преподнести? Пожалуй, все-таки Чернобыль. Сейчас за разработку ядерных реакторов конкурируют два института — Курчатовский и ИТЭФ. В моей истории победили первые. Вторые после аварии на ЧАЭС пытались найти крайних, оттеснить от кормушки «курчатовских», но так и не смогли. Возможно, конкуренция в этой сфере, пусть и излишне дорогая для отрасли, и не такая уж плохая вещь. Борьба умов и концепций, попытки доказать, что разработки конкурентов — небезопасны — все это в конечном счете работает на страну.

Размышляя о глобальных проблемах, я заметил, что грустный Леха рассматривает что-то в иллюминаторе.

— Что такой мрачный? — я ткнул «мамонта» локтем в бок — Нас «пасут» истребители НАТО?

— Витя, я увольняюсь.

Мнда… Не на такую реакцию я рассчитывал.

— Что значит, увольняешься??

— Из меня телохранитель, как из дерьма клубника — «мамонт» кивает на мою левую руку, привязанную к телу фиксирующей повязкой — Каждый раз, когда что-то случается — меня нет рядом. От ребят тоже толку мало.

Леха в чувствах бьет рукой по подлокотнику.

— Как мне смотреть в глаза твоей матери? Что о нашей охране подумает Романов и Щелоков?

Ответов на эти вопросы у меня нет, но есть одна идея.

— Погоди ты психовать. С обычными задачами — вроде защиты от фанатов — вы справляетесь неплохо. А для других целей вас нужно тренировать. Я договорюсь с Веверсом, чтобы и тебя и ребят поднатаскали в 9-ке.

— Точно договоришься?

— Обещаю. Придется попахать, вспомнить учебку в морской пехоте, но в КГБ вас подтянут.

Леха облегченно улыбается. Я же замечаю внимательный взгляд Ивона. Может альфовцев попросить о помощи? Благо знакомства наведены. Пожалуй, нет. Борьба с террористами все-таки слишком отличается от работы телохранителей. А парней я не брошу, нет. Договорюсь с Веверсом не только о курсах, но и о специальных дипломах. Парни должны почувствовать свой профессиональный рост.

Успокоив Леху, я откидываюсь в кресле и закрываю глаза. У меня еще есть три тысячи секунд для сна.

***

Самолет дергается, слышу новый хлопок. Я просыпаюсь и вижу бегущую в иллюминаторе взлетно-посадочную полосу. Похоже сработали тормозные парашюты. ТУ долго выруливает по дорожкам, после чего причаливает к выдвижному трапу. Какой прогресс! Раньше просто высаживали в поле.

— Добро пожаловать в Москву, аэропорт Внуково 2 — раздается голоса командира экипажа — За бортом семнадцать градусов, погода солнечная.

В сопровождении полковника Ивона, мы первыми выходим из самолета и быстро проходим все пограничные и таможенные формальности. Никто к нам не цепляется и багаж не

досматривает. Родная страна благосклонно встречает своего юного героя — слегка побитого террористами, но не сломленного духом.

В зале прилета пусто. Лишь рядом с невысоким заграждением стоят двое — Веверс и мама. В ногах появляется слабость, сердце начинает сильно биться. Бледная мама, расталкивая солистов театра, бросается ко мне. Прижимается справа, обхватывая меня за шею. В глазах слезы.

— Живой! Что с рукой?!?

— Не волнуйся, просто ушиб — я тоже обхватываю маму правой рукой, поглаживая по спине — Все хорошо, я дома.

Мама не выдерживает и начинает плакать. К нам подходят Веверс с Ивоном, Леха… Встают так, чтобы закрыть от выходящих пассажиров ТУ.

— Витя, дед в больнице! — мама достает платок и начинает вытирать глаза

— Как в больнице?! Что случилось??

Мама смотрит на Веверса так, словно ищет у него моральной поддержки. Имант Янович успокаивающе сжимает ее локоть и берет все объяснения на себя

— Виктор, ты только не волнуйся, но Иван Николаевич сейчас в ЦКБ. Три дня назад у него был гипертонический криз, но сейчас уже все нормально. Мы просто уговорили его пройти полное обследование, раз уж он туда попал.

Я облегченно вздыхаю. Дед в больнице не из-за моих приключений, да и гипертонический криз — это не так уж и страшно.

Мама благодарно смотрит на Веверса, достает пудреницу.

«Мы уговорили…» Как интересно. И с чего бы это, Имант Янович, Вы принимаете такое живое участие в жизни моей семьи?! Но этот вопрос я естественно произношу мысленно. И делаю вид, что не заметил его оговорки.

— Тогда мы сразу едем в ЦКБ.

— Виктор, Григорий Васильевич распорядился сначала доставить тебя в Кремль.

— Час особой роли не сыграет. А я хочу сам убедиться, что с дедом все в порядке!

Удивительное дело, но Веверс в ответ на подобный демарш только спокойно пожимает плечами и приглашает нас с мамой в машину. Леха пытается увязаться за нами, но Веверс в приказном порядке отправляет его на одной из Волг домой отсыпаться. Все разговоры и, правда, подождут до вечера. Мы лишь договариваемся с «мамонтом», что он обзвонит народ и к восьми часам вызовет сотрудников студии на Селезневскую. Коллектив

нужно успокоить, да и о премии за «взятие» Британии забывать не стоит.

А дальше, распугивая постовых, мы с мигалками мчимся в ЦКБ. В дороге почти не разговариваем. У меня хватает сил только на бутерброды и кофе из термоса, которые пришлись, как нельзя кстати. Мама же как-то очень подозрительно смущается в присутствии Веверса. Начинает рассказывать о том, как идет ремонт на даче, потом скомкано перескакивает на то, что наше выступление несколько раз показывали по Центральному телевиденью. Затем вдруг выясняется что «Имант Янович заезжал к нам в понедельник домой и любезно завез кассету с записью выступления в Манчестере». Вместе с видеомагнитофоном. А в четверг этот…генерал притащил уже ей и кассету с Уэмбли. Короче, чем дальше, тем все «чудесатее и чудесатее», как говорила одна юная английская девица. Увидев немой вопрос на моем лице, мама окончательно тушуется и смущенно замолкает. Вот так… Уедешь на очередные гастроли, зарабатывать валюту для Родины, рискуя своей жизнью, а всякие генералы в это время так и норовят пробраться в твой дом и приударить за твоей собственной матушкой. Нет, надо срочно обсудить это дело с дедом, выяснить, куда он-то смотрел…

…А с дедулей, как ни странно, и, правда, все в полном порядке. Вид у него цветущий, настроение боевое. Дед только воюет с местными врачами, пытаясь вырваться из их цепких рук. Ага… Не тут-то было! К этим сатрапам если попадешь, быстро от них не вырвешься — это тебе не районная больница. У эскулапов из ЦКБ видно тоже есть свой «протокол», так что пока все обследования не пройдены, о выписке и разговора быть не может, дня три ему здесь еще точно придется провести. Про теракт деду естественно никто сообщать не собирается, про руку бодро докладываю, что там лишь небольшое растяжение. О «небольших неприятностях», из-за которых нам пришлось вернуться в Союз раньше времени, своим родным я уже вру практически профессионально, а Веверс с таким же профессиональным интересом наблюдает за тем, как я на ходу придумываю, за что же нас выперли из Англии. Угу… Оказывается, из зависти англичане сорвали нам концерт в Бирмингеме, а мы обиделись и уехали домой. Обидчивые мы очень. А что? Я практически и не соврал, подумаешь — не все рассказал! От дотошного допроса родственников меня спасает все тот же Веверс, напоминая, что нас ждут в Кремле. Кремль — это святое. Меня тут же отпускают, а мама еще ненадолго остается в ЦКБ.

Стоило нам оказаться наедине в коридоре, как к Веверсу возвращается его привычная жесткость

— Ви-иктор, что с распятьем?

— Ваше распятье отправилось в Америку, я подарил его конгрессмену Магнусу.

Веверс замолкает, его лицо застывает, и несколько минут мы идем в тишине. Видимо генерал обдумывает последствия моего своевольного поступка. Наконец, придя к каким-то выводам, он хмыкает и скупо улыбается.

— А может это и не самый худший вариант…

— Ну, да…учитывая, что конгрессмен собирается поучаствовать в борьбе за пост президента США.

— Отку-уда такая информация? — Веверс застывает на месте и недоверчиво смотрит на меня

— Из первых рук, так сказать…

— Ла-адно… О таком не стоит говорить на ходу.

Не стоит, так не стоит. У меня теперь будет лишнее время обдумать, как лучше преподнести эту информацию заинтересованным лицам. Я понимаю, что в очередной раз иду по краю пропасти. Стоит лишь Магнусу при распятии сболтнуть про мое финансирование избирательной кампании — как распечатка тут же ляжет… Правильно, на стол Веверсу. Имант Янович тут же меня спросит — откуда, собственно, дровишки? То бишь миллионы из оффшорного фонда. Впрочем, я в Уорене уверен. Мы совершенно четко обговорили, что мое участие должно держаться в тайне. Ну не будет же он разговаривать сам с собой? Или будет?

* * *

— Тут вот какое дело, Виктор — посеревший, с красными глазами Романов по-отечески положил руку мне на плечо — У меня нервы не железные. Я войну прошел, разбомбленный Ленинград восстанавливал — но таких переживаний и волнений у меня на руководящей работе еще не было. С сегодняшнего дня ты невыездной. Сиди дома, записывай песни, на зарубежные гастроли — ни ногой

ЧТО?? Я подскочил на стуле, но хитрый Генсек придавил меня ладонью обратно. Стоит за спиной словно Сталин позади соратников. Только дымящейся трубки не хватает.

— Григорий Васильевич, мы же вас не подвели — зачастил я, поворачивая голову к Генеральному — С захватом все обошлось, Каллагену помогли, всемирный успех группы… Потом скоро чемпионат Европы по боксу в Кельне…

Романов не глядя на меня, начинает мерять шагами

кремлевский кабинет. Тихоньки бьют напольные часы — четыре часа. Разгар рабочего дня, но в приемной — никого. Ну и правда, кто из чиновников сунется к ТАКОМУ главе государства. Раздраженному, не выспавшемуся… Верный шанс отправиться на Чукотку на руководящую работу к оленеводам.

Разглядывая знакомый кабинет, мне и самому не верится, что еще совсем недавно я бил током террористов, ходил «лунной походной» по сцене Уэмбли и вел переговоры на миллионы долларов. Две жизни — две реальности.

— Я не собираюсь объясняться с твоей мамой, почему тебя в следующий раз привезут в цинковом гробу.

Романов подошел к окну и начал массировать глаза. За те полмесяца, что я его не видел — он здорово постарел, осунулся.

— Никакие деньги, никакая помощь зарубежным политикам и никакие победы в спорте — не стоят всего этого — Генеральный машет в сторону рабочего стола и стола для совещаний. Я вижу, что он просто завален документами наверху которых лежит карта Лондона с пометками.

— Все что тебе положено — получишь — продолжает Романов — Медали за проявленное мужество, награды, премии, я даже разрешаю тебе стать лицом японской фирмы Сони — тут японская делегация сидит в Москве. Ведем переговоры об открытии предприятий в свободной экономической зоне под Владивостоком. Увидели по телевизору твое кривляние на сцене и просто с ума сошли. Готовы заплатить полмиллиона долларов, чтобы ты прошелся своей лунной походкой по Красной площади с их новым плеером Волкман. Я дал добро, пожалуйста. Подписываете документы и Селезнев весь ваш. Но за рубеж… извини.

Вот же хитрый Романов! Заводы на мне срубил. Еще и полмиллиона зеленых отхватит в бюджет. А мне что с этого?

— Нельзя за рубеж так нельзя — я пожимаю плечами. Как там пел Ролан Быков в Айболите-66?

«Ходы кривые роет
Подземный умный крот.
Нормальные герои
Всегда идут в обход!»

— Но у меня просьба. Даже две.

— Давай — удивленный моей уступчивостью Романов присаживается рядом

— Разберитесь, пожалуйста, в вопросе отца нашей солистки Лады. Его взяли по казахскому делу.

— Там уже разобрались — Генеральный поднимает трубку телефона и просит принести себе и мне чаю — Членов

правительств Казахской ССР освободили на следующий день. Арестованы только Кунаев и люди из его клана.

Я облегченно вздохнул. Отлично! Одно дело сделано.

— Вторая просьба разобраться с распятием. С секретным жучком внутри. Кто это придумал так меня подставлять с ним?

— Цвигун. И Суслов. Возможно, Черненко. Начато служебное расследование — Романов резко отставляет чашку — Я это так дело не оставлю, но нужно подождать результатов проверок. Веверс совсем недавно встал на ПГУ, своих людей в КГБ у меня сейчас практически нет

Понятно. Генеральный не хочет раскачивать лодку. Сначала Грузия, потом Узбекистан, теперь и Казахская ССР. Если начать перетряхивать Политбюро, КГБ, то страна может и не выдержать таких телодвижений. В ЦК сейчас рулят региональные секретари. Самая большая группировка — украинцы. Если они испугаются и начнут готовить заговор…

— Подождать так подождать — хмурюсь я — Я специалист по подсчету дней.

Сказать ему в лицо? Или не стоит? Банду грузин в Арагви благодаря нам с Лехой взяли? Взяли. Ниточка аж в Тбилиси потянулась. Награды уже три месяца ждем. С Ираном помог? С Узбекистаном? С сибирской язвой?

По глазам Романова вижу, что он понял мое настроение.

Генеральный берет трубку вертушки — Андрей, зайди

В кабинет заглядывает молодой, незнакомый секретарь Романова.

— Я помню на Селезнева приходил наградной лист из МВД. Срочно найди.

Помощник уходит, а я все думаю, как вернуть себе заграничные поездки. Надо идти к Щелокову.

— Новые сны были? — я так задумался, что не заметил сверлящий взгляд Романова

— Был. Один. Тоже плохой.

— А хорошие тебе и не снятся — криво улыбается Генеральный — Что-то срочное или подождет?

Я окончательно решаюсь сдать Чернобыль и кривые «курчатовские» реакторы РМБК. Пусть на них надавят и они допилят вопросы безопасности. Романову — это близко. Он еще помнит аварию 74-го года на Ленинградской АЭС с точно такими же агрегатами. А ведь там рядом Финский залив! Могло случится два Чернобыля с заражением всей северной Европы.

— Ничего срочного

— Тогда приезжай завтра в обед на награждение. И «звёздочек» своих с Коростылевым захвати. Заодно расскажешь

свой сон — Романов откидывается в кресле, закрывает глаза. Я это воспринимаю как сигнал к ретираде. «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит!». Я выхожу в приемную, оглядываюсь. Все также пусто.

— Товарищ Романов спит. Его лучше не беспокоить.

Знакомлюсь с новым секретарем — Селезнев. Виктор

— Знаю. Я тут тоже всю ночь дежурил — веснушчатый, рыжий помощник жмет мне руку — Андрей. Князев

— Тяжело было?

— Да. Очень Григорий Васильевич за вашу группу переживал. Орал на английского премьер-министра.

Ого! Каллагену прилетело из Кремля. Ну и правильно, так и надо. Англичанку надо строить каждый день. Иначе эта недоимперия теряет берега. Я смотрю на свой «итальянский» Ролекс. Пять часов. Сбор группы в восемь. У меня есть время съездить к Щелокову, после чего вернуться в студию и позвонить Анне. И Гору.

— Андрей, вызовешь мне машину?

— Конечно, Виктор Станиславович! — секретарь хватает трубку вертушки

А я чуть не расплываюсь в улыбке. Меня впервые назвали по имени-отчеству. А то все Витя, да Витька, а то и вообще Витек Ладно, главное теперь мне самому берега не потерять и звездочку не поймать.

* * *

Щелокова на Огарева не оказалось. Как мне сообщил, встреченный в коридоре полковник Зуев, Николай Анисимович инспектирует строящийся олимпийский бассейн на одноименном проспекте. Само здание уже завершено, заканчиваются отделочные работы. Вот тут я соображаю, что что-то в этой реальности пошло не так. Оказывается, ударным трудом, с опережением графика строители закончили не только бассейн, но и гостиницу Космос. На несколько месяцев раньше плана. По поручение Политбюро Щелокову поручено организовать торжественное открытие.

— А каким боком к этому МВД? — удивляюсь я

— Николай Анисимович, с прошлого понедельника — заместитель Романова — поясняет мне Зуев — Курирует от Политбюро данный вопрос.

Круто. Шеф пошел в гору.

Делать нечего — еду в бассейн. Вахтер на входе меня узнает

— объясняет дорогу. Иду мимо строительных лесов, суетящихся рабочих. Несмотря на то, что сегодня суббота — работа кипит. Нет, в стране что-то действительно, поменялось! Люди все на энтузиазме, улыбаются. Рядом с лесами стоит магнитофон — из него доносится «На теплоходе музыка играет». Теперь уже улыбаюсь я. Ко мне подбегают молодые девчонки в красных косынках. Просят автограф. Расписываюсь на каких-то бумажках, студенческих билетах… Меня засыпают градом вопросов. Про Англию, про концерт на Уэмбли… Черт, да здесь сейчас соберётся стихийный митинг. С извинениями, протискиваюсь дальше, захожу в огромный зал бассейна. Там у бортика в окружении маляров стоит, разглядывая какие-то эскизы, Щелоков. А рядом с ним…Юрий Михайлович Чурбанов!

Подхожу к ним сзади, прислушиваюсь к разговору.

— … прилетаю, а там Содом с Гоморрой — рассказывает Щелокову Чурбанов — Проектной документации нет, спитакский первый секретарь горкома на больничном, никто ничего не знает, никто ни за что не отвечает. Собрал строителей местных, поехали к новому, только что сданному дому. Подогнали кран, металлическим тросом обвязали его, дернули, имитируя землетрясение — так он за считанные секунды сложился внутрь!

Раздаются женские охи и тихий мужской мат.

— Вот, товарищи, что бывает, когда нарушаются правила строительства в сейсмоопасной зоне! — назидательно произносит министр — Если бы не сигнал по партийной линии, то мы бы узнали обо всем этом, вытаскивая людей из завалов… О! Виктор!

Ко мне все оборачиваются. Щелоков отдает эскизы кому-то из рабочих и обнимает меня. Вслед за ним крепко жмет руку Чурбанов.

— Мы тут за тебя переволновались! — министр тянет меня прочь от толпы в сторону вышек для прыжков в воду

— Я лично навещал Людмилу Ивановну — Чурбанов кладет мне руку на плечо — Успокаивал

Ты посмотри какая конкуренция «успокоителей» образовалась.

— Все же нормально закончилось… Николай Анисимович, Юрий Михайлович, я был в Кремле… Григорий Васильевич сказал, что я теперь невыездной!

— И что ты от нас хочешь? — пожимает плечами Щелоков — Чтобы я уговорил Романова отпустить тебя в Кельн? После Лондона?!

— Понимаете, Николай Анисимович, с одной стороны мне конечно приятно, что за меня так переживают, а с другой — выводы из произошедшего события Григорий Васильевич сделал

совершенно неправильные. Вместо того, чтобы ковать железо, пока горячо, меня заботливо прячут под стеклянный колпак. Сейчас по-хорошему надо не прятаться, а всячески зарабатывать очки на произошедшем, показывая миру, что нас не запугать. Но разве Генеральному это докажешь?

— Твой вопрос на Политбюро разбирался — Чурбанов трет загоревшую шею — Слишком много вокруг тебя, брат, шума

— Просто сейчас мы все должны сделать правильные выводы из допущенных ошибок — тороплюсь я.

— Например? — Щелоков мне улыбается и явно симпатизирует

— Например, не быть беспечными и не селиться больше в гостиницах, даже в самых дорогих и хороших.

— Что, не понравилось тебе в Савойе?! — министр смеется — А я тебя предупреждал! Скромнее надо быть

— Не понравилось. — Я виновато опускаю голову. Чего уж… если был неправ. — Не так там и здорово, живешь как под микроскопом, а охрана смешная. Но понимаете, Николай Анисимович, и в любой другой гостинице нас бы точно также взяли бы в заложники!

— И какой выход ты видишь?

— Правильнее будет снимать небольшую гостиницу целиком. Или же особняк. Пусть небольшой, недорогой, но зато позволяющий организовать снаружи и внутри эффективную охрану. На Западе при составлении контракта с артистом есть такая штука, как райдер. Это список требований звезды к организатору — от сорта минералки до марки и цвета машины, которую им должны предоставить. Мне, например, плевать на всякие мелочи типа мебели или еды, я парень не капризный.

Оба министра переглядываются.

— Но вот охрану для себя мы имеем полное право потребовать с организаторов гастролей. Или же пусть они сами договариваются с полицией, чтобы нам разрешили приехать со своими вооруженными телохранителями.

— Эк, ты размахнулся…!

— Так я же не мороженое с пирожными у них прошу! Я всего лишь хочу безопасности для себя и своих людей. Разве это много? Почему Анна Кальви всегда путешествует с вооруженной охраной?

Щелоков задумывается, и я понимаю, что мои слова упали на благодатную почву. Ничего, он мужик разумный — подумает, подумает, да и придет к таким же выводам. В конце концов, наша группа — это сейчас практически станок, печатающий государству валюту. И разве не разумно немного потратиться на

защиту такого ценного станка?

— Ладно, я подумаю, чем могу помочь — Щелоков хлопает меня по плечу — А ты подумай вот над чем. Нам тут гостиницу Космос надо открыть. С европейским размахом. Позвони своим западным друзьям-звездам, пригласи приехать. Ну чтобы… как в Нью-Йорке — спели вместе песню, можно даже ту… Здравствуй, мир!.

Я матерюсь про себя. Опять они на меня этот хомут с «Здравствуй, мир!» вешают. Еще Кобзона с Хилем на сцену заставят вывести.

— Григорий Васильевич, особенно просил для Людмилы Сенчиной новую песню написать. Хит.

Мужчины вновь переглядываются, разве что не подмигивают друг другу

— А когда открытие?

— Хотим 1-го мая. День труда, наши строители ударно потрудились, перевыполнили план… Сначала митинг, потом праздничный концерт

— Николай Анисимович — взвыл я — Никак невозможно. Просто не успеем. Полмесяца осталось!

— Комсомольцы не знают слово невозможно! — назидательно произносит Чурбанов — Ты уж постарайся.

Все понятно. Без меня меня женили. Концерт им сделай, мировых звезд пригласи… Допустим программа у Красных Звезд обкатана — тут проблем не будет. Для Сенчиной песню «напишу», а там глядишь и Григорий Васильевич оттает…

Щелоков возвращается к рабочим, а я иду обратно к машине. Меня берется проводить Чурбанов.

— Восемнадцатого апреля день рождения Галины — Юрий Михайлович прихватывает меня за локоток у входной двери — Из-за отца отмечать будем скромно, но если приедешь к нам на дачу — буду рад.

— Конечно, заеду, поздравлю — киваю я — А как Леонид Ильич?

— Плохо — Чурбанов захлопывает дверь, достает сигареты — Еще одна клиническая смерть была, еле завели сердце

Министр МЧС закуривает, пускает струю дыма вверх.

— Обсуждали с Чазовым отключение от систем жизнеобеспечения — Чурбанов тяжело вздыхает — Мозг мертв, надежды нет.

Я тоже вздыхаю. Жалко Ильича. И еще больше жалко Галину. Ее смерть отца просто доконает.

— Кстати, Руденко закрыл по тебе дело — министр еще раз глубоко затягивается — Расследование показало, что инсульт

случился естественным образом — ты не при чем.

— Спасибо, конечно, но не стоило это дело вообще заводить.

— Стоило, не стоило… Ты Витя, просто не представляешь, сколько у тебя врагов вокруг…

Нет, очень даже представляю. И чем дальше — тем больше будет.

* * *

Выхожу из машины и встречаюсь с ошарашенным взглядом знакомого милиционера, курящего на крыльце. У бедного мужика из руки выпадает окурок и он, кивнув мне, бросается вовнутрь с криком «Виктор приехал!». Похоже, меня здесь не ждали, а я вот он — нарисовался! Захожу в здание и вижу своих сотрудников, с тревожными лицами выбегающих в холл. Вскидываю в приветствии здоровую руку и чтобы разрядить мрачную обстановку изображаю лунную походку. Шутка не прокатывает. Вместо того, чтобы весело посмеяться, все с самым серьезным видом бросаются меня ощупывать, и лишь убедившись, что я в полном порядке, начинают потихоньку оттаивать. Только сейчас до меня доходит, что это для нас с Лехой теракт уже далек, как страшный сон, а они всего лишь несколько часов назад узнали, что заложников освободили, и мы уже в Москве. И хотя все уже понемногу улыбаются, осторожно обнимают меня и даже похлопывают по плечу, напряжение еще витает в воздухе. У женщин теперь глаза на мокром месте, а Вера и вовсе, не скрываясь, начинает плакать. Обнимаю ее и тихо шепчу на ухо:

— Ну, перестань, успокойся… все уже закончилось…

Но мои слова производят обратный эффект, ее тонкие плечи начинают сотрясать рыдания. Осторожно передаю ее в руки Татьяны Геннадьевны, попутно замечая на щеке Веры большой припудренный синяк, и окидываю всех расстроенным взглядом. Да…не такой встречи я ожидал. Наверное, только у меня такая непробиваемая шкура…

— Та-ак, что-то мне не нравится настроение в студии. Вы хоронить, что ли меня собрались? Вернулся живой, практически здоровый, а сотрудники даже стакана водки не налили! Непорядок! Покормите хоть меня?

Тут уже все окончательно оттаивают и всей толпой тащат меня в столовую. Правильно. Голодный шеф — злой шеф, а мне за весь этот долгий день достались только бутерброды и кофе. Утолив первый голод, я коротко рассказываю народу про теракт, и если судить по моим словам, то все было не так уж и не

страшно. А чего людей-то зря пугать? Кому надо, я потом опишу во всех подробностях, а пока озвучиваю так сказать лайт версию. Наш ужин плавно перетекает в производственное совещание, и вскоре мы перемещаемся в репетиционную. Народ уже порядком успокоился, пришло время подвести итоги и поставить перед коллективом новые задачи.

Начинаю короткий спич с хорошей новости. Отца Лады освободили. Народ уж об этом знает, но никогда не поздно поднять сотрудникам настроение. Улыбающуюся солистку обнимают, целуют в щеки. Я тем временем продолжаю. Мы большие молодцы. Задачу, поставленную перед нами руководством страны, мы с честью выполнили. В таких сложных условиях, смогли качнуть чашу весов в пользу Каллагена. Если они не дураки, то и теракт обернут в свою пользу. А все члены нашего дружного коллектива постарались и выложились на гастролях на сто процентов. В результате наш первый англоязычный диск-гигант записан в рекордные сроки, а выступление группы на Уэмбли получилось поистине триумфальным. Наши новые песни заняли высшие строчки английских хит парадов и непрерывно звучат в эфире. Мы получили отличную прессу, причем не только в музыкальных специализированных изданиях, но и во всех центральных британских газетах, включая самые респектабельные. Группа выступила на ТВ в популярном шоу Паркинсона и навела там шороху, а Би-би-си устроило нам прекрасную рекламную акцию, показав в прайм тайм не только наш концерт на Уэмбли, но и советский документальный фильм про пребывание в Союзе Моники. Даже страшно представить, до каких высот поднялась бы еще наша популярность после Бирмингема и участия в Национальной выставке СССР! Но старушка Англия уже и без них легла к нашим ногам, а учитывая, что англичане сейчас — законодатели музыкальной моды, в Европе мы теперь тоже в лидерах. Пора закрепить достигнутый успех.

Особой благодарности удостаиваются Львова и ее подчиненные. Наши сценические костюмы выше всяческих похвал и удостоены высокой чести попасть на страницы «Vogue» — журнала N1 в мире моды, а фотография нашей Татьяны Леонидовны украсит большую статью за авторством Грейс Мирабеллы, наравне с нами и фото ее портновских шедевров. Львова смущенно краснеет, слушая мои дифирамбы. Перевожу дух и окидываю взглядом одухотворенные лица своих сотрудников. Что ж, они все действительно молодцы и заслужили такую похвалу. А по сему…

— Думаю, будет справедливо по итогам гастролей наградить

весь коллектив премией. Размер ее мы еще должны согласовать с руководством МВД, но думаю, нас не обидят, учитывая сколько валюты мы заработали для родной страны за эту поездку. Что касается солистов и директора — я делаю короткий поклон в сторону Клаймича — То завтра к 12 часам едем в Кремль. Нас будет награждать руководство страны.

Народ оживляется, перешептывается.

А что…?! Сколько уже можно платить людям премии из своего собственного кармана? Мне, конечно, не жалко, но может уже и МВД пора раскошелиться? По моим прикидкам мы давно отбили все затраты на нашу студию, и даже не по одному разу.

— Теперь поговорим о наших ближайших планах. Во-первых, мы сильно задолжали нашим родным советским поклонникам. Пора закрыть этот долг и закончить, наконец, запись двух наших дисков на Мелодии. Стыдно, товарищи, что наши песни ходят по стране в каких-то жутких левых катушках и кассетах. Пора исправить это безобразие. Во-вторых, прошедшие гастроли показали два наших слабых места — отсутствие нормальной концертной аппаратуры и профессионального танцевального сопровождения. И если с аппаратурой вопрос в принципе решаем, это лишь дело времени и денег, то та английская подтанцовка, что предоставил нам Майкл Гор и та, что есть сейчас у нас, разняться, как день и ночь. — Заметив, что Татьяна Геннадьевна собирается мне что-то возразить, я жестом останавливаю ее — Не надо. Мы все здесь не слепые. А после Англии теперь хорошо понимаем, какого уровня нужны нам танцоры. Поэтому: этим людям надо сказать спасибо за доставленные хлопоты, расплатиться с ними и проститься. А потом заняться поисками нормального хореографа, который сам наберет группу, руководствуясь профессиональными критериями, а не личной симпатией.

Народ одобрительно загудел, и Татьяна Геннадьевна тут же сникла. Вот так. Пусть уже вспомнит, кто в этом доме хозяин. Она мне еще ответит за нервотрепку в Англии, я ей этого тоже не спущу. И про поездку на предстоящие гастроли она может забыть, звездочки теперь вполне справятся сами.

Дальше мы переходим на разные организационные вопросы, обговариваем распорядок дальнейшей работы. Совещание заканчивается. Людям нужно отдохнуть, прийти в себя и набраться сил перед новым трудовым марафоном. Все остальное ждет до понедельника. Вскоре в студии остается только Клаймич, с которым мы и уединяемся в моем кабинете. Прослушки вроде бы не должно быть, но осторожность нам не помешает, и я втыкаю в сеть чудо-гаджет имени генерала Веверса. Клаймич

одобрительно следит за моими действиями и окончательно расслабляется. Наливает себе армянского коньяка на два пальца.

— Ну, как дела, герой…?!

— Нормально. Но Кельн нам пока Романов перекрыл. А как вы?

— Да что мне сделается? Мы за тебя все переволновались.

— С Гором успели поговорить?

— Успел. С выпуском диска проблем не будет, осталась какая-то мелочевка, они сами ее доделают. По переговорам с Рицоли будет держать нас в курсе. А наши вещи, которые остались на Эбби Роуд, он обещал переправить контейнером.

— Много там нашего барахла собралось?

— Достаточно. Все сценические костюмы, которые были приготовлены к поездке в Бирмингем, инструменты… А ты ведь еще и распорядился крупные покупки в отель не приносить, так что…

— И, слава богу, что распорядился! Только представьте, как иначе выглядела бы ваша эвакуация из отеля, позора бы не обобрались!

— Это да… Но народ конечно переживает за свои покупки и подарки родственникам.

— Надо всех успокоить. Будем надеяться, что сотрудники Майкла все аккуратно соберут в контейнер и перешлют по-быстрому самолетом. А я попрошу Веверса посодействовать, чтобы таможенники нам нервы не трепали.

— Тогда я обзвоню народ, чтобы каждый составил свой личный список, иначе с таможней у нас могут быть неприятности. И вот что еще… В самолете я отобрал у всех оставшуюся валюту и составил ведомость. Она сейчас вместе с деньгами лежит в сейфе. Ни к чему нам еще и валютные неприятности. И полагаю, нам всем стоит заплатить подоходный налог государству с той премии, что нам выдал Гор. Марков о ней в курсе.

Вот же…предусмотрительный наш еврей! Все уже продумал. Хотя…после месяца в Лефортово и на воду дуть начнешь.

— Григорий Давыдович, созвонитесь с Калининым и узнайте, как все правильно сделать, чтобы претензий к нам не было. Валюту всю срочно сдайте. Часть в уплату подоходного налога, часть попробуйте перевести в чеки Внешпосылторга. Упрутся — черт с ними, пусть просто конвертируют по курсу. Много там вообще набралось-то?

— Да, нет. Большую часть народ успел потратить.

— Вот и прекрасно. И нечего жалеть, еще заработаем.

— Виктор, а нас не заставят платить неустойку за сорванный концерт?

— Нет, не думаю. Во-первых, он был некоммерческим, во-вторых, англичане чувствуют себя виноватыми за теракт, а в-третьих, теракт — это чистый форс мажор, предусмотренный контрактом. В любом случае, пусть теперь юристы-международники разбираются, нас это никак не касается. Скажите лучше, вы не в курсе, что у Веры со щекой?

Клаймич смущенно кашляет и отводит взгляд

— Ну…это ей от Альдоны попало…

— За что?!!

— Истерить начала, не хотела уезжать. Начала кричать, что все вокруг предатели, бросают тебя в беде, а сами как крысы бегут… Ну, Альдона и влепила ей… Навела так сказать порядок.

Я теряю дар речи… Ничего себе…! А Алька молодец, в тот момент только истерик и не хватало. Чтобы сгладить неловкое молчание, я вспоминаю о разговоре со Щелоковым. Озадачиваю Клаймича переговорами с японской делегацией и организацией концерта в Космосе. Точнее в сквере у центрального входа в гостиницу — там хорошая, просторная локация, а изогнутые стены обеспечат нам отличную акустику. Пока директор тут же на бумаге набрасывает список выступающих, я достаю еще одни свой чудо-гаджет — «Inmarsat 1». Чемоданчик был опечатан перед Англией, но я недрогнувшей рукой вскрываю пломбы, разворачиваю антенну и набираю телефон римской виллы Анны. Трубку берет дворецкий, я представляюсь. Приходится немного подождать, но спустя пару минут раздается взволнованный голос девушки.

— Витторио, ты как?? Я тут чуть с ума не сошла!!

Дальше на меня обрушивается вал итальянской нежной экспрессии. Больше получаса мне приходится успокаивать и утешать Анну и убеждать ее, что я в полном порядке… Наконец буря стихает и мы, обменявшись телефонными поцелуями, прощаемся.

Пока я успокаивал девушку, Клаймич уже успел прикинуть план концерта. Идея проста: сборный состав, все поют по одной песне, желательно новой, в завершении общее исполнение «Здравствуй мир!». Вот только западных певцов мы в этот раз звать не будем — ограничимся своими из разных республик и пригласим звезд из соцстран — это сейчас намного актуальнее, а главное их всех проще собрать. Достаю из папки свой злополучный список, зарубленный когда-то Щелоковым и цековцами, недрогнувшей рукой вычеркиваю из него Пугачиху. Дрогнувшей Градского. Но обещание Щелокову придется сдержать. Клаймич пробегает мой список глазами, и тут же начинает добавлять в него имена звезд из соцстран. Обещает сам

созвониться с Марковым, с которым у них в Англии сложились довольно хорошие отношения. Хоть у нас и карт-бланш на организацию этого концерта, но согласование такого важного мероприятия с ЦК никто пока не отменял. А с меня две новых песни — нам и Сенченой. Еще некоторое время обсуждаем детали, после чего собираемся по домам. Клаймич уезжает первым, а я еще несколько минут стою на крыльце, вглядываясь в вечернее небо… Как будто и не было поездки в Англию, все снова вернулось на круги своя… Со стороны ворот слышу родной голос, от которого на душе становиться тепло

— Молодой челове-ек, вас не подвезти-и…?

Альдона кивает мне из окна белоснежной «Волги». Ничего так девушка прибарахлилась…! Но нужно признать, что эти две блондинки неплохо смотрятся вместе.

— Меня Леха должен ждать

— Ничего, я его предупредила. Залезай уже…

Глава 7

15 апреля 1979 года, воскресенье, утро
Москва, улица 1812 года, квартира Селезневых

Просыпаюсь утром с тихим ощущением счастья… Слышу, как мама хлопочет у плиты, как тихонько на пределе слышимости работает на кухне радио. В эфире воскресное «Доброе утро!». А запахи…! Эти божественные запахи маминой стряпни, разносятся по всей квартире, проникают в каждый ее уголок и искушающе щекочут ноздри… Нет, я-то конечно у нее неблагодарный поросенок, кто бы спорил… Явился вчера к ночи ближе и на голубом глазу начал убеждать маму, что был на работе. Ага… а то по моей довольной морде не понятно, где я шлялся и чем занимался. Но наши мамы всегда хотят верить в лучшее, вот и моя лишь укоризненно покачала головой. А потом и вовсе забыла про все мои грехи, увлекшись разбором своих и дедовых подарков. Женщина… и этим все сказано. Я же, как самый настоящий свинтус, свалил в прихожей кучу своих вещей, предназначенных в стирку, быстренько принял душ и сбежал спать. Даже не поговорил толком с родным человеком, а ведь она ждала меня, ужин приготовила… Нет, пора исправляться.

Но зато, каким фееричным было окончание вчерашнего вечера! Конечно, далеко мы с Алькой не уехали — остановились у ближайшего сквера, потушили огни. Вокруг, никого и темнота. Которая, как известно — друг молодежи.

— Ты зачем Веру ударила? — сразу решаю показать, кто в доме хозяин я — Да еще по лицу!

В отблесках фар встречной машины вижу, что на скулах девушки появились красные полосы.

— Ты же тхэквондо изучала, со спецназом тренировалась — я кладу руку на бедро Альдоны, провожу влево, задирая короткую шелковую юбку. Под ней… ничего! Ни чулок, ни колготок. Лишь прохладная, гладкая кожа.

— Зафиксировала бы ее на болевой и всех делов — я продолжаю двигать ладонь вверх

— Что ты делаешь?! — девушка отталкивает мои руки, но ее бурно вздымающаяся грудь мне говорит о совсем других желаниях.

Я впиваюсь поцелуем в шею Альдоны и крепость сдается. Соскучившаяся по мне Алька — это что-то фантастическое! И заднее сиденье «Волги» оказалось не в пример удобнее, чем в «Жигулях». Короче, обновили машину. Потом немного передохнули и еще раз обновили, чтобы уже наверняка.

Крутясь под душем, я прихожу к мысли, что мою ледышку-латышку вчера словно прорвало. Это уже и не ледышка была, а ненасытная валькирия какая-то! Такой бешеный темперамент в ней проснулся, такая страсть… Вот вспомнил сейчас, что мы с ней вытворяли, и низ живота тут же наполнился приятной тяжестью.

А нашу с Алькой встречу надо повторить, причем в самое ближайшее время. Толком мы так и не поговорили, некогда нам было. Но уже по дороге домой я успел честно рассказать ей, как все было с терактом на самом деле, без всяких прикрас и недомолвок. С трупом официанта, с побоями, с простреленной рукой принца Филиппа, кровью и прочими мерзостями.

— Значит, все же они за нами охотились…

— За нами. Но что-то у них пошло не так, видно они очень торопились. Из лифта вместе со мной в холл выходили две девушки. Наблюдатель мог просто принять их за вас и дать террористам отмашку.

— А все же жаль, что меня там не было…

— Нет, не жаль! Слава богу, что эти идиоты так промахнулись. Я бы не смог стерпеть, если бы эти твари начали вас бить, и чем бы все закончилось, неизвестно. Вернее известно — там бы меня и пристрелили. Перед автоматами мы все беззащитны…

Машина уже стоит у нашего подъезда, и мы, молча, смотрим в глаза друг другу

— Я же могла потерять тебя…

— Могла. Но я вернулся. Потому что кто-то очень меня ждал…

Прощаться не хочется, но приходится. В окнах нашей квартиры горит свет, мама ждет меня… Я понимаю, что наш разговор с Алькой еще далеко не окончен, и отвлекаю ее нежным прощальным поцелуем.

…Мои воспоминания обрывает мамин стук в дверь ванной.

— Витя! Хватит плескаться, завтрак остывает!

— Иду

Мама смотрит с умилением, как я уминаю любимые сырники, интересуется, чем нас кормили в Англии по утрам. Мычу с набитым ртом: долой поридж! Наелся его на всю оставшуюся жизнь. Хочу нормальной человеческой еды! Шашлыка хочу! С румяной корочкой. На косточке. Под такое слюноотделение, сырники проскакивают на раз.

Насытившись, довольно откидываюсь на спинку стула, умильным взглядом обвожу нашу кухню — как же хорошо дома! На подоконнике замечаю стопку прочитанных газет и тянусь за

ними. Наверное, дед проводил недавно очередную политинформацию для мамы. И пока она идет собираться и одеваться на награждение в Кремль, я от нечего делать, просматриваю центральную прессу, собравшуюся за время моего отсутствия. А человеку, посвященному в высокую политическую кухню, там есть, что почитать — даже краткие заметки на первой полосе говорят мне о многом.

Я просто потрясен, какую бурную деятельность развил Романов! Чуть ли не каждый день в Кремле и министерствах происходят какие-то важные совещания и коллегии. Генсек не жалеет ни себя родного, ни своих соратников — бросает их на самые сложные участки, нагружая дополнительной работой.

На следующий день после нашего отлета в Кремле проходит расширенное совещание по подготовке страны к предстоящей Олимпиаде. В «Правде» оно довольно подробно освещается. По итогам прокурорских проверок сняты сразу несколько крупных чиновников, причем не только в сфере строительства. И формулировки, с которыми они уволены очень жесткие — Романов особо не миндальничает. Произносит на этом совещании очень жесткую, но правильную фразу, обращенную к чиновникам, которую «Правда» цитирует дословно: «Не хотите хорошо работать — уходите». Ну и пара уголовных дел, возбужденных по результатам проверок — на одном из объектов вскрыто крупное хищение строительных материалов, кто-то решил нагреть на Олимпиаде руки. То-то Щелоков у нас занялся личной проверкой олимпийских объектов…! Ну и правильно. У Николая Анисимовича не забалуешь, ворам и саботажникам впору уже начинать писать признания.

Особенно интересно читать «Московскую правду». Гришин — это тот человек из романовской команды, который больше других занят сейчас Олимпиадой, и возложено на него столько, что его в пору пожалеть. Что ж, со своих у Романова и спрос больше, он ведь и себя не щадит. Так и проверяются люди. Ко дню рождения Ленина, кстати, в Москве намечается провести грандиозный субботник силами трудовых коллективов столицы, и многие из них будут трудиться на строящихся олимпийских объектах. Надо бы мне и своих сотрудников вывести на мероприятие, некоторым полезно будет потрудиться на свежем воздухе, а то с утра до вечера сидят в студии. Да и фанатов во главе с Лаэртом нужно занять чем-то полезным, нечего штанами лавочки протирать во дворе.

А еще оказывается Гришин подписал договор с итальянской фирмой на открытие в Москве сети пиццерий. Итальянцы обязались не только обучить персонал и поставить оборудование

для этих заведений, но и построить на одном из московских заводов линию по выпуску пицц в виде полуфабрикатов для быстрого домашнего приготовления. Засунул в духовку и готово! А вот это отличная новость. Лучше уж пусть пиццерии у нас процветают, чем бигмачные.

В Известиях вижу две большие, редакционные статьи. Первая — о подготовке саммита глав стран участников СЭВ. На повестке дня обсуждение возможности снятия таможенных барьеров и создания единого экономического пространства для соцстран. Ух, ты…! И здесь у нас подвижки… Да, пока предстоит только «обсудить возможность», но главное — лед тронулся, и есть обоюдный интерес к этой теме. Соцлагерь нужно сплачивать не только оружием и угрозой со стороны НАТО, лучшие скрепы для добрососедских отношений — взаимовыгодные экономические интересы. И наш проект «Здравствуй мир!» с участием артистов из соцстран будет здесь как нельзя кстати. Культурные связи тоже нужно укреплять. Вторая статья — о будущем Пленуме ЦК, посвященном научно-техническому прогрессу. Журналист признает отставание СССР в некоторых областях, перечисляет проекты, которые могут стать локомотивом НТП. Этот материал я себе даже аккуратно вырезаю. Тут есть о чем подумать и что «вкинуть» Романову. Раз «лед тронулся», то «парадом командовать» буду я.

Да уж… Перемены в верхах впечатляют. Я со своей музыкой отвлекся, а там оказывается, такие дела творятся… Тихо хихикаю про себя — знали бы сподвижники Романова заранее на что подписываются, может и примкнули бы у другому лагерю. Глядишь, и жилось бы им спокойнее. А с другой стороны, разве желание навести в стране порядок — это не естественное желание всякого нормального и порядочного человека? Особенно теперь, когда можно проявить личную инициативу и не бояться, что из Политбюро последует грубый окрик? С чувством глубокого удовлетворения узнаю из газет, что решением Политбюро в стране наконец-то введен возрастной ценз для ответственных должностей. Правда пока это семьдесят лет, но и за то спасибо! Постановление войдет в силу с января следующего года, но это тоже понятно — старикам нужно сначала подобрать достойную замену. Про «Советы Мудрецов» пока тишина, видимо не хотят будоражить общественность. Льготы номенклатуры — это главный раздражитель для народа. Но подозреваю, создание «Советов» идет уже полным ходом, пилюлю престарелой элите нужно подсластить, иначе старцы на пенсии начнут плести свои интриги. Их я уже почувствовал на своей шкуре — вопрос с Сусловым и Ко придется как-то решать.

Еще интересная новость: для сельских жителей законодательно снято ограничение на размер частных домов, расширение приусадебных участков и главное — на поголовье мелкого и крупного скота в личном хозяйстве. Ну, наконец-то! Обещанное начали претворять в жизнь. Люди на селе хоть развернутся. А в крупных городах начато выделение садоводческих участков для работников крупных промышленных предприятий. И это правильно. Начинать нужно именно с рабочих, к тому же у крупных заводов есть свой транспорт и какая-никакая техника…

Мое интересное занятие прерывает мама. Это тот редкий случай, когда я с сожалением откладываю газеты в сторону. Мне тоже уже пора одеваться. Через десять минут за нами заедет Леха, и мы отправимся в Кремль на вручение наград…

* * *

…Мамонт появляется на пороге нашей квартиры минута в минуту — в костюме и галстуке. Мама ахает

— Лешенька, какой же ты красавец…!

«Красавец» смущенно поправляет галстук, который явно душит его. Но протокол есть протокол, терпи Леха!

По пустой Москве долетаем до Кремля минут за пятнадцать. Въезжаем в «Боровичи», предъявляя свой пропуск, паркуемся на отведенной для служебных машин стоянке. Наш отполированный, чистенький Мерс несколько странновато смотрится в компании персональных Волг, но мне по фигу. Могу я хоть изредка воспользоваться своим новым служебным положением?

Сегодняшнее награждение значительно отличается от награждения годичной давности и происходит оно в Екатерининском зале. Присутствующих побольше, да и новый Генсек у нас пободрее выглядит, но само мероприятие начинается, как и прежде — ровно в полдень. Я с усмешкой вспоминаю, как стоял здесь перед Брежневым в школьной форме с пионерским галстуком и разыгрывал из себя мелкого клоуна, читая заздравные стихи в его честь. Неужели это было всего лишь в мае 78-го, и прошло с тех пор меньше года?! Самому даже не верится… Кажется, эта мысль приходит в голову и маме, иначе с чего бы ей смотреть на меня с таким умилением. Да, мам, твой сын вырос, и мало похож теперь на прошлогоднего подростка. О нем теперь напоминают лишь старые фотографии, сделанные в далеком мае 78-го, на которых я в компании Брежнева и его окружения. А я ведь и со Щелоковым в тот день познакомился, не

только с брежневским окружением… Как время-то летит…

Мы расцеловываемся с разодетыми «звездочками», жмем руки Клаймичу. Все при параде, выглядят на 101 процент. Меня охватывает гордость за группу. Мы в центре внимания, вокруг кружат фото и теле корреспонденты. Звездочки мило улыбаются, позируют.

Само награждение происходит в штатном режиме, официальный протокол не меняется годами. Сначала Романов произносит короткую речь «о лучших сынах и дочерях Родины», потом по одному вызывают награждаемых — шахтеров, доярок, академиков… Нам с Лехой за задержание банды грузинских воров вручают по медали «За отличную службу по охране общественного порядка». Хоть она у меня она уже вторая, но я довольно улыбаюсь. А «мамонт» так просто на седьмом небе от счастья. Сюрпризом становится Орден Октябрьской Революции, который прикалывает мне на грудь Романов. За особые заслуги в деле углубления всесторонних дружественных связей между народами Советского Союза и других государств. Генеральный подмигивает. Ну, ясно. За Каллагена. А заодно за Италию. Что ж… Неплохо. Итого с итальянским орденом — уже 4 награды. «У меня наград не счесть: Весь обвешанный, как елка, На спине — и то их шесть!». Интересно, а в этой реальности Филатов напишет своего Федота Стрельца?

После нас вызывают «звездочек» и Клаймича. Им достаются ордена «Знак почета». За творческие достижения в области советской культуры. На лицах моих сотрудников отражается неподдельное волнение, особенно волнуется Григорий Давыдович. Ну, это и понятно: за последние два месяца мужик умудрился и в Лефортово под валютной статьей посидеть, и в Англию слетать, и в Кремле награду получить. Голова, наверное, кругом идет от таких лихих поворотов судьбы. Один я уже ко всему привычный и спокоен как удав.

После награждения как обычно фотография на память и небольшой фуршет. Мне нравится, как неформально Романов общается с людьми, переходя от одного к другому. И для каждого у него находится пара теплых слов. Ну, а нашей группе товарищей он уделяет особое внимание — расспрашивает девчонок о том, как им работается со мной, хвалит нас за успешное выступление в Англии, благодарит маму за такого отличного сына. Мама краснеет от удовольствия. А потом вежливо прощается со всеми награжденными и, сославшись на срочные дела, покидает мероприятие. Ага… не забыв прихватить с собой и меня. Понятно. Сейчас опять начнет пытать меня про сны….

* * *

Пытка не длится долго. Я коротко рассказываю свой «новый сон» о диверсии в диспетчерской атомной станции. Дескать, я в теле шпиона вывожу реактор на закритические параметры работы. Происходит серия взрывов, паники персонала… Нет, я не знаю кто я и где. Нет, это точно ядерная станция — что я по телевизору не видел, как выглядит пульт управления? Пожалуй, это мой самый непростой для Романова сон. Дат нет, адреса нет, простое ужесточение режима ничего не даст. Надо решать проблему комплексно. Собирать академиков, может даже кого-то из тех, с кем только что были в Екатерининском зале.

— Ладно, считай, что ты переложил с больной головы на здоровую — задумчиво произносит Романов — Озадачу КГБ и Минсредмаш.

Генеральный тяжело вздыхает.

— Давай следующий сон о чем-нибудь хорошем, а?

Я пожимаю плечами.

— От меня это не зависит, но постараюсь.

А вот что от меня точно НЕ зависит — так это отношения с Верой. Они все быстрее катятся под откос.

— Витя — мама все знает — сразу после того, как я вышел от Романова, «зая» подловила меня у входа в Екатерининский зал. Который сейчас и вовсе носит имя Свердлова.

— Что значит знает??

— Ну а том… что мы — Вера мнется, не зная как сказать — Что мы… в отношениях. Интимных, понимаешь?

Я то понимаю. А вот она похоже совсем не понимает, какая мина подведена под группу и студию

— Откуда знает?

— Догадалась. Я подтвердила

Тьфу ты… Неужели трудно было соврать?

— И что она намеревается делать?

— Поговорить с твоей мамой — девушка краснее и опускает глаза — Ну и с тобой тоже. Ты придешь к нам завтра на ужин?

— Смотрины решили устроить? — я еле сдерживаю себя

Зая молчит, что-то разглядывая на полу. Мимо нас ходят лауреаты и кавалеры орденов — место для выяснения отношений совсем неподходящее.

— Передай Татьяне Геннадиевне, что наши отношения — это наше дело. Пусть не вздумает впутывать в это мою маму.

Вера разглядывает пол, а я ее орден «Знак почета» на высокой груди. Смягчаюсь. Понятно, что родители девушки переживают за ее будущее. И наверное не так они себе представляли ее парня.

— Давай вот как поступим — я беру «заю» за руку. Вокруг вроде никого нет, но все-равно отвожу в сторону — Я сам переговорю с твоей мамой и решу все проблемы. Хорошо? Сейчас совершенно не вовремя все это… Концерт в Космосе, трудности с выездом…

— Какие трудности?! А как же гастроли в Италии?

О как вскинулась. Не хочет терять загранки.

— Романов за нас переживает и боится. Сидите, говорит, в Москве и записывайте пластинку для Мелодии. Пусть все успокоится после теракта, да иностранные продюсеры цену накинут.

Это я уже импровизирую, но надо сказать удачно. Вера кивает моим словам, успокаивается. Мы вместе заходим в Екатерининский зал, где еще продолжается фуршет. Я с завистью смотрю, как народ чокается шампанским. Эх… и мне бы сейчас грамм сто пятьдесят — заслужил. Но боюсь, не поймут.

* * *

Дома я появляюсь ближе к вечеру. Это редкая возможность побыть вместе с мамой. В честь такого праздника в две руки накрываем на стол в гостиной и включаем телевизор. Мама боится пропустить наше награждение в Кремле и, кажется, очень хочет увидеть нас со стороны. Пока я общался с Романовым, Верой и участниками фуршета, она успела съездить к дедуле и доложить ему все последние новости. Дед, конечно, рвется домой и подозреваю, мечтает уже отправиться на рыбалку, чтоб испытать новые рыболовные снасти, купленные мною в Англии. Да вот только сначала нам нужно дождаться прибытия злополучного контейнера из Лондона, в котором они лежат.

После программы Время, где показано наше награждение в Кремле, все заинтересованные хулиганствующие лица, наконец-то, узнают, что я уже в Москве. И дикие фанаты, не подвластные Лаэрту, ближе к ночи опять устраивают шабаш под окнами нашего дома. Даже наличие двух сотрудников вневедомственной охраны им совершенно не помеха. Их крики и вопли не затихают под окнами и после десяти вечера. Наконец, кто-то из возмущенных соседей не выдерживает и вызывает милицию, которая быстро восстанавливает во дворе порядок. Только надолго ли… Мама, кажется, думает о том же самом.

— Сынок, с этим надо что-то делать… Мне уже неудобно соседям в глаза смотреть!

— Надо… — я тяжело вздыхаю — Но ты же понимаешь, что

они везде нас найдут и достанут.

— И какой ты из этого видишь выход?

— Ну, можно жить на даче. Или поменяться с доплатой и съехаться с дедушкой…

— Деду сейчас покой нужен, а не крики твоих ненормальных фанатов под окном.

Короче, снова всплывает неприятная и порядком подзабытая тема с нашим переселением. И мне не остается ничего другого, как взяться за телефонную книжку. Конечно, сейчас еще не принято звонить знакомым в одиннадцатом часу ночи, но… За те деньги, которые берет Эдель за свое посредничество, не стыдно и в четыре утра позвонить. Эдель дома и, кажется, искренне рад моему звонку. О моей просьбе он не забыл

— Виктор, ты помнится, хотел дом за высоким забором? Есть один неплохой вариант. Дорогой. Один….товарищ уезжает на ПМЖ за границу, продает отличный дом в Серебряном Бору.

Ага, понятно. Еврейская эмиграция.

— Дом, правда, хороший?

— Очень. Двухэтажный, каменный, довоенной постройки. Подведены все коммуникации, как в городе, и он вполне годится для постоянного проживания. Первый этаж сто квадратных метров, второй чуть меньше за счет открытых балконов. И есть шикарный подвал.

— А участок?

— Участок небольшой около 20 соток. Но зато есть домик для проживания сторожа и гараж на две машины.

Чума…! Я просто не верю в свою удачу. Серебряный Бор — это минут тридцать до студии от силы, а по пустой дороге и того меньше. Да, меня даже не надо уговаривать! Это тот редкий случай, когда цена вообще не имеет никакого значения. Я УЖЕ хочу этот дом, хочу, даже если он требует капитального ремонта. Эделю все это я, разумеется, не сообщаю. Нечего баловать мужика. Лишь спокойно прошу договориться с хозяином о встрече и перезвонить мне. А сам уже чуть не попрыгиваю от нетерпения. Черт, это стало бы решением ВСЕХ наших жилищных проблем! Никаких обменов и разменов, мы просто всей семьей переселяемся в этот дом. Мама присмотрит за дедом, дед присмотрит за мамой, природа, свежий воздух и городские условия. А главное — больше никаких проблем с фанатами — там они меня точно не достанут. Правда дом маме одной убирать будет тяжеловато, но и это не проблема — можно будет найти пожилую пару помощников. Жена поможет маме по хозяйству, а муж займется содержанием дома и участка в надлежащем порядке. Все это я уже проходил в своей прошлой жизни только

лет на двадцать позже…

Мало того: если хозяин дома сваливает за границу, можно предложить ему очень выгодную сделку, которая значительно удешевит мою покупку — часть денег я ведь могу заплатить ему и в валюте, переведя их на счет в зарубежном банке. Вряд ли кто еще из потенциальных покупателей сделает ему такое щедрое предложение. Нет, надо пока успокоиться… А не послушать ли мне вражьи голоса, чтобы узнать последние новости из Англии. Думаю, Би-би-си мне много чего интересного расскажет. А заодно и «Программу поп-музыки из Лондона» Севы Новгородцева послушаем…

Новости из Англии…обнадеживают. Каллаген оказался мужик не промах, и выжимает из скандала с терактом все, что только можно. В руководство спецслужб не плюнул только ленивый, там грядут громкие отставки. Бельгия выразила официальный протест по поводу принца Филиппа, пострадавшего при теракте. Представитель королевского двора принес официальные извинения королю Бельгии и семье Филиппа. Самое интересное, что даже умеренное крыло ИРА открестилось от отморозков, устроивших теракт, назвав их продажными ренегатами.

Тори сидят тихо и не высовываются, на волне разоблачений с расписками ушлые журналисты раскопали еще кучу всякой грязи про Эдварда Хила, и Тэтчер, спасая репутацию партии, вынуждена была открыто откреститься от него. Перемены коснулись и отеля Савой. Прежний директор службы безопасности уволен, новый обещает сделать Савой самым безопасным отелем Европы. Клиентам, пострадавшим при теракте, обещают выплатить компенсацию за моральный ущерб. Пустячок, а приятно…!

Но настоящую звезду с неба ухватил Уорен Магнус. Иначе как героем его никто и не называет. Американского конгрессмена Магнуса постоянно ставят в пример, власти Великобритании представили его к английской награде, а в родной Америке он стал национальным героем. В прессе уже всерьез обсуждается возможность выдвижения его кандидатуры на пост президента от республиканской партии, и создана инициативная группа американских граждан, собирающая подписи под обращением к герою конгрессмену. Уорен скромно попросил время, чтобы подумать, посоветоваться с семьей и коллегами по партии. Ну и разумеется, помолиться. Надеюсь, он это будет делать рядом с распятием. А КГБ найдет способ подогнать рядышком приемник.

Честно сказать, слушая интервью с Магнусом по Голосу Америке я даже забеспокоился. Не ожидал от него такой прыти… Шустрый конгрессмен может соскочить с крючка. Такими

темпами он и сам себе денег соберет. Что ж, пора отправить этому герою первый транш. А значит, мне завтра надо связаться с Национальной стрелковой ассоциацией и серьезно подумать про финансы.

На фоне таких волнительных новостей музыкальная передача Севы Новгородцева, посвященная нашей группе выглядит уже как само собой разумеющееся. Перечисление лидирующих позиций в хит парадах Англии, которые занимают наши песни, проливают бальзам на мое сердце. Нас так хвалят, что складывается ощущение, что для Би-би-си мы теперь лепшие друзья. Не удивлюсь, если и Роберт с Колей зависли сейчас у радиоприемника, а может, даже и записывают эту передачу на магнитофон. Вот завтра и узнаем… С этой мыслью я отправляюсь на боковую.

* * *

Что делает в понедельник с утра пораньше всемирно известный певец? Пьет гоголь-моголь для профилактики связок? Занимается пилатесом или йогой для поддержания формы? Вовсе нет. Сидит, скрючившись в гараже над драгоценным айфоном, приговаривая «прелесть моя» и переписывает слова новых песен. Для Сенчиной я выбираю кое-что из репертуара «моей любимицы» — Пугачевой. Себе красивому — «Трава у дома». Простите Земляне, но мне нужней. Последнюю я решаю переименовать в «Космическую песню» и пригласить на открытие одноименной гостиницы наших именитых покорителей Вселенной из Звездного городка.

Закончив с музыкой, приступаю к финансам. Увы, мои торговые позиции в золоте, хоть и принесли неплохой доход, не могут покрыть всех предстоящих расходов. Только одному Магнусу на кампанию надо пятнадцать миллионов долларов и пять уже на этой неделе. Да, денег от альбомов и от песни «Мы мир» — хватает с лихвой. В мае от американцев должны поступить еще два транша по десять лямов. Но дело в том, что и они у меня жестко распланированы. Пора присматриваться к блокирующим пакетам компьютерных и it-компаний. Начать с IBM, Intel… Хорошо бы прикупить Майкрософта и Эпла, но судя по информации из Айфона — они, увы, еще не вышли на биржу. Надо ждать. И готовиться.

Подготовка включает в себя поиск такого актива, которые бы вырос в разы, увеличив скачкообразно стоимость моих брокерских счетов. Золото и нефть — хорошо, но мало! Мне

теперь нужно больше. Сильно больше. И такой актив я нахожу. Это серебро! В 79-м году начинается знаменитая эпопея братьев Хант. Уильям и Нельсон являются сыновьями техасского миллиардера Гарольдсона Лафайета Ханта, который сделал своё состояние на добыче нефти и оставил своим детям огромное состояние. Которое они решили припарковать в серебро, скупив его запасы по всему миру. Накопив за 10 лет более 5 тысяч тонн, что соответствовало тогда 15 % от всех мировых запасов, братья принялись скупать «бумажное» серебро в виде фьючерсных контрактов. К началу 79-го года они контролировали треть рынка. И вздули цены с 8 долларов за унцию в апреле, до 32 в декабре.

Разумеется, мировым воротилам такая наглость не понравилась. Они изменили правила торгов на бирже и братьям в один день выставили счет в 132 млн. долларов. Иначе биржа грозила начать принудительно закрывать позиции. Цены на серебро взлетели до 52 долларов, братья судорожно искали миллионы, но увы, банки, дружно отказали в ссуде. Удивительно, правда? Ханты объявили о банкротстве и как следствие, котировки металла обвалились к марту 80-го года до 10 долларов!

Вот на этих американских горках я и собирался сыграть. Сначала «в длинную», т. е. на повышение, а потом, ближе к январю — в короткую, т. е. на понижение. Простой расчет на специальном биржевом калькуляторе показывал, что вложив 1.5 миллиона долларов, я могу с плечом в 7.5 % купить 500 фьючерсных контрактов. Один контракт — это 5000 унций серебра. При цене 8 долларов полная стоимость одного контракта будет 40 000 долларов. Стоимость 500 контрактов составит 20 млн. долларов. Каждое повышение цены на 10 % дает мне доход в виде вариационной маржи в размере 2 млн. долларов. Ее тоже можно использовать для покупки новых фьючерсов. Такая стратегия называется «пирамида». И работает только когда цены непрерывно растут. За год я могу обернуться 15 раз, каждый раз докупая на 10 % больше контрактов, чем предшествующая закупка. Суммарное количество фьючерсов, приобретенное подобным «пирамидальным» способом, когда я уже полученную прибыль вкладываю в покупку новых контрактов составит 17 500 штук.

Я вытираю пот со лба. Какой индийской клад, какие мировые хиты… За 9 месяцев, на вложенные 1.5 миллиона, при цене унции 32 доллара, я зарабатываю 2.8 миллиарда долларов! Ладно, вычтем налоги, 35 %. Получаем 1.8 млрд. И это только «длинные позиции» до уровня 32 доллара. Я сильно сомневаюсь, что

удастся продать такой огромный объем фьючерсов на отметке 50. Серебро все-таки не золото и не нефть — обороты сильно ниже. А если все-таки удастся?

Игра на «понижение» дает мне еще 5–6 миллиардов и к началу лета 80-го я могу быть самым богатым человеком Земли. Вам о чем-нибудь говорит такое имя — Дэниел Людвиг? А между тем в 1982 году, когда был составлен первый список Форбс, этот 85-летний судовой магнат с состоянием в $2 млрд. возглавлял рейтинг самых богатых людей мира. Всего 2 миллиарда! У Дональда Трамп с отцом — $200 млн. У Баффета — $250 млн. Десяток Рокфеллеров — меньше миллиарда совокупно. Да они просто все дети по сравнению со мной. Я с любовью смотрю на айфон, поглаживаю его плоский экран… Спасибо за такой подарок, я не подведу. Сегодня же отдам приказы банку купить фьючерсы на серебро.

С этой навязчивой мыслью, я возвращаюсь домой, звоню Лехе и отправляюсь в студию.

Приезжаю на Селезневскую рано, но все равно застаю там музыкантов, такое ощущение, что они и домой не уходят. Скорей бы уже в Москву перебралось семейство Завадских, может, хоть жена с дочерью призовут Колю к порядку… Почти вслед за мной приезжает Клаймич, и пока не появились звездочки, мы с ним идем пить кофе в кабинет.

Григорий Давыдович выглядит сегодня на все сто, поездка в Англию явно пошла ему на пользу. Похудевший, посвежевший, одетый в модный костюм-двойку, он просто излучает жизнерадостность вперемешку с деловитостью. А если еще учесть, что наш стилист Света наконец-то уговорила его сбрить старомодные баки и укоротить волосы, что зрительно сделало его моложе лет на пять, то вид у него просто замечательный. Мне остается только порадоваться за него.

— Виктор, я вчера после Кремля заезжал в ЦК, у нас есть некоторые проблемы с концертом.

— Опять рвутся командовать парадом?!

— Нет, слава богу! Проблемы с французской стороной, которая отвечала за строительство гостиницы Космос. Оказывается, были с ней договоренности, что на открытии выступит кто-то из французских артистов.

— Ну, и в чем проблема?

— Нам надо срочно определиться с кандидатурой.

Я задумываюсь, но лишь на минуту. Вспоминаю, что в «прошлой жизни» на открытии выступал Джо Дассен — большой друг Советского Союза и любимец советских дам. Так зачем нам что-то менять? Правда выступал он с Пугачевой, но теперь это

даже не обсуждается. У нас для него есть другая «напарница» — Людмила Сенчина. У кого-нибудь будут возражения против этих двух кандидатур? Не думаю…! О чем я и сообщаю Клаймичу. Григорий Давыдович довольно улыбается — одну проблему разрулили, пусть дальше теперь цэковцы сами утрясают вопрос с французами.

Переходим к «Здравствуй мир!». Клаймич кладет передо мной список артистов из соцстран уже согласованный с ЦК. Нет, это не директор, а просто сокровище! Пока я уговаривал себя съездить на Старую площадь, Клаймич уже сгонял туда сам и избавил меня от головной боли. Наш окончательный список выглядит сейчас так:

Карл Готт — ЧССР

Лили Иванова — Болгария

Юдит Сюч — Венгрия

Джорж Марьянович — Югославия

Марыля Радович — Польша

Хельга Ханнеман — ГДР

Паунице Ионеску — Румыния

И цековцы не были бы цековцами если бы не добавили в наш список певцов из Вьетнама и с Кубы. Морщусь, но вынужден признать — идеологически все правильно. Вьетнам нужно поддержать после недавней войны с Китаем и вообще показать единство соцлагеря. Зачитываю имена вслух:

— Пабло Миланес — Куба

— Куанг Тхо — Вьетнам.

— Хорошо, что до виртуозов горлового пения из Монголии не дошло, это уже был бы полный алес…!

Клаймич добродушно посмеивается над моим стариковским ворчанием.

— А как же наша изначальная идея пригласить советскую талантливую молодежь? — я передаю список обратно директору

— Концепция поменялась. «Здравствуй мир» будет интернациональным проектом в честь 1-го Мая. В этом концерте примут участие все артисты из нашего списка, плюс Сенчина, плюс Дассен и вы со звездочками. План такой: в первом отделении соцлагерники споют каждый по одной своей песне. Ты кстати, свои уже сочинил?

— Да. Сенчина споет одну лирическую песню. А я про космос

— Отлично. Очень в тему. Пригласим космонавтов — Рукавишникова с болгарином Ивановым, которые только что вернулись с орбиты. Во втором отделении поют Сенчина плюс Дассен. В завершении концерта все скопом дружно исполняют «Здравствуй мир!».

Примерно так я все себе и представлял.

Все-таки хорошо, что мы с Клаймичем понимаем друг друга с полуслова, и ему ничего не нужно разжевывать — сам бежит впереди паровоза. Конечно, обидно немного, что мне не удалось продавить свой проект в том виде, в каком я его задумал, но и молодые звезды из соцстран — это тоже далеко не худший вариант по сравнению с Кобзоном и Ко. Русский они все худо-бедно знают, по паре предложений легко выучат. Да, не Уэмбли, зато какой шикарный салют в конце мы закатим — уж в этом мне Щелоков точно не откажет!

Мои мечтания прерывает появление Роберта. Оказывается, все уже собрались, пока мы с Клаймичем в кабинете строили свои наполеоновские планы. Что ж, пора порадовать коллектив новой песней о космосе. Такого мы еще с ними не пели.

Земля в иллюминаторе, земля в иллюминаторе,

Земля в иллюминаторе видна…

Как сын грустит о матери, как сын грустит о матери,

Грустим мы о земле — она одна.

После всей той веселухи в стиле руссо дэнс, что мы исполняли в Англии, наша новая песня звучит непривычно серьезно. И слушают ее все с очень напряженными лицами. Вражеские голоса уже успели наябедничать, что с двигателем нашего Союза 33 были крайне серьезные неполадки, и все об этом теперь знают. Рукавишников по сути совершил подвиг, сумев вернуться на Землю и сейчас слова песни про оправданный риск и мужество звучат крайне актуально. Стоит мне замолчать, как на меня обрушивается просто шквал аплодисментов. А потом и град вопросов.

— Вить, это ты про последний полет написал, да? Здорово получилось!

— Нет, слушайте, а они, правда, могли навсегда остаться на орбите?

— А мне очень понравилась Витина фраза «Космическая музыка вплывает в деловой наш разговор»! Вот сразу представляешь себе ЦУП со множеством экранов…

— Не, припев здесь вне конкуренции! Такое мощное роковое звучание…

Я скромно пережидаю, пока народ закончит восторгаться. Песня, конечно очень ко времени. Надеюсь, что ее популярность будет еще выше, чем в моей прошлой жизни. Ну, а дальше по накатанной схеме. Девчонки переписывают слова, Клаймич с Завадским в две руки строчат ноты. Все при деле. Первый ажиотаж спал, наступает время серьезной работы.

Охранник звонит с вахты — прибыла наша горе-подтанцовка.

Прошу Клаймича избавить меня от общения с ребятами, ну нет у меня сейчас на это сил. А Григорий Давыдович у нас известный дипломат — ему и карты в руки. Пока он разводит политесы с подтанцовкой, объясняя людям причины нашего с ними расставания, я успеваю сбежать в свой кабинет. С нетерпением набираю Эделя в надежде услышать от него приятные новости. А вот нет! Не все коту масленица. Хозяин дачи в отъезде. Будет в Москве только после майских праздников. Прошу маклера больше никому пока этот дом не предлагать, тот клянется, что у меня приоритет. Что ж, подождем…

Клаймичу промеж тем удается мирно распрощаться с нашими уже бывшими танцорами. О чем он мне и сообщает, заглянув в кабинет. У него сегодня по плану поездка к Калинину, с которым им осталось решить некоторые финансовые вопросы. Прихватив из сейфа пакет с остатками валюты, Григорий Давыдович просит разрешения забрать с собой одного из Денисов. Осторожность нам не помешает и даже приветствуется. Мы прощаемся до вечера. И почти тут же раздается звонок с Мелодии. Василий Иванович Пахомов интересуется, когда мы намерены завершить работу по записи дисков. Ох, долги мои тяжкие… Основная часть работы мы сделали, инструментальные и вокальные партии записаны, начато их сведение. «Патриотический» миньон, так и вовсе полностью готов. Но ведь беда в том, что за это время мы успели еще несколько песен спеть, и теперь Пахомов настаивает на их включении в «лирический» диск гигант. Просто какая-то сказка про белого бычка…

Обещаю директору Мелодии выкроить время и прислать своих сотрудников. В ответ интересуюсь судьбой магнитоальбомов. Вопрос все еще решается в верхах, и конца-края этому не видно. Ну, и черт с вами! Будем издаваться на Западе. Пока вы здесь разродитесь, мы там уже десяток дисков выпустим. Намечаем дату записи и на этом прощаемся. И что мы имеем? На «лирическом» диске у нас семь песен: «На теплоходе музыка играет», «Городские цветы», «Карусель», «Мы желаем счастья вам», «Миллион алых роз», «Три белых коня», «Вера». Допишем «Две звезды». Если напряжемся, то можем записать еще «Альдону» и «Девочку-виденье», посвященную Ладе. Итого десять. Неплохо. Но «Трава у дома» войдет уже тогда в следующий диск. Короче, нужно обсудить это с Клаймичем и с коллективом.

В дверь осторожно стучат, и на пороге появляется одна из уволенных Клаймичем танцовщиц — яркая крашеная блондинка с родинкой над губой, чьего имени я даже не помню. Ее мини-юбка открывает взору все, что только можно и нельзя

— Виктор, я могу с тобой поговорить?

— Ну, поговори…

Виляя бедрами, девица проходит через весь кабинет и, томно заглядывая мне в глаза, присаживается на краешек рабочего стола. А дальше я с веселым изумлением наблюдаю за потугами этой нахалки, соблазнить меня прямо на рабочем месте в рабочее время. Похоже, эту идиотку, возомнившую себя роковой красоткой, ввел в заблуждение мой юный возраст, и она на полном серьезе считает, что я просто обязан бросаться на все, что шевелится. Она что-то лепечет мне про то, что мы могли бы с ней сработаться, что я просто не видел ее на сцене и вообще — она очень трудолюбивая и исполнительная. Попутно девушка расстегивает пуговички блузки.

От вида ее скромненькой «двойки», которую она мне так старательно демонстрирует в распахнутом вырезе, я, наверное, должен растерять последние мозги и предложить ей руку, сердце и заодно ключи от своей квартиры. Нет, мне даже интересно, в каком общежитии Верина мать отыскала это провинциальное убожество, возомнившее себя Мэрилин Монро? Ладно… пора заканчивать эту комедию. Не отрывая взгляда от ее лица, и не давая ей соскочить со стола, беру трубку телефона, набираю репетиционную

— Зайди.

Через пару секунд дверь распахивается и в кабинет входит Альдона. Невозмутимо окидывает взглядом открывшуюся перед ней картину и вопросительно приподнимает свою безупречную бровь. Девица снова пытается дернуться, но моя рука крепко держит ее за колено, ей лишь удается судорожным движением пальцев стянуть распахнутый вырез блузки.

— Альдона Имантовна, не подскажете, что у нас там в Уголовном Кодексе со статьей о совращении несовершеннолетних?

— До тре-ех ле-ет.

— О, как! Однако… Здесь вот девушке не очень хочется покидать стены нашей замечательной студии, и она решила, что я прямо тут на столе…изменю свое решение о ее увольнении. Проведи с ней, пожалуйста, разъяснительную работу и проводи эту…леди до дверей.

Алька, молча, распахивает дверь и жестко командует неудачливой совратительнице

— На выхо-од!

Девицу буквально сдувает с моего стола. О суровом характере нашей Альдоны она явно хорошо наслышана, и заметно, что она боится ее до судорог. Ну… я и сам ее иногда побаиваюсь, если честно. До сих пор помню, как получил от нее ногой с разворота

по тыкве. Дверь за Альдоной закрывается, и я устало откидываюсь на спинку кресла. Совратительница хренова… Хоть бы бельишко поприличнее одела, да маникюр обновила. В голове у меня только одна мысль: Неужели я так похож на малолетнего озабоченного идиота…? Чтобы отвлечься, приходится браться за трубу спутникового телефона. Сначала звоню Гору, затем в банк Амброзиано, наконец, в Стрелковую ассоциацию, чьи контакты мне оставил Магнус. Пора крутануть земной шарик побыстрее.

* * *

На ловца и зверь бежит. Стоило мне только закончить разговор с Америкой — мне звонят с проходной. У нас неожиданные гости. Билл Прауд, американский атташе по культуре почтил нас своим визитом. Приглашаю его в кабинет, жалея про себя, что Клаймич сейчас в отъезде. Прауд говорит, что заскочил на минутку. Привез мне пакет с кассетами и документы на контейнер, переданные Гором. Контейнер сегодня прибыл в Москву, и значит, он уже на таможне. Вот и славно! Хоть одна приятная новость. От кофе Прауд отказывается, но уходить особенно не спешит. Начинает подробно расспрашивать меня про теракт в Савойе. Сочувственно кивает, когда я живописую ему все ужасы своего плена. Разговор плавно переходит на конгрессмена Магнус.

— И как он вам показался, Виктор? Что он за человек?

— Ну… мы мало с ним знакомы и почти случайно оказались вместе. Но я, если честно, восхищен его мужеством и решительностью. Я даже не знаю, что было бы дальше, если бы не он.

Прауд внимательно слушает мои сказки. Я бы даже сказал, что слишком внимательно, и это почему-то заставляет меня насторожиться. Вот даже не знаю почему, и спроси — не отвечу. Но в словах своих я становлюсь осторожнее. Видимо поняв, что ничего нового я сообщить ему не могу, Прауд тепло прощается со мной и предлагает без стеснения обращаться к нему, если возникнут какие-то проблемы. Обещает всяческую помощь. Ага… Вот именно к тебе добрый американский дяденька я и обращусь! Как только, так сразу… Вежливо провожаю его до дверей.

Выходя из студии, Прауд сталкивается в дверях с… Веверсом. Мужчины внимательно оглядывают друг друга, но спустя пару секунд все-таки жмут руки. А я пытаюсь пристроить челюсть обратно. Неужели генерал прилетел на сверхзвуковом самолете ко мне из Ясенево, узнав о визите американца? Но зачем тогда

ему сталкиваться с ним в дверях?! Не…разведчики так не работают.

Веверс плотно закрывает дверь кабинета, кивает мне на чудо-прибор. Пока я втыкаю его, Имант Янович ничуть не смущаясь, снимает трубку телефона, отыскивает Леху и железным голосом просит покараулить коридор, что ведет к кабинету. И надо сказать, «мамонт» без слов соглашается. Мнда… Что-то у меня уже ноги подрагивать начинают.

— Выдыхай — Веверс усаживается в гостевое кресло и кивает на соседнее — Я не знал, что у тебя Прауд, но раз так сложилось… Имей в виду: в картотеке ПГУ он числится кадровым сотрудником ЦРУ.

Вот это номер…

— И чем мне это грозит?

— Вербовкой. Выбрать свободу еще не предлагал?

— Не-е…

— Обязательно предложит

Уже предложил. В самый первый визит. Но Веверсу знать об этом не обязательно.

— Я к тебе по другим вопросам. Во-первых, надо оформить еще несколько подписок — генерал протягивает мне папку с документами — Дело Магнуса выделено в отдельную разработку и ты в ней участвуешь.

Без меня меня женили.

— Я вообще несовершеннолетний.

— Зато официально дееспособный — отбривает меня Веверс — Хочешь, через пару лет мы тебя призовем? В пограничные войска?

Я мотаю головой. Начинаю бегло просматривать подписки и ставить автографы.

— Во-вторых, по Анне Кальви. Ты ей уже звонил? — генерал кивает на спутниковый телефон

— Звонил — я ставлю последнюю подпись и возвращаю папку

— Во время следующего разговора постарайся плавно вывести на дела ее отца. Поинтересуйся здоровьем, пошути, как ты любишь. Меня интересует, что за телодвижения начала Италия в Индии. Какая-то экспедиция с американцами…

Я чувствую себя жонглером, который подбросил десяток тарелок вверх и не знает, как их теперь поймать.

— Ну и плюс нас интересует ситуация в кабинете премьер-министра в целом. Постарайся узнать, что сможешь. Это ясно?

— Предельно.

— Тебе будет назначен куратор, который будет с тобой работать по Магнусу и Кальви. Прошу исполнять его требования

неукоснительно

— Точно и в срок — подхватываю я и понимаю, что шутка не удалась. С этим роботом вообще шутить не стоит. Лицо — словно маска. Переедет и отправится дальше.

— Надеюсь, это будет не Сергей Сергеевич?

— Полковник временно отстранен от дел. Идет расследование по теракту в Савое.

О как! Прилетело мужику.

Не дожидаясь приказа Веверса, прямо на его глазах вскрываю привезенный Праудом пакет. Вытряхиваю из него документы и несколько видеокассет, а больше там ничего и нет, слава тебе господи…! И я выдыхаю второй раз… Но это даже неплохо, что конверт от Гора я вскрыл при генерале, теперь он убедится, что я не веду переписку с американцами за его спиной. Веверс по-хозяйски пододвигает документы к себе, начинает их бегло просматривать, ну, а меня больше интересуют кассеты. Судя по надписанным фломастером стикерам, на них записи двух наших концертов, шоу Паркинсона, и черновая версия клипа Почтальона. Что ж, Гор говорил, что скоро в США запускается канал MTV, и в наших интересах снять как можно больше новых клипов. Пока еще клипов мало — они будут в постоянной ротации на этом канале, а это бесплатная реклама для нас.

— Так, здесь все документы на контейнер и опись на вложение. Можно его получать.

— А нельзя ли контейнер сюда привезти? Ну, чтобы нам всей студией в аэропорт не ехать?

— Можно, я распоряжусь. Контейнер ждите завтра после обеда. Но досмотр будет на общих основаниях.

— Как скажете…

— Последний вопрос — тут Веверс делает паузу, и в кои-то веки на его лице появляется человеческое выражение — Что у тебя с моей дочерью?

Тушите свет. И что мне врать отцу обесчещенной дочери? То есть, в буквальном смысле обесчещенной — Альдона была девственницей, и после встречи со мной перестала ею быть. Замуж я ее не зову, перспективы породниться с Веверсами меня просто пугают. О! Надо устроить общую встречу. Мама Веры, отец Альдоны… Вот такая шутка юмора.

— А какие отношения у вас с моей мамой?

Надо было видеть лицо Веверса. Имант Янович хоть и сохранил самообладание, но глаза отвел.

— Витя, ты что еврей отвечать вопросом на вопрос?

Сидим, молчим. Генерал берет графин и наливает себе в стакан воду. Мхатовская пауза…

— Ладно — Веверс смотрит на часы — Откровенного разговора у нас с тобой не получается. Мне пора на службу. Думаю, теперь мы будем встречаться чаще. Так что этот разговор придется все-таки закончить.

Генерал уходит, а я сижу грущу. И что теперь делать?

Глава 8

Утро вторника начинается со звонка в дверь. Позевывая, я отправляюсь в прихожую. Кому мы понадобились в такую рань? На часах всего шесть тридцать. Открываю дверь и застываю в шоке. Передо мной стоит босой, голый старик. Ну как голый… в черных сатиновых труселях до колен. На голове копна белоснежных волос, седая борода опускается до живота.

— Здрави будьте люди! — басит старик

— И вам не хворать — отвечаю я

— Иванов моя фамилия. Порфилий! — персонаж назидательно поднимает палец вверх

— Очень приятно. Чем обязаны?

На наш разговор из своей комнаты выглядывает полураздетая мама, ойкает и скрывается обратно.

— Потребую Виктора Селезнева. Песенника

— Это я. Как вы узнали мой адрес и попали в подъезд?

— Это не сложно. Я божий человек, несу людям учение о здоровье и бессмертии. Меня везде пускают.

Тут наконец, мой мозг просыпается и я вспоминаю Порфилия. Победитель природы, учитель народа, бог Земли. Поразил доверчивых советских людей хождением голышом зимой и летом, обливанием холодной водой. А также заумной философией — сплавом индийской йоги, христианства и языческого культа. Лежал несколько раз в психиатрических больницах, во время войны пытался мирить Сталина с Гитлером. Тот еще персонаж…

— Целитель я — продолжает презентовать себя Порфилий — Если какие болячки есть, говори, вылечу.

— Я видела, как вчера он беседует с милиционером на входе — из своей комнаты появляется одетая мама, складывает руки на груди

— Ученик мой, Васька сын Петра Кузькина — кивает старик — Дал мне твой, Витя адрес. Чтобы я тебе принес свой гимн. И ты его спел на весь мир.

Порфилий начинает громко петь:

«Люди Господу верили как Богу,
А Он сам к нам на Землю пришел.
Смерть как таковую изгонит,
А Жизнь во славу введет…»

На словах «введет» хлопает дверь — из соседней квартиры

появляется капитан. Дмитрий Михайлович одет в треники и полосатую тельняшку, но выглядит тоже как только что проснувшийся.

— Витя, что за концерт? — удивляется капитан. Заметив маму, слегка кланяется — Людмила Ивановна, мое почтение

Порфилий тем временем продолжает петь свой гимн. Я понимаю, что сейчас он разбудит всех соседей и случится скандал. Поэтому тихонько упираюсь ему руками в голый живот и начинаю вытеснять на лестничную клетку. Получается с трудом. Великий учитель входит в раж и несет какую-то чушь про исцеления, божью благодать… Приходится нажать. На помощь мне приходит капитан. Вдвоем мы его выталкиваем на площадку и запихиваем в лифт. Заканчивается все в подъезде, где всплеснув руками, к нам кидается молоденький милиционер.

— Порфилий Корнеевич! Как же так…

— Слушай меня сюда — я хватаю парня за портупею — Еще раз пустишь посторонних, хоть самого Бхагавадгиту — вылетишь из органов. Понял?

Милиционер испуганно кивает. Мы с капитаном заходим в лифт, а вслед нам несется все тот же гимн и вопрос:

— А кто такой этот… Хавагита??

— Памятник индийской культуры.

Дмитрий Михайлович неделикатно ржет. «Кто ж его посадит? Он же памятник!».

* * *

В самом паршивом настроении я приезжаю на Динамо. Утренняя тренировка сборной по боксу, в который меня не видели уже месяц. И тут же новый удар.

— А ты отчислен — Киселев разводит руками — Ретлуеву я уже сообщил. На тренировки не ходишь, предплечье травмировано…

Черт! Вот не надо было мне надевать на награждение в Кремль повязку. Ведь не болит уже ничего — просто покрасоваться хотел. Еще и Ильяса подвел.

— А как же чемпионат Европы?!?

— Савченко поедет. Он уже восстановился после сотрясения, что ты ему устроил — показывает хорошие результаты.

Тренер свистит в свисток и сборники разбирают скакалки. Кое-кто мне приветливо кивает, но большинство отводят глаза.

— Да и говорят, ты невыездной теперь — Киселев пожимает плечами — Какой уж тут Кельн…

Не знаю, чтобы я тут наговорил тренеру, но меня останавливает Леха.

— Погоди кипятиться — шепчет мне на ухо «мамонт» — Поедем в Кремль, решишь все с Генеральным. А форму еще успеешь набрать.

Ладно, делать нечего, едем к Романову. По пустой Москве быстро доезжаем до привычных Боровицких ворот, паркуемся возле Сенатского дворца. И тут же новый облом. Романова нет на месте — уехал с рабочей поездкой в Ленинград.

В коридоре я сталкиваюсь с новым управделами ЦК КПСС Жулебиным. Он то мне и рассказывает, куда подевался Генсек.

— Открывает Северо-Западную свободную экономическую зону. Хотим пригласить немецкие и французские фирмы, организовать производство высокотехнологичной продукции — Жулебин заводит меня в свой кабинет, наливает чаю — Так сказать политика разрядки в действии.

Заводы западных компаний в СССР — вещь нужная и полезная. Особенно, если это будет компьютерное производство. Но у меня своя головная боль.

— Виктор Михайлович — я решаюсь пожаловаться давнему соратнику Романова — Поговорите с Григорием Васильевичем… Ну что это за наказание такое. Мне в Кельн ехать, на чемпионат Европы по боксу, а я невыездной. Срываются гастроли в Италии, вон японцам я нужен — можно обсудить визит на острова…

— Поговорю — тяжело вздыхает Жулебин — Но не сейчас. Пусть Григорий Васильевич немного остынет, ты себя еще разок хорошо покажешь на открытии Космоса, вот тогда…

Пьем чай, обсуждаем Толкунову. На днях ей дали заслуженную артистку РСФСР и Виктор Михайлович просто млеет от ее образа скромной русской женщины. Платье до полу, длинная коса, голос-ручеек… Еще раз убеждаюсь, что для взрослого поколения вся эта наша попса, руссо дэнс — не близки и не интересны. А если уж совсем откровенно, то и противны. Им подавай душевные песни а-ля

А подойди-ка с ласкою
Да загляни-ка в глазки ей
Откроешь клад, какого не видал.
Крестьянские, заунывные мелодии…

Прощаюсь с Жулебиным иду в совминовскую столовую обедать. Отстояв небольшую очередь и раздав обязательные автографы чиновникам, беру борщ, котлеты по-киевски, овощной салат. В полупустой столовой есть свободные столики —

усаживаюсь под портретом Ленина. И тут же мое одиночество разбавляет «пятнистый друг» — Михаил Сергеевич Горбачев.

— Не возражаешь? — Горби моментально присаживается рядом и начинает меня нахваливать

— Смотрели, смотрели твой концерт. Отличное, как говорят англичане, шоу. Раисе Максимовне очень понравились наряды твоих «звездочек». Просила свести с вашим модельером. Как ее зовут?

— Львова — я всем видом показываю, что не расположен общаться. Но «пятнистого» это не останавливает. Своим ставропольским говорком он просто заполняет все вокруг. Расспрашивает о Лондоне, делится своими впечатлениями от трансляции концерта… Эх, не тем я рицин рассылал.

Я ловлю себя на мысли, что неплохо бы сделать совместную фотографию. Повесить ее над рабочим столом и каждый день смотреть, вспоминать — зачем я тут. Очень хороший мотиватор получился бы. Быстро доедаю обед, прощаюсь. Уходя обещаю передать контакты Львовой через секретариат.

* * *

Из Кремля я возвращаюсь в демоническом состоянии. Мои амбициозные планы рушатся просто на глазах. На календаре у нас вторник, но неприятности сыплются на меня так, словно сегодня снова пятница тринадцатое. Музыкой и новыми песнями заниматься сейчас нет никакого настроения, да и на девушек тоже совсем не тянет — от них одни проблемы.

Татьяна Геннадиевна увидев выражение моего лица, моментально меняет маршрут, сотрудники тоже стараются не попадаться на пути.

Когда к дверям студии прибывает машина с нашим долгожданным контейнером, я почему-то наивно решаю, что лимит гадостей на сегодня исчерпан. О, доверчивый русский вьюноша, да, они только-только начались! Это я отчетливо понимаю, стоит мне встретиться взглядом с дамой-таможенницей, сопровождающей контейнер. Вообще-то таможенников двое плюс водитель, но мужик в чине старшего инспектора выглядит более или менее адекватным, а вот тетенька с лицом обмороженной щуки — нет. И в этом тандеме явно заправляет она. Этой сухопарой даме с одинаковым успехом может быть и пятьдесят лет и тридцать пять — тонкие бледные губы, колючие глаза-буравчики, стянутый на затылке аптечной резинкой крысиный хвостик. Форма серого цвета только

подчеркивает бесцветную внешность этой женщины и довершает картину.

Буркнув что-то в ответ на наши радостные приветствия, она сразу же берет организацию процесса в свои руки. Представителем с нашей стороны выступает Григорий Давыдович, и, кажется, он здесь единственный, кого эта дама нормально воспринимает и вообще считает за человека. Я возмутительно молод, музыканты слишком патлаты, звездочки до неприличия красивы. Ну, а Львова видимо слишком хорошо одета, чтобы вызывать у нее доверие. А все вместе мы проявили неслыханную наглость, когда заставили ее покинуть пределы родной таможни и организовать разгрузку контейнера прямо у стен своей студии. И сейчас, судя по всему, нас ждет неминучая расплата за такое вопиющее непочтение. Клаймич быстрее всех оценивает обстановку и смело бросается грудью на амбразуру, стараясь во всем угодить желчной даме.

Вместе они осматривают и снимают защитные пломбы, составляют и подписывают акт о вскрытии контейнера. Григорию Давыдовичу /о чудо!/ даже удается уговорить таможенницу перенести все содержимое контейнера в здание студии, чтобы не заниматься досмотром на улице, прямо под открытым небом перед носом воющих фанатов. Поклонников быстро оттесняют наши тяжи, и под строгим надзором таможенников, все сумки, коробки и пакеты наши музыкантов заносят в репетиционный зал. Там то и начинается многочасовая тягомотина с досмотром. Проводят его таможенники тщательно и придирчиво, засовывая нос в каждую коробочку и каждый сверток…Клаймич, дай ему бог здоровья, спокоен, как удав, и организованно подзывает к столу, где по-хозяйски расположилась «щука», сотрудников.

Сначала Львова уносит к себе в мастерскую концертные костюмы и реквизит. К этому у таможенников претензий нет. Потом музыканты забирают свои инструменты, и среди них обнаруживаются те самые синтезатор и микшерный пульт последнего поколения, которыми мы так восторгались в студии на Эбби Роуд. Это щедрый подарок от Гора, и в пачке документов, привезенных вчера Праудом, есть дарственная на них. Я-то узнал об этом еще вчера, но для ребят это полный сюрприз. Дрожащие руки, ошалелые от счастья глаза — кто-то явно сегодня снова ночует в студии. Зато полной неожиданностью даже для меня оказывается подарок, переданный нам Грейс Мирабеллой. Эта мировая тетка, которую я уже, кажется, обожаю, передала нам в дар шикарный профессиональный стол для визажиста в виде большого переносного кейса. Эх, рановато мы свинтили из Англии! Глядишь, нам бы еще столько нужного подарили после

Савойя… Светка вцепляется в кейс намертво, Клаймичу с большим трудом удается уговорить ее дать таможенникам проверить его содержимое. Все это время она не отходит от стола ни на шаг, вызывая этим у тетки еще большее раздражение.

Ну, а потом все разбирают на кучки свои личные вещи в соответствии с заранее составленными списками. Надо отдать должное, сотрудники Гора сложили наши вещи очень аккуратно — сумки застегнуты, вся мелочь бережно упакована в коробки. Народ по очереди подходит к столу. На первом же списке, который принадлежит Татьяне Геннадиевне, таможенница возмущенно поднимает брови

— Простите, это какие же командировочные вы получили, что у вас столько покупок?!

Только я открываю рот, чтобы сказать, что это не ее собачье дело, как меня опережает Клаймич. Он бодро раскладывает документы перед возмущенной теткой, демонстрируя ей нашу законопослушность

— Вот ведомость на премию от американского продюсера в английской валюте.

— Хорошо устроились… — тихо цедит сквозь зубы тетка своему напарнику, но так, что мы все слышим.

Клаймич невозмутимо делает вид, что у него плохо со слухом, и продолжает докладывать ей

— Вот ведомость на уплату подоходного налога с этой премии, тоже в валюте. А вот ведомость о сдаче в бухгалтерию министерства неистраченных остатков премии в валюте, по прибытии в Москву.

Тетка придирчиво изучает документы, пестрящие кучей подписей и печатей. Вообще-то, мы вовсе не обязаны отчитываться перед ней за валюту, но премудрый Клаймич благоразумно не оспаривает ее полномочий. Он-то знает, что с документами у него полный порядок, зря он, что ли вчера полдня провел у Калинина.

— Ну, хорошо… — тетка брезгливо отодвигает в сторону ворох тряпок, чьи этикетки сплошь исчирканы фломастерами. Похоже, о тотальных распродажах на Западе она знает не понаслышке.

Дальше все происходит более или менее прилично, пока личные покупки сотрудников не заканчиваются. Пристальный интерес капитана вызывают только разные музыкальные приблуды, купленные музыкантами. Слышу, как музыканты терпеливо объясняют таможеннику техническое назначение каждой вещи: специальные шнуры, радио микрофоны, приставки-преобразователи звука к гитарам, какие-то «квакушки», и еще

масса всякой технической хрени, о которой они говорят с придыханием. Так вот на что у наших парней ушла вся горовская премия…! Маньяки музыкальные…

А потом настает момент, когда на столе остаются только покупки, предназначенные для подарков ВИП персонам и купленные для «общественного» пользования. И вот тогда настает разгул таможенной бюрократии, и всех ее запретительных инструкций. Глаза «обмороженной щуки» блеснули злорадным торжеством, и она весомо произнесла любимое слово всех советских бюрократов, для убедительности припечатывая стол рукой

— Запрещено!

Девчонки возмущено гудят, бедный Клаймич пытается объяснить таможенникам, что рулоны тканей и швейная фурнитура пойдут на изготовление сценических костюмов для группы.

— Запрещено. Вы обязаны были провести покупку тканей через Министерство, которому непосредственно подчиняетесь. Если каждый начнет таскать на себе через границу рулоны тканей, прикрываясь своей работой, то в стране наступит бардак и разгул спекуляции! По установленным правилам отрез ткани не может превышать десять метров.

— Но костюмов для солистов требуется много, а еще есть танцевальная часть группы! — Львова вспыхивает от негодования, принимая обвинения в спекуляции на свой счет.

— Объясняйте эти подробности в своем Министерстве. Мы действуем согласно своим служебным инструкциям.

— Значит нужно менять ваши устаревшие инструкции!

— Вас забыли спросить, гражданка Львова!

Вот полностью согласен с нашим модельером, но сейчас, после ее слов конфликт начинает разгораться по нарастающей. И я зол, как сто китайцев! Мало того, что ткани жалко, так еще и вся дорогая кожгалантерея, закупленная Львовой, тоже попала под раздачу. Завтра уже день рождения Брежневой, а ее подарок лежит сейчас в конфискованной куче вещей. Клаймич пытается погасить конфликт, предлагает провести из МВД письмо, разрешающее нам покупку тканей для нужд студии.

— Раньше нужно было озаботиться таким письмом. Мы же не будем сидеть и ждать, когда вы нам его привезете. И вообще, наш рабочий день закончен. Мы забираем эти вещи на таможенный склад, и дальше будем решать их дальнейшую судьбу.

— А…какая их ждет судьба?

— По действующему закону их передадут оценочной комиссии с участием товароведов, а потом они будут проданы

через магазины Госфонда.

Угу… охотно верю. Что-то я сильно сомневаюсь, что дело вообще дойдет до Госфонда. Ткани еще могут, а вот фирменная кожгалантерея известных брендов — это вряд ли. «Затеряется» в пути, как пить дать! Или найдут в ней потом что-нибудь такое «веселенькое», за что нас всех затаскают по допросам. Нет уж, из стен студии эти вещи выпускать никак нельзя. Хотя бы из соображений безопасности. И пора уже заканчивать этот цирк!

Пока расстроенный Клаймич исполняет ритуальные танцы вокруг таможенников, я киваю головой Альдоне, указывая на выход. Она понимает меня с полуслова. Переступив порог кабинета, деловито спрашивает

— Отцу звоним?

— А какой еще у нас выход? Романова нет в Москве. Щелокову по каждому пустяку звонить по вертушке? Да и он им не начальник. И какую еще провокацию за это время придумают Суслов со Цвигуном — мне что-то проверять не хочется.

— Это да…

Через несколько минут Алька с ледяным выражением лица уже передает трубку таможенникам. Что уж там говорит им генерал Веверс нам неизвестно. Но капитан знатно сбледнул с лица. И после короткого разговора отчаянно махнул нам рукой

— Забирайте.

У таможенницы от злости перекашивается лицо

— Ты что творишь, Володя?!

— Инспектор Ряпихова… заткнись, а?!

О, как мы, оказывается, умеем…! «Обмороженная щука» пару секунд ловит ртом воздух, а потом, молча, начинает собирать свои документы в папку. Вот давно бы так! А то все: запрещено, запрещено… Через пять минут таможенники с нами вежливо прощаются и отбывают восвояси. Вся студия облегченно выдыхает. Мы все морально вымотаны и сил остается только на то, чтобы унести в мастерскую ко Львовой оставшиеся вещи и отправиться пить чай. За чаем Клаймич осторожно озвучивает идею об организации зарубежного фан-клуба, через который можно решить вопрос хотя бы с «дарением» концертной аппаратуры. Ну, да… это тоже выход в сложившейся ситуации.

Но вообще разборки с таможенниками оставляют у меня тягостное чувство. Хорошо, что у нас за спиной есть Веверс, Щелоков и Романов. А у кого нет под рукой кремлевской вертушки, и нет возможности воспользоваться телефонным правом? Эти бедняги безропотно терпят все издевательства чиновников. Пиши потом, ищи правду — время-то ушло…

* * *

18 апреля 1979 г., среда
Москва, ул. Селезневская, студия МВД СССР

Утром выходим с Лехой во двор — тишь и благодать. Недоуменно оглядываюсь вокруг — а где же ненормальные фанаты? Фанатов нет. Зато есть патрульная милицейская машина недалеко от нашего подъезда. Вот и весь секрет утренней тишины во дворе. Вместо того, чтобы заниматься своими прямыми обязанностями, патруль стережет покой одного отдельно взятого жилого дома от диких фанатов одного отдельно взятого жильца. Стыдно перед соседями, стыдно перед патрульными. Вот она — обратная сторона моей популярности. Даже страшно представить, как бы мы с группой ездили по Союзу на гастроли…

Переступив порог студии, сразу окунаюсь в дела, они не ждут. Нужно срочно заканчивать черновую аранжировку песни для Сенчиной и записывать ее. Мы с музыкантами посвятили этой песне весь вечер понедельника, и вчера ребята без меня еще дополнительно репетировали. Но завтра Людмила уже возвращается в Ленинград, и времени у нас остается в обрез. Поэтому Клаймич не откладывая, пригласил ее приехать к нам после обеда. К приезду Сенчиной песня должна быть готова, а потом пусть уже Анатолий Самуилович Бивис доводит ее до полного совершенства. Радую группу, что в наш «лирический» альбом войдет песня «Альдона» и «Девочка-виденье», посвященная Ладе. Шучу, что теперь я раздал «всем сестрам по серьгам» и никому обидно не будет. Парни со смехом интересуются, когда дойдет очередь до них?

— Не дождетесь! Ну, если только для Лехи что-нибудь еще напишу — и выдаю дурашливым тонким голоском

— Ой, Леха, Леха, мне без тебя так плохо.
На сердце суматоха — я точно говорю
Ой, Леха, Леха, не потерплю подвоха
Осталось только охать, я так тебя люблю!

Парни начинают гоготать как ненормальные, девчонки фыркают, «мамонт» показывает мне кулак внушительного размера

— Ну, нет, так нет. Тогда ходи, как дурак без песни.

Настроение народу поднял, можно впрягаться в работу. Но через час телефон начинает звонить не переставая. Черновой вариант для Сенчиной должен быть записан голосом Лады, как

наиболее близким к голосу Людмилы, поэтому на телефон сегодня садится Вера. А я в очередной раз вспоминаю о необходимости завести секретаря. Дальше так жить нельзя… Интересно, что после Англии мы незаметно втянулись в распорядок, заведенный на студии Эбби Роуд, и он нас очень устраивает. А что, удобно. Приезжают все теперь рано, в одиннадцать и пять вечера у нас обязательный чай, обед в час дня.

В одиннадцать, прямо как по заказу, в студии появляется несравненная Роза Афанасьевна. Усаживаем ее вместе с нами пить английский чай, потом вручаем ей подарок, прибывший злополучным вчерашним контейнером. В фирменном магазине «Данхил» мне для бабули Лады подобрали красивый длинный мундштук с инкрустацией натуральным перламутром, и в комплект к нему дамский портсигар и маленькую карманную пепельницу — все изящное, из серебра. Получился стильный набор для стильной курящей дамы. Что ж, у любой женщины есть свои маленькие слабости, которым она усиленно потакает. Наша рафинированная мадам курит, и делать это она умудряется красиво. От презентов наша бабуля приходит в полный восторг и долго меня благодарит.

Мы снова идем работать, а Роза Афанасьевна берется за телефон. У нее особое задание — букет для Брежневой, которой сегодня исполняется пятьдесят. Поздравлю я юбиляршу днем, а встретимся мы с ней вечером на даче в Усово, к тому моменту букет для нее уже привезут в студию.

Радую коллектив участием в Ленинском субботнике. Пока планирую уборку придомовой территории, но возможно Щелоков или Романов придумают для нас что-нибудь поинтереснее. Отправят нас, например, на один из олимпийских объектов. Хитрый Клаймич предлагает самим проявить инициативу и заранее застолбить за собой наведения порядка в сквере перед гостиницей Космос. Заодно и проведем рекогносцировку на местности в преддверии первомайского концерта. Получив мое согласие, идет утрясать вопрос с МВД и ЦК. Подозреваю, что цэковцы точно не откажутся, превратить это в пропагандистскую акцию, с освещением в центральной прессе и на ТВ. А что…! Звездочки с метлами, музыканты с тачками, и я в образе Ленина несу бревно. Отличный пример для советской молодежи.

Шквал телефонных звонков раздражает страшно. Вера явно не справляется с ролью секретаря и не понимает, кого можно послать подальше, а с кем нужно нас соединить. Роза Афанасьевна оценив уровень проблемы, обещает найти для нас опытного человека, а пока садится на место Веры. Отвечать на

телефонные звонки у нее выходит не в пример лучше. Пара следующих звонков оказывается действительно важными. Во-первых, нас со звездочками приглашают в «Утреннюю почту». Во-вторых, главный редактор Московского Комсомольца Лев Гущин, просит дать большое интервью. Предлагает целый разворот в рамках популярной рубрики «Звуковая дорожка», освещающей новости популярной музыки и составляющей ежемесячный хитпарад. От такого щедрого предложения отказываться глупо, и я приглашаю журналистов к нам в студию двадцатого апреля.

Когда в обед в студии появляется Сенчина, у нас практически все готово. Людмила здоровается со всеми, с Клаймичем целуется в щеку, со мной и девчонками обнимается. Ее глаза горят нетерпением. Чтобы не томить девушку, сразу ставлю кассету с записью новой песни. Начинается вступление, и на лице Сенчиной расцветает радостная улыбка

— Какая замечательная мелодия, какое красивое вступление…

Ну да, согласен… Но у пугачевского хита «Позови меня с собой» и слова неплохие.

Снова от меня ветер злых перемен тебя уносит,
Не оставив мне даже тени взамен,
И он не спросит, -
Может быть, хочу улететь я с тобой…

Первый же куплет почему то гасит счастливую улыбку на лице Сенчиной, а по мере того, как песня продолжается, девушка становится вся напряженнее. Я не понимаю, что происходит, и в недоумении смотрю на Клаймича. Тот тоже уже заметил странное поведение Сенчиной, и в ответ на мой вопросительный взгляд едва заметно пожимает плечами. Все выясняется, когда песня заканчивается, и Сенчина смущенно просит нас с Клаймичем поговорить с ней наедине. Народ уходит обедать, и мы остаемся в репетиционной втроем.

— Виктор…твоя песня просто замечательная. Музыка выше всяких похвал. Но слова меня смущают…

— А что не так со словами?

— Ну… они наводят на ненужные аллюзии. Понимаешь… я и Григорий Васильевич — о нас и так лишнее говорят. А здесь получается, что я как бы прошу его забрать меня с собой. В Москву…

Господи… Да я даже и в мыслях своих таких параллелей не проводил! Клаймич ошарашен не меньше меня

— Людочка, милая… Ты совершенно не права! Мы эту песню

репетируем который день, но нам с Виктором даже в голову не пришло как-то ассоциировать ее слова с…твоей личной жизнью. Нет, это настолько надумано, что не имеет под собой никаких оснований! Неужели ты из-за своей мнительности откажешься от этой замечательной песни?

Сенчина внимает словам Клаймича, но ее лицо продолжает оставаться нахмуренным

— Григорий Давыдович, вы не могли бы оставить нас вдвоем? — я решаю повернуть ситуацию на 180 градусов

Клаймич кивает, целует руку Сенчиной и уходит. Певица с любопытством смотрит на меня

— Люда, давай на ты?

— Конечно, давай

— А что если ты и правда, в этой песне просишь Романова забрать тебя с собой?

— Витя! Как ты можешь такое говорить?!?

— Я понимаю, что ты и раньше вынуждена была скрывать свои отношения с Генеральным, а теперь уж тем более. Но подумай вот о чем. В Москве у тебя открываются совсем другие перспективы. Тут основные концертные залы страны, Останкино, ко мне регулярно приезжаю западные продюсеры… Тут ты как певица состоишься намного быстрее. В международном масштабе.

— И причем тут — Сенчина мнется, но потом все-таки решается — Мои отношения с Григорием Васильевичем?

— Притом, что если его подтолкнуть слегка в правильном направлении, то он поможет тебе и с московской квартирой и со столичным ансамблем, с которым ты будешь работать

— Витя, у Гриши жена есть!

— И отлично, пусть и дальше будет. Вам же это раньше не мешало?

— Да он даже ее в Москву с собой не взял. А тут я на всю страну прошу «позвать меня с собой».

Сенчина тяжело вздыхает. Да… Переломный момент в жизни. Надо принять сложное решение, которое определит дальнейшую судьбу.

— Ну хорошо! — певица задорно встряхивает головой — Давай попробуем!

***

… Когда я приезжаю на дачу Чурбанова в Усово, все гости уже сидят за столом. Извиняюсь перед именинницей за опоздание, вручаю очередной стильный букет, добытый Розой

Афанасьевной, и фирменный пакет от Диор с подарком. Галина Леонидовна, как девчонка, нетерпеливо разрывает тонкую папиросную бумагу, в которую упакована шикарная светло-коричневая сумка из натуральной кожи крокодила и восхищенно восклицает

— Ох, красотища-то какая…!

А то…! Львова выбирала, а у нее со вкусом полный порядок. Ну, и стоила эта «красотища» соответственно…

— Угодил, негодник, тете Гале! Иди-ка сюда, я тебя расцелую, дорогой мой!

«Тетя Галя» уже немного подшофе, но все пока в рамках приличий. После троекратных лобзаний в щеки меня усаживают за стол между Чурбановым и Игорем Кио. Судя по всему, мой рейтинг в этой семье растет прямо на глазах. Как опоздавшему мне наливают бокал шампанского и предоставляют слово для поздравления юбилярши. Ну, со словами у меня полный порядок. Я от души поздравляю Галину Леонидовну, желаю ей всего-всего-всего, отдельно благодарю за участие, которое она приняла в становлении нашей группы. От моих искренних слов на глаза юбилярши набегают слезы, и я снова удостаиваюсь ее материнских лобзаний. Нда… видимо любовь к поцелуям в этой семье тяжелое наследственное заболевание…

За столом сегодня непривычно тихо. Все разговаривают вполголоса, не слышно смеха, и сама именинница выглядит грустновато. Да уж… новости из кремлевской больницы не располагают к веселью. Но это ведь не повод портить человеку юбилей? Что она не заслуживает немного веселья? Ну, хоть немного…! Доедаю салат, заботливо положенный мне на тарелку юбиляршей и с показной тщательностью вытираю салфеткой губы. Все взгляды тут же с надеждой устремляются на меня, и я не подвожу дорогих гостей

— А где там моя подруга — Кремона Шестиструнная…?

«Подруга» уже предусмотрительно вынута из чехла и ждет меня не дождется в кресле. Беру ее в руки, перебираю струны.

— Что изволит заказать именинница своему верному менестрелю?!

Ну, мог бы и не спрашивать собственно… И Галина Леонидовна, и ее гости дружно желают услышать от меня патриотически- примирительную песню. А кто я такой, чтобы отказать юбилярше? «Не валяй дурака, Америка!» идет на ура и значительно поднимает градус настроения за столом. Именинница оживает на глазах, улыбка уже не сходит с ее лица. Так, нужно срочно закрепить результат хорошей домашней заготовкой. Тут очень кстати Юрий Михайлович интересуется у

меня

— Вить, в Италии ты пел на итальянском, в Англии и Америке на английском, а что будешь делать в Германии? Немецкого языка-то ты не знаешь?

— Ну, какие наши годы, начну учить! Особенно, если меня все-таки отпустят в Кельн — я страдальчески смотрю на Щелокова, но мой взгляд игнорирют

— А пока просто буду петь с сильным немецким акцентом.

Все смеются, Чурбанов улыбаясь, уточняет

— А это как?

Сделав крайне серьезное лицо, произношу, изображая сильнейший акцент

— Немьецкая нарот-тная пьеснья про любофф. — Нет, а что?! Если эта песня не про любофф, то киньте в меня камнем. Добавляю рисуясь — Страдательно — криминальная…

Народ начинает хихикать, даже не дожидаясь самой песни. Наигрываю простенькое вступление и дурашливо затягиваю с «немецким» акцентом:

К жене пришёл молодой любовник, когда муж пошёл за пивом.

К жене пришёл молодой любовник, когда муж пошёл за пивом.

Когда муж пошёл за пивом.

И сразу же выдаю припев:

За пивом, за пивом ца-ца! Тра-ля-ля-ля, когда муж пошёл за пивом.

За пивом, за пивом ца-ца! тра-ля-ля-ля, когда муж пошёл за пивом.

Следует второй короткий куплет, а припев мы уже все исполняем хором. Его поют даже серьезный Любимов и Светлана Владимировна. Когда же обстановка в песне накаляется, я придаю своему голосу оттенок трагизма. Ну а сама криминально-бытовая развязка сюжета заставляет всех гостей захохотать в полный голос.

А муж обоих убил то-по-ром, а после пошёл за пивом,

А муж обоих убил топором, а после пошёл за пивом,

А после пошёл за пивом.

И завершающий припев мы уже повторяем несколько раз подряд. Брежнева в это время рыдает от смеха, Чурбанов заливается хохотом, как мальчишка. Дождавшись, когда все успокоятся, он негромко произносит

— А что? Топор это возможно неплохое решение проблемы…

— Ну-ну… — Брежнева задорно улыбается, словно подначивая его

Все опять смеются, но теперь уже скорее смущенно. Я явно чего-то не догоняю, но меня никто не торопится просветить. Светлана Владимировна быстро предлагает выпить за свою любимую подругу, после чего разговор уже переходит на кого-то из общих знакомых…

Чем ближе стрелки часов подбираются к одиннадцати, тем чаще юбилярша бросает нетерпеливый взгляд на свои золотые часики. И хоть делать это она старается украдкой, все замечают ее нервозность и начинают потихоньку прощаться. Когда за столом остаются только Щелоковы и Кио, Брежнева уже не скрываясь, отправляется переодеваться и вскоре появляется в дверях в нарядном вечернем платье и с ярким макияжем. Я непонимающе смотрю на Чурбанова, тот хмуро отводит взгляд. Светлана Владимировна тяжело вздыхает.

— Галь, ну может, не поедешь никуда? Одна, на ночь глядя, куда-то к черту на кулички!

— Еще чего! Меня там друзья уже ждут. — И повернувшись ко мне, Брежнева вдруг добавляет — Вон, Витя со мной поедет! Да, ты, Свет не переживай, мы туда ненадолго, а потом я Витю сама домой завезу.

Щелокова умоляюще смотрит на меня, как бы говоря «Соглашайся!»

Ну, раз надо… Мама предупреждена заранее, что я могу заночевать в Усово, так что звонить ей не надо. Даже интересно, куда это Брежнева меня тащит, и что за друзья у нее такие, что сюда их не приглашают…

Прощаемся со всеми, Брежнева подхватывает подаренную мной сумку, в которую она уже успела переложить свои женские мелочи, и мы отбываем…

* * *

Едем впотьмах и довольно долго… Сначала выскакиваем на неосвещенную пока МКАД, потом двигаемся по ней на восток, проезжая мимо Медведково, Измайлово и Новогиреево. Наконец, сворачиваем на Салтыковку и через несколько минут паркуемся у большого деревянного терема, выстроенного в древнерусском стиле. В таких «теремах», раскиданных по всему Подмосковью, располагаются рестораны, рассчитанные на интуристов, а вернее на их любовь к русской экзотике и кухне. В пору моей молодости эти заведения уже изрядно обветшали, и интерес к ним у богатой публики пропал. Но сейчас они еще в самом зените своей славы. Поездка туда из города подразумевает, как минимум, услуги

такси, а как максимум — наличие собственного автотранспорта с водителем. Конкретно этот ресторан называется «Русь». Нам на встречу выбегает официант в красной расшитой рубашке и радушно приглашает нас проследовать вовнутрь. Брежнева машет рукой охраннику из 9-ки остаться у машины и мы направляемся к служебному входу. Пройдя через длинный плохо освещенный коридор, попадаем, в огромный, светлый зал ресторана, полный народа. Я щурюсь, попав после темноты на свет, и с интересом оглядываюсь по сторонам…

Опачки… Да это же настоящий «ночник»! Еще одна параллельная реальность 70-х… Зал ресторана под завязку забит «элитной публикой», по которой давно плачет ОБХСС и Прокуратура. А ведь казалось бы — МВД только недавно, в начале января, проводил серьезную зачистку злачных мест в Москве. Это случилось сразу после Арагви, и всякой шушеры милиция тогда задержала столько, что все следственные изоляторы были переполнены. Так, нет же, всего через три месяца они уже опять все повылезали, как ядовитые мухоморы после дождя! Просто теперь вся эта гоп компания благоразумно переместилась из центра города в ближайшее Подмосковье, подальше от властей и карающих органов.

А публика здесь и впрямь колоритная…На каждом втором фирменный кожаный или замшевый пиджак и джинсы, да и на остальных дорогие импортные шмотки. А уж золота на всех понавешано… Людей одетых со вкусом, по-европейски, единицы, и молодежи в зале совсем немного — ей точно не по карману такое дорогое развлечение. Слышал, что стоимость входного билета на такие ночные сборища доходила до двухсот рублей и выше. Компанию солидным папикам составляют молодые девицы облегченного поведения — этих сразу можно узнать по боевой раскраске и чересчур ярким тряпкам. Впрочем, нет… Встречается в зале и вполне приличная публика — даже мелькают знакомые лица известных артистов, а за одним из столов я вижу группу сотрудников Останкино… Эх, а Лапин-то не знает, где его люди отрываются по ночам, вот бы устроил им головомойку…!

«Тетя Галя» меж тем гордо вышагивает через огромный зал в сторону сцены. Ее узнают, ее подобострастно приветствуют, она лишь добродушно улыбается в ответ и изредка кивает головой знакомым. Брежнева явно кого-то высматривает в зале, и вскоре этот «кто-то» сам бросается ей навстречу.

— Галочка…!

— Боренька, мальчик мой…!

«Мальчик» картинно припадает к ее руке. Красивый жгучий брюнет с серо-зелеными глазами. Неужели это…

— Знакомьтесь, мальчики! Это Виктор, его теперь и представлять не нужно, он у нас мировая знаменитость, а это Борис Буряце, он у нас поет в театре Ромэн, но думаю, скоро мы его переведем в Большой театр…

Я в полном ах. е, жму протянутую мне руку, пальцы которой буквально унизаны кольцами и перстнями. Так вот ты какой — «бриллиантовый Боря»…! Теперь понятно, на кого намекала Щелокова, и на кого точит топор Чурбанов. И я сегодня, похоже, здорово лопухнулся с застольной песней. Но сказать по правде, этот парень производит вполне приятное впечатление. Фальши в нем не чувствуется, и к Брежневой он, как не странно, относится с большой симпатией. Но яркостью своей одежды и количеством золотых украшений он точно переплюнул всех остальных в зале. Бордовый с золотым рисунком пиджак из настоящей парчи, черная шелковая рубаха, расстегнутая на груди, в вырезе виднеется толстая витая цепь, чуть ли не с мизинец толщиной. Цыганский прЫнц во всей своей красе! Да уж… Ты можешь уехать из табора, но табор из тебя никогда. Но руки у Бори ухожены, волосы красиво уложены — этот молодой мужчина явно привык к красивой жизни и знает в ней толк.

— Ох, ну что же мы стоим?! Пошли скорее за стол, я и сам только недавно приехал…

Он ведет нас к отдельно стоящему столу, с лучшим видом на ресторанную сцену. На белоснежной скатерти уже расставлены закуски, и сервировка этого праздничного стола поражает даже меня, объехавшего в прошлой жизни полмира. Но так то в 90-х и нулевых, а сейчас у нас 70-е. Икра, устрицы (!), крабы, и даже большой омар! Вот я все понимаю, но омара-то где он в 70-е Москве достал?!! Перевожу офигевший взгляд с омара на огромную вазу с экзотическими фруктами. Да уж… на дворе у нас средина апреля, а в этой вазе чего только нет. И ананасы с бананами здесь лежат. Только не «кормовые», как в магазине, а небольшие, дорогих десертных сортов. Все это великолепие явно привезено в Москву самолетом из какой-то далекой тропической страны. Ну, и связи у этого бриллиантового мальчика… А другой интересный вопрос — во сколько же ему обошлась вся эта экзотика?!

Борис доволен произведенным на нас впечатлением, и тем, что смог угодить своей высокопоставленной любовнице. Нет, честно — он действительно по-настоящему сумел поразить нас этим столом! Заметив в руках Брежневой мой подарок — сумку от Диор из кожи крокодила, этот чертов эстет одобрительно цокает языком

— Чудесная вещица! И тебе очень идет, Галочка.

Брежнева краснеет, как девчонка от его комплимента и доверчиво сообщает ему

— Витенька сегодня подарил! Из Лондона для меня привез.

Мне достается снисходительный взгляд, а Брежневой вручается Борин подарок…Ну, что еще может подарить бриллиантовый мальчик своей даме сердца?! Конечно же, бриллианты! В шикарном футляре, который и сам по себе тянет на отдельный подарок, лежит гарнитур, стоимость которого я даже затрудняюсь определить. Пусть это не экспонат для Алмазного фонда, но очень близко к этому. Брежнева теряет дар речи. Я впрочем, тоже. Шум вокруг нас стихает, все тянут шеи в надежде рассмотреть подарок Бориса. А тот небрежным жестом, уже по-хозяйски расстегивает цепочку с кулоном на шее Галины Леонидовны и заменяет ее на колье из бриллиантов. За соседними столами восхищенно ахают. Я бы тоже ахнул, но мне категорически не нравится то, как напоказ Борис выставляет их отношения. И дело даже не в разнице в семнадцать лет, нет… Просто, на мой взгляд, эта не очень молодая и не очень счастливая женщина, заслуживает более уважительного отношения к себе. И вообще-то она замужем, если кто здесь забыл, и не за самым последним человеком в нашей стране. Впрочем, сейчас, в данный конкретный момент, эта женщина просто светится от счастья. И это хоть немного примиряет меня с неприятной ситуацией… Вслед за колье следует букет бордовых роз просто циклопического размера!

— Галочка, желаю тебе всегда выглядеть так же прекрасно, как эти розы! — подумав немного, Боря скромно добавляет — Нам всем на радость!

Тут уже мне стоило большого труда не хрюкнуть от смеха. Очень оригинальный тост! Ага… особенно последняя его часть. Вот в этом весь Боря Буряце. Жиголо, привыкший жить на широкую ногу и ни в чем не знающий меры. Но видно Брежневой не хватало рядом именно такого человека, сумевшего сделать ее жизнь яркой и нескучной.

Наш стол накрыт на четыре персоны, и я все гадаю, кто же нам составит компанию? Спустя какое время в дверях подсобного помещения появляется запыхавшийся мужчина с букетом в руках и быстрым шагом направляется к нам. Во и второй друг нарисовался…

— Галочка, прости, дорогая! Возникли накладки, срочно нужно было позвонить одному человечку!

— Мишенька, не переживай, я все понимаю! — и уже поворачиваясь ко мне, добавляет — Витенька, знакомься, Михаил Звездинский — король нашей подпольной эстрады!

Ага… Царь, просто царь…! Мы расшаркиваемся, и с интересом смотрим друг друга. Я, конечно, слышал про ее дружбу с этим знаменитым персонажем 70-х, но размаха его подпольной деятельности, до конца себе все же не представлял. В этом зале уже собралось сейчас человек триста, не меньше, и каждый, как минимум, заплатил за входной билет. Это сколько же он бабла поднял только на одном «ночнике»?! А ведь ночников он проводит не по одному в месяц… Какие-то баснословные доходы для советского человека, и никаких тебе налогов!

В отличие от Буряце Звездинский одет с большим вкусом. Каждая вещь на нем — от оправы очков до модных ботинок — тщательно подобрана друг к другу и стоит немалых денег. Встретил бы его где-нибудь за границей, в жизни бы не сказал, что он из СССР. Еще один любитель красивой жизни, ходящий по лезвию ножа. Да… Личная жизнь Галины Леонидовны открылась мне сегодня с весьма неожиданной стороны… И весьма опасной. Такие стремные друзья рано или поздно обязательно втянут ее в какую-нибудь неприятную авантюру в надежде, что она их потом вытащит из неприятностей.

Раньше я почему-то думал, что Звездинский сам все организует, сам и на сцене поет. А вот нет. Судя по всему, петь сегодня будут другие, а «царь» если только в конце что-то исполнит специально для юбилярши. На сцену поднимаются несколько человек, среди которых я узнаю…Кузмина и Барыкина. Молодые, кудлатые, тоже одетые в кожу и джинсу — просто униформа какая-то… Поют несколько своих песен, ничем особо не выдающихся. Народ пока ужинает, и никто плясать не рвется, но певцам хлопают.

— Как тебе? — интересуется моим мнением Звездинский

— Да, никак… Потенциал у ребят есть, играют хорошо, песни пока убогие.

— Хочешь сказать, до тебя им далеко?

— Пока да. Тексты песен совсем неинтересные.

— Ну, твои тексты, действительно поинтереснее и поразнообразнее.

— У меня даже про Бориса есть песня. Только боюсь, она ему не очень понравится.

— Что, правда есть?! Ну-ка напой…!

Я, невозмутимо пожав плечами, сходу запеваю дюновский припев

— Наш Борька бабник, и…Мишка бабник
Серега бабник — бабник, хоть куда,
А кто не бабник, а кто не бабник?!

Да тот, кто женщины и не видел никогда.

Брежнева расплескивает шампанское, сотрясаясь в приступе гомерического хохота. Звездинский тоже улыбается. А вот Борису такой поворот явно не нравится. Но он мужественно терпит чужой смех, а потом ловко уводит разговор в сторону

— Вообще-то, Галочка у нас обожает белогвардейские песни и романсы. У Миши есть чудесный «Поручик Голицын», слышал, наверное? Или «Очарована, околдована», «Сгорая, плачут свечи»…!

— Так вроде «Поручик Голицын» это чужая песня из 60-х, ее еще когда Аркаша Северный спел? — Я убедительно изображаю самое искреннее удивление — А «Балладу о свечах» и «Очарована околдована» на стихи Заболоцкого в 60-х наш ленинградец Александр Лобановский написал, это у нас в Ленинграде все знают.

Что, съел? В отличие от Звездинского я историю позаимствованных песен очень тщательно отслеживаю, и много чего о них знаю. Например, что в 90-е на всю страну прогремел суд, который признал за Лобановским авторство пяти песен, присвоенных Звездинским-Дейнекиным. Миша мило улыбается, но глаза у него злые, как бы не покусал меня…

— Так у меня все эти песни звучат в авторской обработке…

Ага…, считай, что выкрутился. Ну, да я и сам грешен, можно сказать живу этим, только цели у меня благороднее, и присваиваю я чужие песни крайне осторожно — то, что уже написано, не трогаю. И проколов пока не было.

На сцену возвращаются музыканты, опять начинают играть, теперь уже чужое импортное. Неплохо… Народ пускается в пляс. Я еще немного слушаю будущих звезд, без интереса смотрю на дрыгающуюся публику. Скучно. Я бы лучше поспать поехал. Но Брежнева не торопится уходить, любезничает с Бориской. В зале становится душновато и очень накурено. А пойду-ка я проветрюсь… Иду в туалет, потом выхожу на открытый балкон второго этажа. Ухожу в самый его конец, куда не падает свет из окон, в надежде, что меня здесь не увидят и не начнут приставать с пьяными разговорами. Стою, смотрю на небо, с которого накрапывает дождик. Что я здесь делаю…?

Невольно становлюсь свидетелем чужого разговора — на балконе появляются два пузатых дядьки, вышедшие покурить на свежий воздух. А заодно, видимо, и посплетничать подальше от чужих ушей. Меня они в темноте не видят, и потому разговаривают свободно. Мелькает фамилия Буряце, и я

прислушиваюсь

— Наш-то Борюсик опять за старое взялся…!

— Так не от хорошей жизни. Боря работал с грузинами, а теперь, когда там многих посадили, включая самого Гилашвили, этот канал для него перекрыт. А новые серьезные клиенты — это большой риск. Поэтому он снова закрутил с Брежневой, чтобы она в случае чего прикрыла его ухоженную задницу.

— Разве они не случайно с Галей в Доме Кино встретились?

— Не смеши, а…?! Когда это у Бори что «случайно» было? Подстроил он их встречу, сам мне хвалился. Тебе, кстати партия женских шуб не нужна? Боря предлагает, они уже у него дома, на Чехова. И иконы какие-то есть. Икон, правда, я еще не видел, а вот шубы неплохие. Сам бы толкнул, но завтра в санаторий улетаю…

Мужики, побросав окурки вниз и еще немного посплетничав, возвращаются в зал. А я тихо закипаю. Нет ну, что за тварь, а?! Влюбленной женщиной прикрываться. Мало она для него сделала? И шикарную квартиру на Чехова, и в Большой собирается пропихнуть и наверняка солистом… Нет, все мало ему! Надо еще и втянуть бедную бабу в крупные неприятности. Андропов, конечно, еще тем гадом был, но Буряце посадил за дело. Только кто же теперь спасет Брежневу из цепких Бориных ручонок? С Чурбановым что ли поговорить…

Возвращаюсь в зал, застаю оживление за нашим столом. На моем стуле сидит какой-то чернявый мужик весь в татуировках. Позади него стоят двое в кожаных куртках. Брежнева уже прилично пьяная смеется каким-то шуткам татуированного, нюхает розы.

— Вы не ошиблись адресом? — я киваю на свой стул

— А в чем проблема, пацан? — чернявый вскакивает, подходит ко мне вплотную. От него несет табаком и перегаром. Рядом встают дружки

— Вова, это же Селезнев Витя — Брежнева, покачиваясь, машет в мою сторону — Отстань от него

— Звя-язда! — Вова дурашливо разводит руками и поворачивается к своим дружка — Знаете, почему певцы так раскачиваются на сцене?

Те качают головой.

— Труднее попасть из волыны.

Громкий хохот Буряце и Звездинского. На нас оборачивается ползала. Мое терпение, сильно подорванное отчислением из сборной, статусом невыездного, заканчивается. Резко, без замаха бью с правой в челюсть чернявого. Слышу хруст и крик боли. Татуированный складывается со стоном и падает в ноги

Брежневой. Раздаются женский визг, мужчины вскакивают из-за столов. Правый подручный «Вовы» бьет боковым в голову, но я легко подсаживаюсь под удар и вкладываю короткий в печень. Два ноль. Последний дружок татуированного вытаскивает нож-раскладуху и с матом начинает выписывать передо мной восьмерки. Дурак! Я легко подлавливаю его на движении, блокирую предплечьем руку и вхожу в клинч. Удар лбом в нос и с левой по уху от всей души. Три ноль.

В зале ресторана стоит полная тишина. Музыканты перестали играть, все пялятся на меня. Я поправляю пиджак, смахиваю с рукава несуществующую пылинку.

— Концерт, товарищи, окончен — легкий поклон в сторону Брежневой — Спасибо за внимание и до новых встреч.

Я разворачиваюсь на пятках и спокойно выхожу из зала.

— Витя, подожди!

За мной бежит «тетя Галя».

— Извини, что так получилось — Брежнева хватает меня за локоть — Это Володя Бешеный, меня Боря с ним познакомил. У них какие-то общие дела

— Галина Леонидовна — я мягко освобождаюсь от захвата — Такие знакомства до добра не доведут.

— Витя, это мои друзья, я им нужна — отвечает мне эта, по сути, глубоко несчастная и уже не молодая женщина.

— Это не друзья, а прилипалы!

Брежнева, пытаясь опять схватиться за меня, делает шаг, оступается и почти падает. Еле успеваю поддержать ее за локоть. Она уже изрядно успела накачаться. Нет, в таком состоянии оставлять ее нельзя никак. Подхватываю правой рукой за талию, и с трудом, но веду ее к черному входу. Народ, молча, расступается. Кто-то ехидно улыбается, глядя на пьяную Брежневу, кто-то презрительно отводит взгляд, кривясь. Су-у-ки зажравшиеся…! А ведь еще недавно вы все с ней заискивающе здоровались и поздравляли с юбилеем. На улице льет дождь, как из ведра. Охранник увидев нас в дверях черного хода, выскакивает из машины, на ходу открывая зонт. Пытается забрать повиснувшую на моем плече женщину. Зло отталкиваю руки — очнулся телохранитель!

— Я сам! Сходи лучше забери ее сумку и плащ.

Осторожно усаживаю Брежневу на заднее сиденье Волги. Стоит ее голове коснуться подголовника, как она тут же вырубается и засыпает.

— Доставьте Галину Леонидовну в Усово.

Охранник кивает, не говоря мне ни слова. Судя по его спокойной физиономии, такое происходит с ней не в первый раз,

они уже давно привыкли к ее пьяным гулянкам.

— Тебя отвезти домой?

— Обойдусь. Сам доеду.

Волга разворачивается и уезжает. В лицо бьет дождь, природа плачет. Но долго мокнуть мне не приходится. Перед рестораном стоит целая вереница частников — ждут богатых клиентов с «ночника». Я выбираю первую же машину в очереди — белую «копейку» — и командую ехать на улицу 1812 года. Пора домой.

Глава 9

Утром, окончательно определившись с планом битвы за честь и достоинство Галины Леонидовны, звоню Чурбанову и прошу его о срочной встрече. Рандеву мне назначают ровно на десять. Дивлюсь про себя такой оперативности, а главное — месту. Но кто я такой, чтобы спорить с министром? И даже двумя — Щелоков там тоже будет присутствовать. Ну, и чудненько… вот сразу все разом и порешаем. Звоню «мамонту», назначаю выезд через двадцать минут, и быстро начинаю собираться.

Плюхаюсь на пассажирское сиденье мерса, жму протянутую мне руку, и только тут замечаю, что друг мой не просто невесел, он…здорово подавлен. Видно что-то у него произошло с нашей последней встречи. Вчера из студии он уезжал веселым, весь в предвкушении встречи с Зоей, и вроде ничто не предвещало беды… Невеста наша все еще в санатории, но через несколько дней уже возвращается в Москву. Так что там случилось-то?

— Лех, колись, что произошло…? — Мамонт упрямо поджимает губы и отворачивается, рассматривая наш двор — Колись говорю! Иначе никуда не поедем, а меня уже Чурбанов со Щелоковым ждут.

Мой друг опускает голову и тихо выдает

— …Мы с Зоей расстались…

Ох, ты ж…! Вот это поворот… Сочувственно сжимаю Лехино плечо

— Давай рассказывай…

История Лехи — стара как мир. Жених приезжает навестить свою невесту, а она не одна. Нет, не подумайте — никаких постельных сцен, как в скабрезном анекдоте. Просто «мамонт» стал невольным свидетелем нежного прощания своей невесты с сослуживцем в холле санатория. Слишком нежного. Откуда он знает, что тот сослуживец? Так мужик был в форме пилота гражданской авиации. Надо отдать должное — Леха проявил чудеса выдержки и дал сослуживцу спокойно покинуть сцену. Ну, а потом отправился выяснять отношения со своей неверной невестой.

Зоя страшно растерялась, но отрицать очевидное было глупо. И «старший брат» узнал много нового. Судя по всему, любовь она крутила сразу с двумя. Служебный роман вовсе не был Зое помехой для «серьезных» отношений с парнем. И когда девушка залетела, выбора у нее особого не было. Сослуживец давно и безнадежно женат, имеет своих детей, а вот наивный простак Леха холост. Отцом для будущего ребенка был естественно

назначен мой добрый, доверчивый друг. И неизвестно, чем бы вся эта лавстори закончилось, если бы вчера Лехин соперник не изъявил желания навестить любовницу в санатории. Зоя плакала, просила у «мамонта» прощения и своей вины даже не отрицала. Хорошо хоть еще хватило ума рассказать бедному парню, какой он замечательный и добрый. И на том спасибо, Зоинька! Но меня добили слова самого «мамонта»:

— Конечно…кто он и кто я.

— Лех, ты дурак, что ли?! Да куча девчонок за счастье бы посчитала за тебя замуж выйти!

— Угу… где они — эти девчонки?

Понятно. Как много девушек хороших…а тянет что-то на плохих. Теперь мы будем долго и тщательно заниматься самоуничижением и выносом мозга себе любимому. Нет, нельзя позволить парню погрузиться в пучину страданий по женщине, которая его и мизинца не стоит. А то еще вдруг додумается сдуру помириться с ней, и потом всю оставшуюся жизнь будет изводить себя ревностью. Не, стюардессы нам в жены точно не нужны. Будем искать верную и домашнюю. Вон хотя бы Светку нашу взять. Какие пироги вчера в студию притащила, просто полный улет! Говорит, что сама пекла. Так, срочно закидываем наживку…

— Лех, ты просто по сторонам давно не смотрел. А я вот видел, какими на тебя глазами наша Света смотрит!

— Какими?

Ага… а мужской интерес-то есть, только пока слабенький…! Но я рыбак бывалый, на слабые поклевки не введусь, пусть Леха сначала поглубже червячка заглотит. А поэтому резко меняем тему, оставив некую недосказанность. Пусть для начала «мамонт» помучается простым любопытством

— Слушай, а я вчера ночью опять на бандитов нарвался…

— Бля…ь! Ни на минуту тебя оставить нельзя! Как маленький. Рассказывай, давай!

Ну, вот. Как только включил режим моей няньки и про собственные беды сразу же забыл! Да и не беды это вовсе. Только поймет это Леха не сразу. Я-то с высоты своих прожитых лет четко вижу — судьба сама отвела его от такого «счастья», но кто ж послушает пятнадцатилетнего подростка? Поэтому бодро докладываю «мамонту» про события вчерашней ночи. О скандальном романе Брежневой естественно молчу. Хоть их и видело с Борей пол Москвы, но лично я ее имя трепать не собираюсь — без меня желающие найдутся. Поэтому говорю Лехе кратко — друзья, мол…

— Да, на осинах таких друзей вешать надо!

Ох, как же ты прав, мой друг! Вот именно сейчас мы этим

важным вопросом и займемся…

— Поехали, меня уже Чурбанов с Щелоковым ждут. Держим курс на Сандуны!

— Куда?!

* * *

Сандуновские бани — место в Москве историческое и можно сказать легендарное. Памятник архитектуры в стиле бозар, расположенный в центре Москвы, был когда-то построен актерами Императорского театра — Силой Сандуновым и Елизаветой Урановой — на деньги, вырученные за бриллианты, подаренные по случаю их свадьбы Екатериной Великой. Особую славу приобрели после шикарной реконструкции в конце 19-го века. Но и в 20-м веке Сандуны остаются главным банным храмом страны. Зеркальные залы, лепнина, мраморные статуи… Я иду по высшему разряду бань, как по настоящему музею — не могу оторвать взгляд от расписных стен. Служитель предупредительно открывает передо мной дверь, и я оказываюсь в отдельном кабинете, где расположились уже распаренные и раскрасневшиеся Щелоков и Чурбанов.

— А вот и Витя — муж Брежневой салютует мне кружкой пенного пива

Жму руки мужчинам, начинаю раздеваться.

— Не сильно мы тебя отвлекли от покорения мира? — Щелоков смеется, наливает себе и Чурбанову еще Туборга из бутылки

Я демонстративно смотрю на часы. Сегодня у нас вторник, десять утра. В обед у меня запланировано интервью для «Московского Комсомольца». Пару часов можно спокойно попариться и поплавать в сандуновском бассейне…

— Успеваю вроде… — я беру с банкетки белую простынь, заматываюсь в нее, как в тогу — Спасибо что позвали. А то вчерашний вечер…

Тяжело вздыхаю.

— И что там вчерашний вечер…? — Чурбанов хмурится, а министр МВД отставляет пиво в сторону

Ага, Брежнева небось еще спит после загула, а охранник ничего не видел.

— Скандал вышел. Подрался я.

— Ну-ка… давай подробности — муж Брежневой ломает воблу, раздает каждому из нас по куску

— Мутный ресторан, подозрительные люди — я пожимаю

плечами — В конце вечера к столику подошли какие-то криминальные авторитеты, в наколках. Знакомые друга Галины Леонидовны — Бориса Буряце

Министры переглянулись.

— Ну, слово за слово, полезли на меня, начали ножами махать. Лехи нет, охрана на улице, что делать? Вырубил одного, дал в челюсть другому… Отправил Галину Леонидовну домой, потом сам уехал.

— И это все? — Чурбанов нервно стучит пальцами по столу

Я замялся.

— Давай уже, конспиратор, сознавайся — Щелоков достал бутылку Буратино, подвинул мне. Эх… Я бы сейчас тоже пивка чуток глотнул и в парную. Так ведь не отстанут. Ну и с «бриллиантовым Борей» надо срочно решать вопрос — спасать Брежневу.

— Когда вышел на балкон, услышал разговор двух незнакомых мужчин. Дескать, у Бориса на квартире на Чехова партия древних икон и шуб. Ищет покупателей. А еще он раньше занимался поставкой бриллиантов в Грузию. Николай Анисимович, Юрий Михайловича — я прикладываю руку к груди — Мне кажется, что тете Гале не стоит дружить с такими мутными людьми

— Это само собой — задумчиво кивает Щелоков

— Допрыгался Борька — Чурбанов бьет воблой по столу — Поможешь, Николай, по старой памяти?

Щелоков молча вытирает руки об полотенце, подвигает к себе телефон:

— Дайте мне генерала Еркина. Олег Александрович? Здравствуй. Да я. Да, хорошо вчера посидели, твой подарок Гале понравился. Благодарит. Я вот по какому поводу звоню. Пошли, пожалуйста, следственную бригаду домой к Борису Буряце. Кто такой? Певец из театра Ромэн. Посмотрите по учетной картотеке — квартира на улице Чехова. Зачем? Оперативная информация поступила о крупной партии спекулятивного товара. Санкция прокурора? Я сам позвоню заму Руденко. Пусть ребята по дороге заедут, заберут. Все. По итогам обыска — доложись. Да, пока еще в Сандунах. Все, отбой.

Щелоков вешает трубку, смотрит на Чурбанова, затем снова подносит ее к уху. Звонит в прокуратуру. А я сижу размышляю о бренности нашей жизни. Вот был Боря. Весь в бриллиантах, поклонницах. А вот Бори уже нет, едет в телогрейке на лесоповал в Коми АССР. Судя по тому, что Чурбанов перед тем, как стать замом Щелокова работал в системе ГУИН — цыган с зоны не вернется. А если Брежнева поднимет скандал — Юрий

Михайлович просто разведет руками. «Я-то тут при чем? Я уже в МВД не работаю. А твоим друзьям, Галя, надо меньше спекуляциями заниматься. Особенно раритетными вещами». Ему-то хорошо, да и Брежневой полезно в себя прийти, а вот мне каково стукачом работать?

— Ну что? Теперь в парную — Чурбанов потирает руками — Ух, Витька, ну мы тебя сейчас напарим. В четыре министерские руки. Да, Николай?

А вот и расплата пришла. Я тоскливо смотрю на дверь. И не сбежишь…С другой стороны, может распаренные министры помогут мне с Кёльном?

* * *

К интервью с журналистами МК, назначенному на 3 часа дня, я успеваю тютелька в тютельку. После Сандунов мы с Лехой сразу же помчались в ЦКБ забирать оттуда деда. Забрали, отвезли его домой, передали из рук в руки счастливой маме. Потом я побыстрому вручил нашему патриарху все подарки из Англии, прибывшие позавчера в контейнере и рванул на работу. Теперь вот вожу делегацию по своей студии, показываю им наши достижения и трудовые будни…

Приехали они к нам целой толпой — аж четыре человека. Один из них, правда, всего лишь фотокорреспондент. Зато остальные… Во-первых, нас почтил своим вниманием сам главный редактор — Лев Гущин. Ну, это и понятно — после моего общения с Чаковским, главредам остальных изданий тоже стало интересно, что я за фрукт. Второй гость — Юрий Филинов, журналист, основавший музыкальную рубрику в этой молодежной газете — знаменитую «Звуковую дорожку». Возглавлял делегацию один из заместителей Пастухова из ЦК ВЛКСМ. Человек с прозвучавшей на всю страну фамилией — Деточкин. Последний приехал рассказать мне о подготовке Бессмертного полка на 9-е мая и договориться об участии группы.

В ходе экскурсии по студии фотокорреспондент постоянно порывается что-нибудь сфотографировать, Гущин его мягко останавливают. Ну, да… здесь я согласен — не стоит коллег так дразнить, одна наша аппаратура вызовет шок у любого советского музыканта, а еще собственное ателье и целая стена с фотографиями знаменитостей. Филинов предлагает разместить в газете наше фото с Ленноном или фрагмент выступления на сцене в Уэмбли, где я в образе Майкла Джексона. Нет, скромнее нужно быть товарищи. Лучшее — враг хорошего. Мою скромность

все одобряют, и мы сходимся на том, что сейчас нужно сделать обычный групповой снимок. А вот завтра на субботнике… Тема субботника вызывает не меньшее оживление, чем стена наших достижений. Особенно у Гущина. Перемещаемся в мой кабинет для продолжения беседы. По дороге Клаймич сообщает гостям, что место для нашего трудового подвига уже утверждено в верхах — сквер перед гостиницей Космос. Главред тут же обещает прислать туда завтра своих сотрудников, этот материал тоже войдет в большую статью.

Ну, а дальше мы больше трех часов беседуем на самые разные темы, и музыка далеко не главное в нашем разговоре. «Московский комсомолец», одна из немногих газет в СССР, которая постоянно публикует материалы, посвящённые полузапретной в эту пору тематике: неформальным молодёжным движениям, рок-музыке, западному кинематографу — они вроде как и есть, но в то же время и нет. Гущина и Филинова больше интересует вопрос о жизни молодежи в капстранах, их политические взгляды, возможность получить там образование. Отвечаю по мере своих сил, но разговор все равно неизбежно возвращается к музыке и к нашим выступлениям за рубежом. Потом переходим к повседневной жизни в Союзе. И некоторые вопросы ставят меня в тупик, если честно. Отвечаю на них и сам вдруг понимаю, насколько жизнь группы в Москве ограничена стенами студии. Если бы не приезд Моники, то мы бы сами ни в театр не выбрались, ни в Суздаль, ни на экскурсию по Кремлю. Весь наш обычный маршрут и распорядок: дом — студия — репетиция — концерт. Со стороны я, наверное, выгляжу каким-то диктатором — эксплуататором, и ведь хрен кому докажешь, что мои сотрудники — трудоголики еще почище их руководителя.

Перевожу разговор на предстоящий концерт. Делюсь планами, даю прослушать запись «Здравствуй мир!». Народ впечатлен. Переглядываемся с Клаймичем, решаем дать им прослушать еще и черновую запись «Травы у дома». Пол работы не показывают, но шила в мешке все равно не утаить — через десять дней эту песню будет распевать вся страна. Приговор Юрия Филинова однозначен: это безоговорочный лидер следующего, майского хит-парада. Ну… здесь бы я не был так самоуверен. Просто никто пока еще не слышал «Позови меня с собой» в исполнении Сенчиной, а это тоже явный претендент на первое место. Гущин осторожно спрашивает меня:

— Но ведь это рок чистой воды?

— Конечно. А что в этом такого? И почему у нас все привыкли считать, что если рок, то обязательно протест?

— А на Западе разве не так?

— Уже нет, и давно. Рок — это всего лишь музыкальный стиль, а содержание песни может быть каким угодно — от любовной лирики и рок-баллады до патриотического гимна. В моем представлении главные «протестанты» сейчас на Западе все же панки, вот уж кто выступает против всего на свете и самым радикальным образом.

Филинов смеется, «комсомолец» хмурится. Да… подрываю я вам устои. И мне можно.

— Наши же рокеры все по старинке фигу в кармане держат. Но эта оппозиционная «идейность» у них проявляется избирательно. По ночам они спокойно выступают перед всякой шушерой в дорогих ресторанах, и за деньги споют там все что угодно. Хоть «Марсельезу», хоть «Мурку», хоть «Семь сорок».

— Ты про кого-то конкретного говоришь? — Сразу делает стойку «комсомолец»

— Да. Но фамилий называть не буду, уж извините. А потом за властями тоже есть грешок. Вот зачем они ввели правило, что у любого ВИА 80 % репертуара должны составлять песни, написанные членами Союза Композиторов? Я, например, не имею к ним никого отношения, но разве мои песни стали хуже от этого? Эту нелепую обязаловку, конечно же, надо отменять. Напишите, пожалуйста, об этом!

— Так ведь ты у нас советник Генерального Секретаря по культуре и делам молодежи — пожимает плечами главный редактор МК — вот и займись этим!

Не в бровь, а в глаз.

— И займусь. Только с делами разгребусь немного, и закончу подготовку к концерту. ВЛКСМ, между прочим, мог бы тоже организовать молодежный рок-фестиваль под своей эгидой.

— Хорошая идея! Мы и сами уже об этом думали. Виктор, а у нас для тебя подарок.

Юрий Филинов гордо выкладывает передо мной свежий номер МК с хит-парадом за март месяц. Пробегаю глазами список победителей:

1. «Две звезды» Красные Звезды
2. «Погода в доме» Людмила Сенчина
3. «Так не должно быть» Михаил Боярский и Ольга Зарубина
4. «Подберу музыку» Яак Йоала
5. «Мы с тобою танцуем» Игорь Иванов
6. «Дорогие мои старики» Лев Лещенко
7. «Миллион алых роз» Людмила Сенчина
8. «Ты возьми меня с собой» Алла Пугачева
9. «Сонет Шекспира» Алла Пугачева
10. «Этот мир» Алла Пугачева

11. «Мир без любимого» Татьяна Анциферова
12. «Любовь нас выбирает» Яак Йоала
13. «Снегири» Виктор Селезнев
14. «Старая мельница» Лев Лещенко
15. «Белый вечер» Эдита Пьеха

Йе-ес-ссс! Стараюсь не показать своего ликования, но в душе у меня все бурлит от радости. Гегемония Пугачихи наконец-то уходит в прошлое. И надеюсь, что навсегда. Пора дать дорогу молодым. Если верить айфону, то в моей прошлой жизни 20 апреля на страницах «Московского комсомольца» появился очередной хит-парад за март 79 года, куда вошли сразу семь песен в исполнении Пугачевой — триумф, невиданный ни до этого, ни после этого. И случился он благодаря ее фильму. Теперь же все кардинально изменилось. В результате у Пугачевой осталось всего три песни, с 8-го по 10-е место. Учитывая, что одна из них вообще не имеет никакого отношения к фильму — весьма слабенький результат. Зато моих песен в хит-параде аж целых семь! И это еще «Мадам Брошкина» в хит-параде не участвовала, поскольку официально никем не зарегистрирована и автор ее «никому не известен». А так глядишь, и она бы еще в первую десятку вошла.

Правда, «Красные звезды» представлены в хит-параде скромно — всего одной песней, что немного обидно для нас. Хотя чего обижаться, если все силы в последнее время были брошены на англоязычные шлягеры, вот там и результат виден. Зато в хит-параде МК все мои «покупатели». Даже Пьеха умудрилась с «Белым вечером» туда попасть. Хотя в принципе понятно, почему так все произошло — это ударный Останкинский концерт в честь 8-го марта здорово повлиял. Не зря его уже пару раз повторяли по многочисленным просьбам телезрителей, а песни, в нем прозвучавшие, постоянно крутят по радио и в «Утренней почте», в которой мне еще предстоит сняться. Все-таки ТВ — это для эстрадного певца главная ступень к всесоюзной славе. От размышлений о хит-параде меня отвлекает Деточкин.

— Виктор, а кто у вас комсорг в студии?

Вот, зараза, спросил, так спросил…! Я растерянно смотрю на Клаймича, он на меня. Упс… а комсомольской ячейки-то у нас и нет. Это явный прокол, за такое небрежение к ВЛКСМ нам могут из ЦК и люлей отвесить. Я начинаю осторожно выпутываться из щекотливой ситуации

— Понимаете, у нас с этим все непросто. Я, например, состою на учете в своей школьной организации. Лада в своей консерватории. Вера с Альдоной пока еще платят взносы по старому месту работы…

— Это непорядок. Вам нужно срочно создать комсомольскую ячейку студии и зарегистрировать ее при МВД.

Я согласно киваю.

— Обещаю, что мы завтра же этим займемся! Соберем комсомольское собрание, пригласим кого-то из комитета комсомола МВД и выберем комсорга.

Блин… Отвык я как-то за прожитые годы от этой партийной заорганизованности. Ячейки, комсорги, взносы, собрания… А ведь это часть современной жизни, без этого сейчас никуда. Надо будет Веру комсоргом избрать, пусть она все эти собрания в студии проводит и взносы со всех собирает.

После недолгого обсуждения деталей Бессмертного марша, мы прощаемся с «комсомольцами», идем их провожать. У стены достижений все опять останавливаемся. Гущин долго смотрит на наше общее фото с мировыми звездами в Нью-Йорке.

— Нет… Эту фотографию все же надо дать в статье. Ну, где еще можно увидеть столько звезд одновременно?!

А вот и, правда, где…?

* * *

«Комсомольцы» ушли — японцы зашли. Приехали для начала познакомиться. В черных костюмах, прилизанные. Выглядят все одинаково — слово роботы. Думал, будут кланяться, но нет — протянули руки. Делегацию сопровождает Марков, который к тому же привез посылку, переданную диппочтой нашим послом в Англии товарищем Луньковым. В посылке куча английских газет и журналов с обширными статьями про нас, про теракт и открывшуюся в Лондоне Национальную выставку СССР. Но самое главное — там десяток свеженьких экземпляров «VOGUE» с просто шикарной статей о группе. Ох, не зря нас тогда мучили сотрудники Грейс Мирабеллы! Даже япошки обалдели, когда я им показал разворот с потрясающими стильными фотографиями. Тут же проявили желание познакомиться не только со звездочками-красавицами, но и с нашей Львовой. Три журнала я сразу отдал растроганной Татьяне Леонидовне, по экземпляру звездочкам, остальные бережливо припрятал в сейф. Пригодятся.

А вот красиво подгадал премудрый Андрей Иннокентьевич, просто зачетно с английской прессой получилось! И разговор с японцами сразу же пошел в иной тональности. Понятно: хоть до создания Sony Music Entertainment еще добрых восемь лет, прозорливые «самураи» уже сейчас делают ставку на самую талантливую и популярную в мире молодежь. Идею их клипа с

«лунной походкой» по Красной площади я одобрил, но прозрачно намекнул, что у нашего сотрудничества могут открыться и совсем другие горизонты. Какие? Ну, ведь я же спортсмен и поэтому каждое утро бегаю. Вокмэн мне просто необходим на утренних пробежках. А США и Европу в скором времени захлестнет волна моды на здоровый образ жизни. Джоггинг станет его неотъемлемой частью. Японцы озадаченно переглядываются — похоже, так глубоко они еще даже не копали. И пока они прибывают в задумчивости, предлагаю им свой вариант.

Да, я могу стать лицом торговой марки Сони. Но сам плеер может стать моим повседневным и незаменимым спутником. И это должно быть отражено в рекламных роликах. Не просто трюк с лунной походкой на фоне Храма Василия Блаженного. Этого уже будет недостаточно. Еще должна быть утренняя пробежка по Кремлевской набережной. И перемена между уроками в школе. Поездка в машине на работу, когда я слушаю плеер на заднем сиденье. Загородный отдых в выходные дни на фоне красивой русской природы. И, конечно же, зарубежные гастроли. Аэропорты, самолеты, автобусы, отели — везде и всегда со мной будет портативный плеер. Вокмэн должен олицетворять собой новый образ жизни активного молодого человека, а для этого нам нужно привлечь внимание самой разной целевой аудитории: начиная со школьников и студентов, и заканчивая бизнесменами. Плейер должен стать самым желанным подарком для любого молодого человека. Все это я выдаю им на приличном английском языке.

Вы когда-нибудь видели круглые глаза у японца, причем без пластической операции? Я видел. И отныне горжусь этим! Шок это ведь по-нашему, по-русски. Показал узкоглазым капиталистам, что такое по-настоящему креативное мышление. А чтобы совсем добить, поставил им фрагмент из нашего выступления на Уэмбли. Ага… «Japanese Girls». Вот вам еще один пример русской креативности. Кто автор этой замечательной формы для стюардесс? Так я же вас с ней недавно познакомил! Короче, офигевшие в конец япошки попросили время на размышление и корректировку своих планов. Да, мне и не жалко. Все равно до первомайского концерта времени на съемки рекламных роликов у меня нет. А вот в мае я буду в их полном распоряжении. И свои креативные предложения я им завтра же оформлю в письменном виде и перешлю в качестве официального документа с советской стороны. Чтобы потом они «случайно» не забыли, чья это вообще была идея. Да, сенсэи, халявой здесь и не пахнет. Зато пахнет первоклассной рекламой мирового уровня и очень большими деньгами. ОЧЕНЬ БОЛЬШИМИ.

Марков довольно лыбится и украдкой показывает мне за спиной японцев большой палец. А то…! Если уж ввязываться во все это, то надо поиметь с японцев все, что только возможно. И это я еще им свой личный профит не озвучивал. Но это отдельная тема для разговора. Много валюты мне за такой контракт все равно никто не даст, родному государству она сейчас нужнее, а вот насчет бытовой техники и аппаратуры с нами точно можно будет договориться. Ну, и про гастроли естественно. Хорошо бы Сони выступила в качестве спонсора. И не только в Японии…

* * *

Хочешь насмешить бога — поделись с ними своими планами. Ну, почему все, что я пытаюсь сделать, идет в разнос? Почему мои проекты трещат по швам, и воплощаются в жизнь извращенным, кривым, а иногда и просто издевательским способом? И в таком бедламе я живу уже неделю. На фоне этого наша недавняя подготовка к гастролям в Англии кажется мне теперь милым пустяком.

Нет, сначала ничто не предвещало наступления ада. Все шло как обычно, и случались даже приятные события. Например, ленинский субботник прошел на ура. Мы провели день на свежем воздухе, размяли кости, подали достойный пример для молодежи всей страны — нас даже вечером показали в программе Время. А стена достижений пополнилась классными фотографиями, которые сделал корреспондент из МК. Фанаты под руководством Лаэрта убрали соседний двор, в котором они обитают.

Наконец, Роза Афанасьевна привела нам секретаря. Аллилуйя! Полина Матвеевна — строгая дама в возрасте, полжизни проработала секретарем у какого-то министра и печатает на машинке с огромной скоростью. Короче, кажется, нам с ней повезло. Есть маленький минус — Полина Матвеевна, увы, не знает ни одного иностранного языка. Хотя… при ближайшем рассмотрении это даже можно считать большим плюсом. Для нас с Клаймичем. Лишние уши при разговорах с Гором точно ни к чему.

В воскресенье мне удалось устроить себе выходной, и съездить с родственниками и Лехой на дачу. Проверив, как идет ремонт, я нашел несколько недочетов, но для советских времен бригада очень даже неплохая. Часть перегородок уже снесли, комнаты первого этажа значительно расширили, теперь их оббивают вагонкой. Дед конечно сразу же рванул на берег, чтобы провести испытание рыбацких снастей, привезенных из Лондона.

Как ребенок, ей богу! Притащил нам к обеду несколько карасиков размером с ладонь, причем вид у него был такой гордый, словно это двухметровые осетры. Английские снасти были признаны пригодными для наших водоемов. Ага… это он еще не знает, сколько я за них отвалил, особенно за крутое телескопическое удилище из сверхлегкого современного материала, стоившее как самолет, а то прибил бы меня на месте. Мы с Лехой делали шашлык, мама, тихо посмеиваясь, пожарила этих карасиков в сметане — дедуля был просто счастлив. Сама она, наконец-то высадила на клумбу бедные английские луковицы, которые уже начали потихоньку прорастать на балконе.

В понедельник утром еще одна приятная новость — вышла огромная статья в МК за подписью Гущина и Филинова. Целый разворот. И это, учитывая, что фотографий там немного — всего три штуки. Статья получилась хорошая, без лишнего пафоса и восхвалений, все по делу, а главное — ничего не переврали, за что им отдельное спасибо. Из редакции прислали двадцать экземпляров, и все наши расхватали их себе на память — в городских киосках эту газету купить сложно. До обеда мы усиленно работаем, репетируем «Траву у дома», потом всем табором едем дописывать диск на Мелодию. С Клаймичем все у нас почему-то выходит легче, веселее и быстрее. Все ладится, и к вечеру «Две звезды» уже полностью записаны.

Во вторник начинаются первые неприятности. Французская сторона очень недовольна форматом предстоящего концерта и составом выступающих. Очнулись лягушатники! Изначально договаривались, что концерт пройдет в гостиничном зале конгрессов на тысячу мест, и будет советско-французский междусобойчик для избранных. А теперь в ЦК новые веяния — концерт на открытом воздухе, куда приглашены все, включая простых строителей. У нас все для народа! Но количество зрителей даже трудно себе представить. И если «Red Stars» французы сами выбрали, то кто такая Сенчина они вообще не знают. А никто из цэковцев не решается объяснить им, за какие такие заслуги ей оказана великая честь веселить французов. Ну, да, Генсек у нас в СССР безгрешен априори… В добавок к Сенчиной еще нарисовалась куча народа из соцлагеря. Видимо когда наши умники в ЦК по-хитрому слили в одно мероприятие сразу несколько проектов, с французами они это до конца не согласовали. И вот теперь всего за неделю до концерта начались всякие фокусы.

В среду неприятности продолжаются. Французы торгуются с цэковцами как евреи на одесском привозе, пытаясь все же убрать из концерта и Сенчину, и представителей соц/эстрады. Клаймича

жалко. Маркова тоже. Но как им убедить французов, я не знаю. Вернее знаю, только не хочу впрягаться в этот конфликт. Но, в конце концов, я все же не выдерживаю, и сам еду вечером с Клаймичем на переговоры.

На встрече присутствует посол и атташе по культуре. Разводить политесы некогда, поэтому я жестко обрисовываю им ситуацию. Или французы нам доверяют, и мы проводим концерт так, как наметили, или его надо отменять. Сцена возводится, приглашенные артисты вот-вот прибудут в Москву, репетиции идут и на выяснение отношений времени больше нет. Почему мы устроили интернационал? Потому что 1 мая — Международный день солидарности трудящихся. Почему пригласили Сенчину? Она поет мои песни, и это мое личное решение. Как Советника Генерального Секретаря ЦК КПСС по культуре и делам молодежи. Мне товарищ Романов доверил провести этот концерт, и я приложу все силы, чтобы он прошел на высочайшем уровне, а вы меня тут отвлекаете от важной работы.

Оглашение официальной должности, моя наглость и напор производят впечатление на лягушатников. Но они продолжают качать права, не желая терять лицо. Я только грязно матерюсь про себя и проклинаю неизвестного идиота из ЦК, заварившего всю эту кашу. Французы не будь дураки, подключают тяжелую артиллерию. Не хотите «по-нашему» — мы отменяем Дассена. Тут я, конечно, чуть не сорвался. Ручка в моей руке треснула и разлетелась по столу мелкими фрагментами. В переговорной повисло тяжелое молчание.

Дискуссия быстро выходит на уровень МИДа, в возникший конфликт вмешивается даже Примаков. Лично звонит послу и что-то жестко ему выговаривает. И лишь тогда стороны быстро находят компромисс — артистов из соцлагеря не будет, но Сенчина остается. Мы с ней делим первое отделение, второе полностью за Джо Дассеном. Я тут же вставляю свое требование: тогда весь концерт будет сниматься для показа по советскому ТВ. Снова взрыв негодования — «Мы так не договаривались!» Спрашиваю ласково у французов: а может вам пора пообщаться с американскими продюсерами? Какими продюсерами? А с Майклом Гором из «Атлантик Рекордс» и Эндрю Вэбером из «СиБиЭс Рекордс». Лягушатники тут же быстро затыкаются. Видимо представили, во сколько им тогда обойдется участие в концерте нашей группы. Без трусов останутся.

Я кстати, о сумме нашего гонорара до сих пор не имею ни малейшего понятия. Клаймич тоже. Похоже, мы с Сенчиной будем выступать за простое «спасибо», и продали нас французам недорого. Собственно, и Пугачевой в прошлой жизни тоже по

деньгам ничего не светило, просто ее хитрый муженек ловко подсуетился и выпросил у французов в качестве гонорара импортную сантехнику. Но я так позориться точно не буду и придумал весьма достойный выход: весь свой гонорар за этот концерт наша группа перечислит какому-нибудь детскому дому. Думаю, и Сенчина к нам присоединится. О чем я гордо заявляю французам. У нас ведь 1979-й — Международный Год ребенка, или как? Впечатлились.

Теперь надо чуть подсластить пилюлю, а то что-то морды у лягушатников больно кислые. Радую их тем, что в честь космонавтов, которые будут присутствовать на концерте, будет исполнена новая песня о космосе. Даю, прослушать им запись «Травы у дома», которую мы только закончили сводить этим утром. По ходу записи делаю для них краткий перевод текста. Скупые на похвалу французы расщедрились на комплименты. Но нас вежливо просят, дать гарантии, что концерт пройдет на самом высоком уровне. Хорошо, что не расписаться собственной кровью на фасаде гостиницы. Видимо поняли, что расписываться русским уже нечем — всю кровь они из нас выпили.

На этом мы с ними и прощаемся. У машины счастливый Марков долго жмет мою руку и рассказывает мне, какой же я молодец. Ага… заработал я ему очередной плюсик в карьеру. Цэковцев-то французы со всеми съемками сразу послали лесом, заявив, что это закрытое мероприятие. Смешно…!

Глава 10

1 Мая 1979 года, вторник. Москва.
Проспект Мира, д.150

И вот настает долгожданный день. До обеда мы участвуем в демонстрации на Красной Площади, несем красные флажки, что нам выдали люди генерала Калина, машем ручками Романову и Ко, стоящим на Мавзолее. Потом проводим время в студии, распеваясь и пакуя в кофры свои сценические костюмы. Наконец, ближе к вечеру все едем в «Космос». Короткая рабочая встреча в зале конгрессов гостиницы. Нас знакомят с группой космонавтов, которые будут участвовать в торжественной части мероприятия. В нее входят Леонов, Рукавишников и болгарин Иванов. Приятные открытые люди, и герои в полном понимании этого слова. Рукавишников уже дважды Герой Советского Союза, а третью звезду по существующим идиотским правилам космонавтам не дают, только Орден Ленина. Хотя за ТАКОЙ полет, он третью Звезду заслужил, как никто другой. В Политбюро боялись, наверное, что космонавты сравняются по количеству звезд с самим Брежневым. Мне искренне обидно за Рукавишникова. Может, Романов теперь отменит это позорное ограничение?

Чуть позже к нам присоединяются Джо Дассен со своим неизменным продюсером Жаком Пле и переводчиком. Дассен хорош… Сразу понятно, что в нем так восхищает женщин. Высокий, подтянутый, с аристократической выправкой и великолепными пышными волосами. Мужественное лицо с обаятельной улыбкой и богатой мимикой. В общении с нами он любезен, и в нем нет ни капли звездной заносчивости. Вот вроде и не красавец в прямом понимании этого слова, но и Сенчина, и девчонки не спускают с него восхищенных глаз. В нем без труда можно опознать успешного, состоятельного человека, привыкшего к комфорту, роскошным отелям и ресторанам. Читал, что он большой поклонник изысканных вин, гольфа, тенниса и горных лыж. Но курит он очень много, одна сигара буквально следует за другой, и это наводит меня на мысль, что вся его аристократическая невозмутимость всего лишь маска, за которой скрывается постоянный стресс и нервозность.

Сейчас Джо Дассен чрезвычайно популярен в СССР, телепередачи с его участием вызывают неизменный ажиотаж, а пластинки с записями невозможно достать. Пригласив его, организаторы попали в точку, более популярного французского певца в нашей стране сейчас нет. Правда, самая продвинутая советская молодежь предпочитает Дидье Маруани и его группу

Space, их участие в концерте, посвященном открытию гостиницы с таким же названием, было бы более чем уместно. Но… разве молодежь кто-нибудь когда-нибудь спрашивает? Пожилой советской номенклатуре милее респектабельный Джо Дассен, поэтому в концерте участвует именно он. И за это родной партии спасибо, а то бы вживую его так ни разу в Союзе и не увидели.

Прощаемся ненадолго, отправляемся по своим гримеркам. Маркова и Клаймича постоянно отвлекают и дергают, у меня невольно создается впечатление, что к концерту здесь абсолютно ничего не готово. Прокол за проколом. То одно, то другое. То что-то со светом случилось, то со звуком. То какой-то софит навернулся, то придурошный электрик что-то с кабелем напутал. Тихо зверею и с ностальгией вспоминаю Уэмбли. Сцену, правда, украсили неплохо, и выглядит она вполне прилично, особенно на фоне здания гостиницы. В многочисленных зеркальных шарах самого разного размера отражается солнце, создавая атмосферу яркого праздника и поддерживая космическую тему. Простенько, но со вкусом. Вот вроде прекрасная погода, грандиозный концерт на свежем воздухе, но почему же ничего меня не радует? Почему на душе такая тоска? Может, потому, что все продолжает тихо разваливаться — заканчиваются отношения с Верой, с боксом, видимо, навсегда покончено, да и заграница для меня теперь надолго закрыта. Что будет дальше…?

Наконец, торжественная часть начинается. В окно гримерки вижу море людей, пришедших на концерт. Сидят на пластмассовых стульях только первые несколько рядов, где у нас расположились ВИП персоны. Все остальные стоят, но это, кажется, никого не смущает. Такой концерт — огромная редкость даже для столицы, и ради удовольствия увидеть любимых артистов, люди готовы многое вытерпеть. Тем более, что большинство строителей, возводивших гостиницу, иногородние, и для них такое мероприятие вообще в диковинку. Краткую, но прочувствованную речь произносит глава Москвы — Гришин, с ответной речью выступает кто-то из французского руководства. Много говорят о советско-французской дружбе, о многолетних крепких связях между двумя нашими странами, о стремительно развивающемся сотрудничестве в экономике и в культурной сфере. Зрители терпеливо слушают и даже с воодушевлением хлопают выступающим. Шум аплодисментов накатывает морским прибоем, и, отражаясь эхом от фасада гостиницы, выгнутого подковой, многократно усиливается.

Нас просят пройти на сцену. Сейчас с поздравлениями выступят космонавты, и на этом торжественная часть мероприятия закончится. Дальше начнется концерт, и первым

номером вступаем мы, с «Травой у дома». Зрители, да и сами звездоплаватели в полном восторге, аплодируют нам так, что оглохнуть можно. Потом мы поем «Феличиту», «Почтальона», вандеровскую нетленку «I Just Called To Say I Love You» и «Sara Perche Ti Amo». И каждый раз шквал аплодисментов. От «всяких вольностей» типа «чересчур игривых» песен, фляков и лунной походки меня в ЦК убедительно попросили сегодня воздержаться. Все это разрешено исключительно для гастролей на Западе — экспортный вариант, так сказать. Представляю, каких моральных терзаний стоило цэковцам вообще разрешить нам исполнить итало- и англоязычные хиты в Москве. Ничего. Пережили как-то. Теперь вон сидят в первых рядах и довольно улыбаются, чуть ладоши себе не отбили. И французы тоже радостно лыбятся — наверное, до сих пор радуются, подсчитывая в уме, сколько они смогли сэкономить на нашем выступлении.

После нас на сцену выходит Сенчина. Я быстро переоделся и сижу теперь в ВИП зоне рядом с Романовым, с интересом наблюдаю за реакцией зрителей на свои песни. Звучит «Маленькая страна», затем «Миллион алых роз», потом «Теплоход». А уж как классно у них получилось «Женское счастье» — просто загляденье! Сам не ожидал. Пока Сенчина пела, я в уме быстро прикинул, что всего за год она в легкую поимела с меня десяток первоклассных песен. Их у нее теперь набралось на целый новый диск. Вот вам и скромница Людочка…! А моя собственная группа в это время сидит без нового советского репертуара, и еле-еле наскребла хитов на свой первый «лирический диск». Надо притормозить, пора Сенчиной и честь знать. Вижу, что не только Романов с советскими зрителями, но и сами французы выступлением певицы очень довольны, хлопают ей с огромным воодушевлением, хотя ни черта не понимают на русском. Но поет Люда так душевно и с таким чувством, что им, наверное, и перевода не нужно. Наконец, звучит «Позови меня с собой». Я впиваюсь взглядом в лицо Романова. Проглотит?

Сенчина выводит мелодию песни и я понимаю, что проглотит. Да еще добавки попросит. Кивает в такт словам, улыбается. А я вытираю пот со лба. Эксперимент удался — сквер перед Космосом разрывают бурные аплодисменты.

А вот затем, давая Сенченой немного передохнуть и сменить сценический наряд, на сцене появляются наши ребята и Альдона в смокинге. Над столицей разносятся первые аккорды «Still loving you». Нахожу глазами Иманта Яновича и теперь внимательно слежу за его реакцией. Веверс, кажется, пребывает в шоке. Ага… культурном. Не ожидал он от своей ледышки такой экспрессии. И одно дело видеть ее выступление в записи по видаку, а совсем

другое — наблюдать, как она поет вживую со сцены. Алька своим выступлением срывает просто бешенные аплодисменты. Это шквал оваций, переходящих в какую-то бурю, шторм…! Я же окончательно офигиваю, когда французы дружно встают и аплодируют ей стоя. Даже Веверс проникся этим моментом… если не сказать, что он окончательно потрясен. Лицо держит, но руки его полностью выдают — слишком нервные у него сейчас аплодисменты. Пока Альдона приходит в себя и сдержанно раскланивается, на сцене снова появляется Сенчина. С чувством обнимет девушку, выказывая ей свое искреннее восхищение. Мое настроение медленно, но улучшается…

Исполнив «Подорожник траву», Сенчина, наконец, переходит к завершающей стадии своего выступления. Сначала лидер хитпарада — «Погода в доме». Но ей зрителей уже не удивить, она сейчас из каждого утюга звучит. А в ресторанах, говорят, ее исполняют по нескольку раз за вечер. За «Погодой» следует совсем «свеженький» «Паромщик», которого никто еще не слышал. И тут Бивис постарался на славу. Я даже не ожидал от него такого бережного отношения к нашим аранжировкам, думал, что он не утерпит, и обязательно добавит в них что-нибудь свое. Но нет. Зрители на площади просто неистовствуют. Рев стоит такой, словно мимо реактивный самолет пролетает. Скупо улыбаюсь, принимая поздравления от Романова, Гришина и четы Щелоковых. Целуюсь с мамой и дедом. Последний так расчувствовался, что вытирает платком глаза. Краем глаза отмечаю, что Чурбанова с Брежневой среди ВИПов не видно. Понято… не до концерта им сейчас.

* * *

— Ты чего такой кислый? — сияющий Романов весело треплет меня за плечо.

— «Нет, ребята все не так. Все не так, ребята» — отвечаю ему стихами Высоцкого

— Ну, концерт-то отличным получился?!

— Да, вроде не плохо. Но могло бы быть и значительно лучше, если бы не вмешивались все, кому не лень. Некоторые песни нам вообще запретили петь.

— Это ты брось! — Романо хмурится — Все вышло замечательно. Просто ты еще молодой и не понимаешь, что на наш народ нельзя все хорошее разом вываливать. Все перемены во всех сферах должны происходить с разумной постепенностью. Сделал важный шаг — остановись, осмотрись, подожди, пока

остальные подойдут, и только потом ступай дальше. Знаешь, будь моя воля, какие бы я темпы задал?! Ух…! Но все остальные к ним готовы? Не останусь ли я один в чистом поле, если так широко шагать буду?

Заметив растерянность на моем лице, он усмехнулся мне по-отечески — Вот то-то и оно! Вы с Людой показали сегодня очень высокий уровень для советской эстрады. Так пусть теперь к нему другие чуть подтянутся, поймут, что и они так смогут, если хорошо постараются. А уж потом ты снова планку поднимешь…

Неожиданные откровения. Я даже опешил немного. Как-то не рассматривал я нашу эстраду в таком…странном ракурсе.

— Григорий Васильевич, а как насчет зарубежных гастролей и бокса? — раз уж Романов в хорошем настроении — грех не воспользоваться

— Ну ты и жук, Витька! — Генеральный грозит мне пальцем — После майских праздников решим.

* * *

После небольшого технического перерыва на сцену выходит Джо Дассен, и начинается совсем другая песня. Я уж было, самонадеянно решил, что после нашего с Сенчиной феерического выступления французу придется туго. Ан, нет! Кто бы другой может еще и растерялся, но Дассен с самой первой минуты целиком захватил внимание зрителей. Господи… как же он пел! Понятно, что когда в 2-х тысячный раз исполняешь «Елисейские поля», то выверено уже все — каждая нота и каждый жест. Но вот ощущение возникает при этом, словно поет он именно для тебя и впервые… Словом Джо Дассен — профессионал высочайшего класса. И выглядит он при этом так, будто сошел со страниц светской хроники. Белоснежная сорочка, оттеняющая чуть смуглую кожу, светлый костюм и туфли. Элегантен, как белый рояль! А этот его приятный баритон хрипловатого тембра, с тёплыми мягкими интонациями… Надо ли говорить, что зрители слушают его, затаив дыхание, на глазах у многих женщин слезы. И это при том, что они совершенно не понимают, о чем он поет. Вот она — великая сила искусства…

Джо Дассен заканчивает выступление и благодарит зрителей за теплый прием. Видно, что он искренне тронут тем, с какой восторженной любовью к нему относятся советские люди, и как долго они не отпускают его со сцены. Для него это стало приятным сюрпризом. Еще большим сюрпризом стал замечательный салют над «Космосом» и буквы МИР, ТРУД, МАЙ,

которые высветили окна гостиницы. Народ на площади просто сходит с ума… Что ж… праздник, наверное, и правда удался. Отчего же мне одному так хреново-то…?

2 мая 1979 года
Москва, ул. 1812 года, квартира Селезневых.

— Спишь?

— Сплю.

— Просыпайся

— А что случилось??

— Брежнев умер

Звонок Жулебина раздался в час ночи. К телефону подошла мама, но тут же постучала мне в дверь. Продрав глаза, я взял трубку и услышал напряженный голос управделами ЦК КПСС.

— Ох, какое горе — я тяжело вздохнул и попытался осмыслить произошедшее. Получалось плохо.

— Надо позвонить Галине Леонидовне — наконец, сообразил я

— Позвонишь еще. Ночью собиралось «малое» Политбюро — решили устроить государственные похороны.

— Ну это понятно… Сколько лет Леонид Ильич проработал Генеральным Секретарем… А я вам зачем?

— Решено в траурные мероприятия включить молодежь — комсомольцев и пионеров. Ты у нас в первых рядах — тебе и карты в руки. Утром езжай в свою школу, директору я уже позвонил. Бери старшеклассников и к девяти утра, чтобы были в Колонном зале Дома Союзов.

— Зачем?

— Дежурство у гроба. Вам выдадут траурные ленты и все, что полагается в таких случаях.

— Разве не Кремлевский полк должен дежурить? — осторожно интересуюсь я

— Караул «кремлевцев» будет. Решили, что вахту будут нести по два часа все без исключения — члены Политбюро, представители различных отраслей хозяйства, выдающиеся деятели культуры… Романов даже церковников разрешил допустить к похоронам.

— Все понял — шестеренки в моей голове заработали — А можно к деятелям культуры моих «звездочек» присоединить?

— Хорошо, я добавлю их в список. Все, Витя, мне пора, завтра увидимся.

Следующие три дня слились у меня в монотонное серое полотно, похожее на асфальтовую дорогу. Похоронная музыка, бесконечная очередь в Дом Союзов, горы траурных венков. Рядом

с гробом постоянно находилась зареванные Виктория Петровна и Галина Леонидовна с братом, Чурбанов и еще несколько дальних родственников. Высокопоставленные скорбящие сначала подходили к покойному, клали цветы. Потом шли к вдове Брежнева. Недолгий разговор, объятия… Обычным гражданам давалась всего полминуты, чтобы пройти мимо — венки забирали еще на входе.

Пятого мая в 11 часов под звуки траурных мелодий гроб с телом Леонида Ильича вынесли из Колонного зала и установили на артиллерийский лафет, обитый красной тканью с черными маркизами по бокам. Парадный БРДМ — у военных именуемый «бардак» — с задранным вверх пулеметом, очень медленным ходом поехал в сторону Площади Революции. За ним шли родственники, 45 генералов и адмиралов, каждый с атласной подушкой, на которой лежали многочисленные ордена и медали Брежнева. За военными пристроились все остальные — члены Политбюро, партийные и государственные руководители, представители общественности. Кортеж медленно добрался до Красной площади. Она была полностью заполнена народом. В четком строю — части войск Московского гарнизона. Над их колоннами склонены боевые знамена. Процессия останавливается у Мавзолея. Гроб с лафета переносится на постамент, начинается траурный митинг.

Первым выступает Романов. За ним Щелоков, Устинов, Суслов… Я вместе со «звездочками» стою у самого подножья Мавзолея и вижу всех членов Политбюро. Нельзя сказать, что они сильно расстроены. О чем-то шепчутся, практически не слушают выступающих. Митинг окончен. Руководители Коммунистической партии и Советского государства спускаются с трибуны Мавзолея, подходят к постаменту и на руках несут гроб с Брежневым к Кремлевской стене.

Девчонки ревут и похоже, что искреннее. Я украдкой смотрю на часы. Час дня. Служители в черном, забирают гроб и начинают медленно опускать его в могилу. Раздается залп орудий. Над Красной площадью взлетают стаи птиц. Еще один залп. Один из ремней не выдерживает, лопается и гроб с громким стуком падает в могилу.

— Плохая примета — вздыхает рядом со мной кто-то. Я оборачиваюсь и вижу бородатого попа в черной рясе и белом клубке. В руках посох, на груди массивный крест. Патриарх Пимен. Я видел его еще на прощании в Колонном зале.

— Без отпевания, без соборования… — еще раз вздыхает Пимен. Крестится. Раздается новый залп орудий.

— Вам не разрешили провести панихиду? — интересуюсь я у

патриарха

— Сказали, что не желательно. Присутствовать можно, а ритуалов не надо. Леонид Ильич был неверующим. Родственники тоже не посещают церковь.

— И правильно делают

Пимен осматривает меня с ног до головы.

— Комсомолец?

Я киваю… А потом, в своем мрачном состоянии, решаю усугубить:

— Комсомол есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований. Владимир Ильич Ленин

Если бы патриарх мог — он бы сплюнул. Прямо на Мавзалей, где лежит Ильич — благо он недалеко. Его лицо сморщилось, как будто он съел что-то кислое. Отворачивается. Эх… Говорила же мне мама держать язык за зубами.

Окружающие с плачем начинают кидать в могилу землю. Мы медленно, вместе с патриархом двигаемся в очереди. Я кидаю комок земли, отхожу в сторону. Спустя четверть часа служители принимаются закапывать могилу. Вместе с Брежневым уходит целая эпоха. Ее называли застойной, но для многих это были счастливые времена. Население страны значительно выросло, мы получили пятидневную рабочую неделю и трехнедельный оплачиваемый отпуск. А бесплатные путевки в санатории и детские лагеря? А отсутствие безработицы и повсеместное высшее образование? Творческий подъем в кино, литературе и музыке… Причем вопреки всей «ужасной» цензуре. И вот неужели на весах истории это ничего не стоит?

Да, страна стояла на пороге третьей мировой войны, была окружена врагами и предателями. Но эксперимент с построением социализма все-таки продолжался. Первое бесклассовое общество, где человек человеку — друг, товарищ и брат. Получилось ли построить? Увы, нет. Но сама попытка оставила неизгладимый след в истории. Во многом благодаря Брежневу.

В самом подавленном состоянии я возвращаюсь домой. Все предприятия закрыты, занятия в школах и институтах отменены, на улицах раздаются траурные гудки автомашин. Молча поднимаюсь в квартиру, не раздеваясь, падаю в кровать. На кухне, гремя посудой, мама о чем-то разговаривает с дедом. Работает телевизор — показывают оперу Вагнера. Тяжелая, похоронная музыка. Включаю «голоса». Передают репортажи с похорон Брежнева, разбавляя их результатами выборов в Британии. Наши

лейбористы победили с минимальным отрывом, Маргарет Тэтчер ушла в отставку с поста лидера партии «тори». История сделала новый поворот, но это меня совсем не радует. Я раздраженно щелкаю выключателем радио.

Вечером надо ехать на поминки в Завидово, успокаивать Галину Леонидовну. За эти три дня так и не удалось нормально поговорить. Арест Буряце, смерть отца — слишком многое на нее свалилось. Чурбанов рядом, но не похоже, что ей от этого легче. Как облегчить ее боль?

Ильич был неплохим человеком. Занимался страной, заботился о ближних. Я сегодня видел, как люди искренне по нему горевали. Романов на митинге обещал подхватить выпавшее из рук Брежнева знамя. И поднять его еще выше. Но для родственников все это слабое подспорье в горе. Может быть посвятить Ильичу какую-нибудь песню? Люди будут петь и вспоминать все хорошее, что было при Брежневе. Что-то ведь даже было на эту тему… «Товарищ Генеральный секретарь!» Кобзон еще исполнял. Похоже, что она уже написана, но надо проверить. Если написана — подберу что-нибудь еще. Я подрываюсь с кровати и отмахнувшись от обеда — все позже — бегу вниз.

Фанатов сегодня у подъезда нет и я за десять минут быстрым шагом добираюсь до гаражей. Оглядываясь. Никого. Открываю створку ворот, включаю свет. Внутри пахнет смесью бензина и машинного масла. Закрываю створку, лезу в подпол. Тут устроены два тайника. Один Лехой — для генеральского клада, другой мной лично — для айфона. Сдвигаю в сторону старые лысые шины, оставшиеся от предыдущего владельца, нажимаю на одну из плиток. Она слегка приподнимается и я засовываю в щель пальцы. Сдвигаю плитку в сторону, открываю деревянную крышку тайника.

У меня перехватывает дыхание. Тайник пуст. Айфона нет!

Конец третьей книги

— Эй, автора, а где четвертая? Что там дальше?

— Четвертая книга, скорее всего, будет (Эпоха Красной Звезды). Но не сейчас. Устал я от 1979-го года. Отнеситесь к этому с пониманием.

— А что же нам делать?

— Несколько вариантов. Во-первых, вы можете подписаться на мои странички в соц. сетях. Вот Фейсбук, а это Вконтакт. Как только начну писать 4-ю книгу (Эпоха Красной Звезды) — сразу сообщу. Во-вторых, рекомендую ознакомиться с новым проектом — Война князей. Книга I Властелин огня. Жесткое, эпическое и кровавое фэнтези. Планируется серия романов. Возможно, вам понравится.

.

notes

Примечания

1

генерал Манагер – известная шутка начала 90-х годов. В эпоху факсов коммерческие предложения с Запада подписывались General Manager. Люди, не очень подкованные в английском языке, переводили подпись как «генерал Манагер»